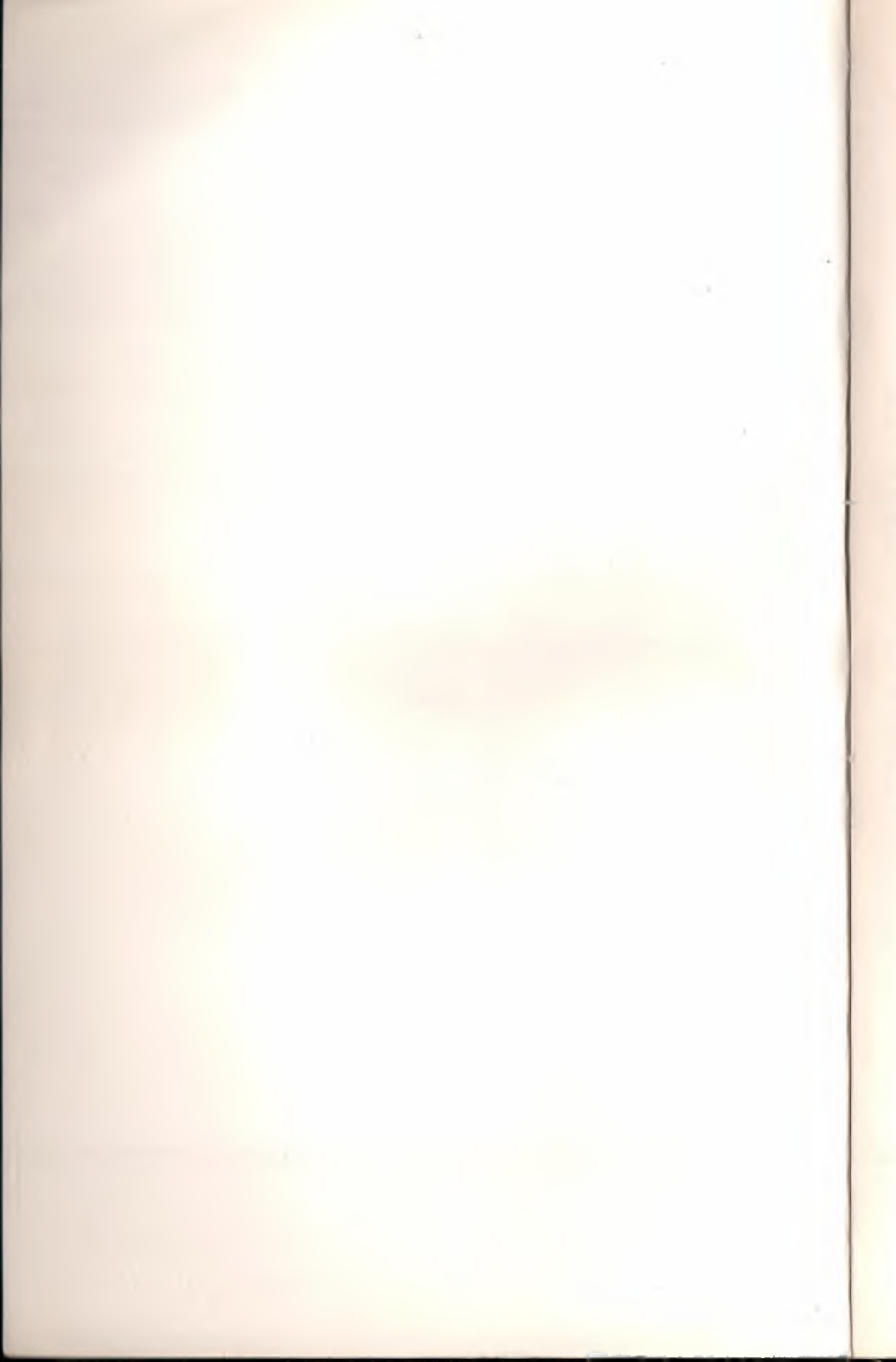

ГРЕЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ВТОРОГО Т.В. БЛАВАТСКАЯ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ДО НОВОЙ ЭРЫ
И ЕГО КУЛЬТУРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ДО НОВОЙ ЭРЫ
И ЕГО КУЛЬТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

В монографии рассматриваются различные стороны культурной жизни древнейшей Греции и роль ахейского наследия в культуре классического периода. Состояние источников не позволяет создать полную картину культурного развития греков в XXII—XII вв. до н. э. Поэтому автор выделяет главные тенденции этого развития, показывает, каковы были контакты ахейской культуры с культурой соседних стран Средиземноморья. На основе имеющегося материала автор приходит к выводу о высокой культуре труда свободного производителя в сельском хозяйстве и ремесле, о больших достижениях в строительном деле и ряде технологических процессов. Художественное творчество греков периода бронзы свидетельствует об интенсивном интеллектуальном развитии создавшего его общества.

Ответственный редактор

Ю. К. КОЛОСОВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Огромная роль древней Греции в формировании европейской культуры давно вызывала интерес к духовной жизни эллинов в I тысячелетии до н. э. Многие произведения древнегреческой архитектуры, скульптуры, живописи и литературы справедливо рассматриваются как непревзойденные творения человеческого гения. Ценные наблюдения и выводы эллинских ученых о природе и о человеческом обществе поражают исследователей нашего времени своей точностью и глубиной.

Интенсивная интеллектуальная жизнь древней Греции достигла в VII—I вв. до н. э. высот, каких человечество еще не знало. Как показали исследования, проведенные за последние 70 лет, расцвет эллинской культуры в I тысячелетии до н. э. был подготовлен предшествующим многовековым развитием протогреческих и раннегреческих племен. Изучение созданной ими яркой и своеобразной цивилизации в эпоху бронзы — очень сложная задача, тем более что каждый год в распоряжение науки поступает много новых и весьма разнохарактерных источников. Однако имеющиеся данные неравномерно освещают жизнь общества XXX—XII вв., многие вопросы остаются невыясненными. Внимание современных ученых особенно привлекают история культуры и развитие производительных сил, важнейшей частью которых являлись люди с их опытом и знаниями. Усложнение производственных процессов оказывало немалое воздействие на умственное развитие человечества. Поэтому интеллектуальный уровень людей эпохи Поздней бронзы намного превышал уровень тех, кто лишь начинал пользоваться металлом. Многие столетия напряженного физического и интеллектуального труда привели к значительному расширению кругозора жителя Греции в период от начала III тысячелетия до XII в. до н. э.

В данной книге мы коснемся некоторых проблем ранней истории Греции, которые либо не получили освещения в нашей первой работе¹, либо понимание которых уточняется благодаря появлению новых источников. Во избежание повторений мы обошлись без обзора источников и историографии, а также не рассматривали специально вопросы хронологии. Укажем, однако, на то, что некоторые

---

¹ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966 (далее — Т. В. Блаватская. Ахейская Греция).

периоды истории ранней Греции трактуются неверно, что находит отражение в устаревших наименованиях. На современном этапе знаний совершенно неправомерно считать весь отрезок истории с XXX по XII в. эпохой крито-микенской культуры, а XI—IX вв. — гомеровским периодом. Эти суждения, возникшие в то время, когда наука не располагала достаточными сведениями об истории Восточного Средиземноморья в III—II тысячелетиях, теперь окончательно устарели: порожденные неправильно понятыми отдельными явлениями в области искусства или литературы, они совершенно не отражают важнейших процессов, происходивших в социальной и политической жизни общества. Изучаемое время четко делится на два периода: 1) время распада первобытнообщинного строя и постепенного складывания элементов новых отношений; 2) период вполне созревших раннерабовладельческих отношений. Различие в социальных институтах заставляет обратиться в поисках общего наименования к иным критериям. Можно говорить об ахейской или додорийской Греции². А период сразу после дорийского завоевания, охватывающий XI—IX вв., если исходить из главного его содержания, заслуживает определения как «предполисный»³.

---

² Если же искать общее наименование, исходя из государственного устройства, то время существования ахейских монархий во II тысячелетии можно охарактеризовать термином «дополисная Греция».

³ См. «История древней Греции», изд. 2-е. М., 1972.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОПОЛИСНОЙ ГРЕЦИИ

Блестящий расцвет ахейских царств в XVII—XII вв. приходится на начальный период существования классового общества в Греции. Еще в первой половине III тысячелетия почти во всех греческих землях сохранялись незыблемые устои первобытнообщинного строя. В политической же организации господствовали принципы родо-племенного устройства. Часть их восходила к очень давним институтам¹, созданным еще в период нерасчлененного индоевропейского языкового единства². Яркие свидетельства сохранились в языке греков и многих родственных им народов. Например, во многих индоевропейских языках имеются общие названия для понятия «род», образованные от корня *ǵen — «рождать», что свидетельствует о развитии норм родовой организации еще в неразделившемся массиве родственных племен, носителей древнего индоевропейского языка-основы. Анализ терминов родства, обнаруживающих значительную общность во всех индоевропейских языках, позволяет заключить, что основной общественной единицей в период древнего исторического единства индоевропейских племен был род, построенный на патрилинейном счете родственных связей, хотя, как отмечает А. В. Десницкая, в некоторых языках есть общие термины, указывающие на род, основанный еще на матрилинейных связях³.

Помимо древнейших родовых связей население Греции начала III тысячелетия унаследовало от предшествующих времен развитую систему племенного устройства. Быстрый рост населения в результате развития земледелия и скотоводства привел к тому, что в VI—V тысячелетиях произошло расчленение индоевропейского массива в связи с распространением его на обширных территориях⁴. В условиях расселения племенная организация становилась крепче

¹ Как известно, эволюция человека стала прослеживаться после находок французских археологов в долине Омо (Эфиопия) в 1968—1969 гг. приблизительно до 2 200 000 лет до н. э. Можно лишь гадать о том, какие древнейшие нормы социальной жизни дожили до III тысячелетия и какую форму они тогда приняли.

² Общие сведения об индоевропейском племенном массиве см.: В. В. Иванов. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954; А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955.

³ А. В. Десницкая. Вопросы изучения..., стр. 316.

⁴ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 272—283.

и устойчивее⁵. По-видимому, развитие племенного строя отвечало насущным требованиям организации внутриобщественных отношений. Целесообразность племенных институтов находит яркое подтверждение в том высоком развитии производительных сил, которого достигли обитатели юга Балканского полуострова, особенно в период от 4000 до 3000 г.: на этой завершающей ступени неолитического хозяйства население греческих земель создало много ярких локальных культур⁶, составляющих вместе стройную картину единой культурно-исторической общности.

Но последнее тысячелетие каменной индустрии на территории Греции знаменовалось не только успехами в области производства. Усложнялись формы межплеменных связей, все большие размеры приобретали военные конфликты. Поэтому отдельные племена оказались вынужденными тратить свои трудовые ресурсы на возведение мощных оборонительных сооружений. Лучше всего известны ныне укрепления IV тысячелетия в поселениях Фессалии — Димини, Сескло, Одзаки и ряде других, расположенных в самой плодородной части Северной Греции. Весьма интересны укрепления неолитического времени на маленьком острове Салиагосе в Кикладском архипелаге⁷. Здесь оборонительная стена включает ряд элементов, которые позднее выступили в фортификационных линиях крепостей раннекикладского и раннеэлладского времени.

Возведение столь монументальных сооружений (о них см. ниже, стр. 101) показывает, что между XL и XXX вв. до н. э. многие племена, обитавшие на юге Балканского полуострова, предпринимали большие усилия для защиты от неприятеля или для нападения на своих соседей.

Расширение военных конфликтов дало толчок более быстрому течению ряда процессов в производительной и в общественной жизни (правда, это относительная быстрота, так как речь идет о тысячелетнем периоде). В области социальных отношений явно обнаруживалась тенденция к усилению авторитета глав племен, особенно в обстановке острых столкновений между племенами. Приоритет вождей постепенно становился необходимостью в жизни племенного массива Греции рассматриваемого времени. Вместе с тем рост авторитета племенных властей и их неизбежное обособление от массы соплеменников постепенно подтачивали самые основы первобытной демократии — старинные общественные институты приобретали новое значение⁸.

⁵ Мы не останавливаемся на древнейшей истории индоевропейского массива. Весьма важные наблюдения о развитии индоевропейских племен Европы содержатся в работах чешского археолога Ю. Неуступного. См., в частности: *From Indo-Europeans to Prehistoric Celts in Central Europe* («*Rivista da Faculdade de Letras de Lisboa*», III serie, N 10, 1966, p. 1—32).

⁶ *Prehistory and Protohistory*, p. 79—81.

⁷ *C. Renfrew and J. D. Evans. Excavations at Saliagos near Antiparos. London, 1968, p. 34—35.*

⁸ В 1966 г. на одной из дискуссий Ю. В. Бромлей высказал мысль о возникновении аппарата государства на последней ступени родо-племенного общества,

Ход изменений в социальной структуре на рубеже IV и III тысячелетий был нарушен переворотом в сфере производства, связанным с переходом к массовому изготовлению орудий из металла⁹. Внедрение меди оказывало решающее воздействие на все стороны общественной жизни. Развитие металлургии обеспечивало дальнейшее возрастание производительности труда, что способствовало накоплению излишков сверх необходимого обществу запаса продуктов и неравномерному распределению достатка внутри племени. Довольно скоро результаты этого сказались на структуре общества.

Действительно, на протяжении III тысячелетия в ряде областей Греции, особенно на островах и в прибрежных землях материка, четко выявились крупные сдвиги в сфере социальных отношений. Так, в северной части Эгейского моря, на Лемносе¹⁰, около 2750 г. на месте скромного сельского поселения Полиохни-I появился поселок, который с полным основанием может быть назван протогородом. Этот центр, Полиохни-II, просуществовал несколько столетий, причем за это время его дважды обносили оборонительными стенами. Около 2550 г. началась новая фаза — Полиохни-III. Это был уже настоящий город, по площади в два раза больший, чем несколько более поздний город Троя-II (2500—2200 гг.) на побережье Малой Азии. В Полиохни-III дома составляли правильные кварталы, разделенные широкими улицами, по большей части мощеными. Значительная разница между размерами домов указывает на сильную имущественную дифференциацию в среде горожан.

Оборонительные укрепления города в это время были перестроены. Новая стена, существовавшая в периоды Полиохни-III и Полиохни-IV (около 2550—2250 гг.), отличается монументальными размерами и мощными башнями.

Развитие городской жизни ознаменовалось не только подъемом материального производства. Крупные сдвиги происходили в духовной жизни тогдашних обитателей Лемноса. Полного представления об этих процессах у нас нет, однако можно отметить некоторые характерные черты. В частности, имело место преднамеренное укрытие ценностей. Общество, видимо, вырабатывало какие-то нормы, осуждавшие недобросовестное присвоение вещей. В качестве свидетельства сошлемся на клад, найденный в слое Полиохни-V (XXIII—XXII вв.). Под глинобитным полом небольшой кладовой был за-

---

которую он предлагал назвать государственно-общинным строем. Нам представляется, что такой подход к решению вопроса не отвечает истинному положению вещей: авторитет и власть правителей племен или глав союзов племен не могут быть уподоблены власти глав государств раннеклассовых обществ. Иными словами, нет оснований отождествлять систему племенных органов власти, присущих обществу, еще сохраняющему социальное равенство своих членов, с государственным аппаратом раннеклассового общества.

⁹ Новейшие данные об использовании меди на Балканском полуострове относятся к 4000 г. до н. э. (рудник у Майданпека, Югославия) и к 3500—3000 гг. (халколитическая культура Варны — Караново VI, Болгария).

¹⁰ L. Bernabo-Brea. Poliochni, I, 1. Testo; I, 2. Tavole e Atlante. Roma, 1964.

копан глиняный кувшинчик. Там лежали изящные золотые украшения: несколько пар серег, браслеты, пуговицы и булавка с головкой, украшенной двумя птицами. Как отмечает руководитель раскопок, итальянский археолог Бернабо-Бреа ¹¹, некоторые из этих драгоценностей аналогичны по стилю ювелирным изделиям царской сокровищницы заключительной фазы слоя Троя-II (приблизительно XXIII в.).

Условия находки клада в Полиохни говорят о том, что последний владелец этих мастерски исполненных украшений не мог использовать их по прямому назначению, они сохранялись у него лишь как тайное сокровище.

Общий характер бытовых и производственных древностей из слоев Полиохни II—V ясно указывает на высокое развитие городской жизни в течение XXVI—XX вв., несовместимое с существованием норм первобытнообщинного строя. Лемнос этого времени следует уже отнести к разряду тех греческих земель, где происходило становление раннеклассового общества.

Аналогичные процессы протекали тогда же и на Лесбосе, отстоявшем от Лемноса на 65—70 км и на 10—15 км от берегов Трояды. Раскопки на месте современного Ферми показали, что уже в начале III тысячелетия поселок Ферми-I был значительным меднолитейным центром. Постепенное развитие форм городской жизни привело к тому, что около XXV в. Ферми-V представлял собой крупный город с массивными оборонительными стенами, мощеными улицами и разветвленной системой водоснабжения и водосброса ¹².

Столь же быстрое развитие в сфере производства и в общественной жизни характерно для истории Кикладских островов в III тысячелетии, особенно тех, которые были богаты естественными ресурсами. Сильная, ярко выраженная культура этих островов, именуемая Кикладской, в эпоху ранней бронзы играла огромную роль в развитии окружающего населения; с островов вывозили медные и бронзовые изделия. Особенно высоко была развита ранняя металлургия на островах Сиросе и Паросе, как показали изыскания О. Дэвиса ¹³. Помимо меднолитейного ремесла кикладяне создавали великолепные сосуды из камня и глины, а также мраморные фигурки человека, которые обычно клали в могилы. Интенсивное развитие мореходства также способствовало быстрому росту ремесел. В середине III тысячелетия на некоторых Кикладских островах уже существовали поселки городского типа или даже настоящие города, как, например, Халандриани на Сиросе ¹⁴.

¹¹ L. Bernabo-Brea. Scavi a Poliochni.— FA, XI, 1958, N 2122. Подробное описание драгоценностей из Полиохни см.: Н. А. Сидорова. Новые открытия в области античного искусства. М., 1965, стр. 33—35. См. также: E. Vanderpool. News Letter from Greece.— AJA, 58, 1954, p. 238—240.

¹² W. Lamb. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936.

¹³ O. Davies. Roman Mines in Europe. Oxford, 1935, p. 262—264.

¹⁴ Мы не касаемся здесь весьма важного вопроса о тесных связях Кикладской культуры III тысячелетия с яркой Бутмирской культурой, развивавшейся на территории Сербии между 3400 и 2800 гг.

Развитие ремесел и городской жизни означало неизбежное крушение основ первобытнообщинного строя. Уходили в прошлое устои первобытной демократии, в обществе все больший вес приобретали имущие круги. Из кого формировался этот слой, хорошо показывает некрополь на острове Аморгосе¹⁵, где раскрыто несколько сотен погребений, причем каждая могила обычно содержала останки одного человека. Во многих захоронениях найдено медное или бронзовое оружие — кинжалы и наконечники копий, иногда достигающие длины в 0,32 м. В нескольких могилах встречаются серебряные кинжалы, сосуды и ленты.

Не подлежит сомнению, что обладатели металлических вещей принадлежали к многоимущему населению. Ведь в XXIV—XXIII вв., к которым относятся погребения в упомянутом некрополе Аморгоса, медное оружие представляло значительную ценность, несомненно даже большую, чем мелкие золотые украшения спустя тысячу лет.

Добавим к этому, что если воину клали в могилу оружие, имевшее определенную ценность¹⁶, то это значит, что в доме имелся другой клинок (или клинки), переходивший к следующему поколению в этой семье. Итак, инвентарь захоронений на Аморгосе позволяет дополнить представления о состоянии кикладского общества во второй половине III тысячелетия: расцвет ремесел и развитие городской жизни¹⁷ сопровождались выделением слоя военной аристократии.

Картина социальных сдвигов в бассейне Эгейского моря будет неполной, если не упомянуть Крит. Как известно, в период неолита этот остров значительно уступал материковой Греции в своем развитии. Положение изменилось в III тысячелетии, особенно во второй его половине. Весьма интересно наблюдение Дж. Пендлбери о том, что в 2200—2000 гг. культурное развитие сосредоточивается на севере и в центре Крита¹⁸. Именно в это время на острове появились отдельные небольшие царства, правители которых уже возводили первые, еще достаточно простые здания своих дворцов (в Кноссе, Маллии и Фесте; что касается недавно открытого четвертого большого дворца в Като-Закро, на восточной оконечности острова, то пока данные, относящиеся к III тысячелетию, еще не опубликованы).

Приведенные факты бесспорно свидетельствуют, что островной мир Эгейского моря в III тысячелетии переживал бурный период становления новых социальных отношений¹⁹.

¹⁵ R. Dussaud. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris, 1910, p. 65—96.

¹⁶ Фото такого оружия см. P. Demargne. Naissance de l'art grec. Paris, 1964, fig. 54—55.

¹⁷ На острове Сиросе были открыты оборонительные стены вокруг Халандриани, относящиеся к XXVI—XXV вв. (работы Х. Цунты в 1899 г.).

¹⁸ Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 111.

¹⁹ Весьма важно наблюдение С. Вайнберга о том, что эпоха бронзы начинается на Кикладских островах несколько раньше, чем на Крите, и может быть, чем на

Земли материковой Греции также вступили на этот путь. В дополнение к уже высказанным соображениям об истории древнейшего греческого массива ²⁰ добавим, что приморские области, особенно побережья Эгейского моря, развивались почти в том же темпе, что и островные районы ²¹. Убедительную картину дает Лерна ²², династы которой уже в XXIV—XXIII вв. обитали в доме (здание BG), более монументальном, чем палаты современных им критских царей ²³. Весьма показательно, что в XXII в. лернейский царь начал сооружать новый дворец («Дом с черепицами»). Его планировка с полным правом может быть названа прототипом расположения ахейских дворцов II тысячелетия. И хотя здание погибло от пожара, будучи недостроенным, все же оно служит важной вехой в истории общества Южной Греции. Следует отметить, что в Пелопоннесе и во внутренних областях изучаемый период (Раннеэлладский II) был временем активного возвышения знати над рядовым населением. Ярким свидетельством служит золотой сосуд, имеющий типичную для XXIV—XXIII вв. форму «соусника». Он происходит из Герей, на берегу Алфея, в западной части Аркадии ²⁴.

Нет необходимости перечислять остальные, правда, пока еще немногочисленные ²⁵, археологические факты, бесспорно свидетельствующие о социальных взрывах, происходивших в отдельных местностях Греции во второй половине III тысячелетия. Этот процесс нельзя представить прямолинейно и думать, что он равномерно охватывал всю территорию. Вероятно, в начальных фазах развитие шло в отдельных центрах, на периферии которых в дальнейшем происходили новые взрывы, ведущие к возникновению новых очагов.

материке («The relative chronology, of the Aegean in the Neolithic Period and the Early Bronze Age», ed. R. W. Erich. Chicago, 1954, p. 94—96).

²⁰ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 35—47.

²¹ Вероятно, важные свидетельства дадут исследования Эвбен. Происходящие оттуда один серебряный и два золотых сосуда, относящиеся еще к первой трети III тысячелетия (P. Demargne. Naissance..., p. 34, fig. 31—33, хранятся в музее Бенаки), — верный тому залог.

²² J. L. Caskey. Lerna in the Early Bronze Age. — AJA, 72, 1968, p. 313—316.

²³ Появление великоленных дворцов на Крите около 2000 г. было возможно благодаря длительному процессу социальной дифференциации и связанных с нею идеологических представлений. Отырыв критской знати от народа красноречиво подтверждается развитием высокохудожественного ювелирного ремесла. Утонченность и профессиональное мастерство критских златокузнецов (см., например, золотую подвеску из некрополя Малли, представляющую двух шершней, высасывающих соты, сделанную около 2000 г. — Sp. Marinatos. Kreta und das Mykenische Hellas. München, 1959, Taf. 13) были выработаны в ответ на ставшие уже повседневными требования высших слоев — царских родов и окружавшей их знати. О роскоши аристократии уже в Раннеминойском II периоде (2600—2300) свидетельствуют два обширных дома в Василики (к югу от Гурнии), стены которых были покрыты красной штукатуркой (Дж. Пендлабери. Археология Крита, стр. 77).

²⁴ P. Demargne. Naissance..., p. 76, fig. 98. Демарнь датирует вазу 2500—2000 гг., однако он не обратил внимания на то, что в глиняной утвари данная форма исчезает после 2200 г. почти полностью.

²⁵ Об Агиос-Космасе и Рафине см. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 36—40. Чрезвычайно важны работы последних лет на острове Эгина, где обнаружено многослойное городище раннеэлладского времени. В самом нижнем

К сожалению, нам известны лишь общие черты этой социальной революции — перехода раннегреческого общества от первобытно-общинного к раннеклассовому строю. Впервые в материковой Европе происходило формирование классового общества и государства. Естественно, что процесс этот шел медленно. О многих деталях его можно лишь догадываться.

В частности, следует отметить сложность политического аспекта происходивших изменений. Так как органы власти в племенном мире не являлись специальным аппаратом угнетения широких масс (эти органы имели авторитет благодаря устоям первобытной демократии), наступление на исконные племенные институты, очевидно, вели не все свободные общинники, но слой военной аристократии, становившийся все более активным. Конкретные условия играли большую роль в сложении групп, враждебных устоям племенной демократии. Одно несомненно — здесь не могло быть какого-то единовременного переворота, изменение политических органов шло весьма постепенно ²⁶.

В то же время в духовной жизни общества можно предполагать конфликты традиционных норм племенного строя с воззрениями и стремлениями слоев, становившихся господствующей силой в нарождающемся новом социальном порядке. Тот принцип борьбы нового со старым, который пронизывает самые древние пласты греческой мифологии, вероятно, отчасти отражает эти давние столкновения в области идеологии.

Безусловно, рассматриваемый процесс имел паузы, а иногда и частичные отступления. Последние должны были происходить в такие периоды, когда передвижения племен или межплеменные войны выдвигали в качестве ведущей политической силы племени с более крепким первобытнообщинным строем. Отмеченные явления могли оказывать большее воздействие на обитателей материковой Греции, тогда как племена, заселявшие острова, представляли более монолитную по уровню развития массу ²⁷. Все же и в основном массиве греческих земель, несмотря на локальные задержки, исторический процесс не изменял главного направления — движение шло от первобытнообщинного к раннеклассовому обществу.

горизонте, на материковой скале, здесь открыт дом с несколькими печами, которые исследователь Г. Вальтер склонен связать с металлообработкой. Выше залегал слой укрепленного поселения, в восточной части оборонительной стены открыто двое ворот. Крепость погибла в пожаре, но сразу же здесь возобновилась жизнь: поврежденные участки стен были восстановлены и сделаны более основательными, изменена система входов. В дальнейшем эти стены неоднократно ремонтировали и добавили башни и внешний панцирь стен (Archaeological Reports for 1969—1970, p. 7).

²⁶ Можно думать, что развитие иногда шло скачками — удачные войны, особо обогащавшие верхушку одного племени или союза племен, или появление выдающихся своими личными качествами династов (на первое место следует поставить такие черты их, как властолюбие и корыстолюбие) могли давать определенный импульс событиям в отдельных землях.

²⁷ Одновременное появление четырех дворцов в разных областях Крита около 2000 г. бесспорно свидетельствует о таком единообразии.

Рассматривая историю Греции в конце III — начале II тысячелетия, необходимо внести уточнения в предложенную нами ранее характеристику этого времени. Нельзя считать только этот период «временем гибели институтов родо-племенного строя, выразившейся прежде всего в обособлении племенной знати»²⁸, или полагать, что лишь в XVIII—XVII вв. завершился процесс перерастания власти племенных вождей в царскую и началось дальнейшее развитие наследственной монархии²⁹. В некоторых землях начало отмеченных процессов нужно отнести еще к середине III тысячелетия, причем в отдельных очагах раннегосударственные формы жизни складываются еще в XXIV—XXIII вв. Весьма важно то обстоятельство, что дворец в Лерне почти на 200 лет предшествует древнейшим критским дворцам (2100—1900 гг.). Это означает, что на материковых землях одновременно с островными шло становление раннеклассовых отношений. Разница заключалась в том, в скольких отдельных очагах происходила кристаллизация новых экономических и социальных явлений и притом в такой степени, чтобы возникло новое качество: чтобы ход исторического процесса определялся уже не первобытнообщинным строем, но качественно иными отношениями, присущими раннеклассовому устройству.

Синхронность процессов становления не означает повсеместной одновременности их завершающей фазы. На более ограниченной территории социальные пертурбации оказывались более результативными, так как полнее охватывали все население. Видимо, поэтому на Крите происходит резкий скачок еще в XXV—XX вв., тогда как в материковой Греции перелом столь же широкого диапазона приходится на XIX—XVII вв., хотя Лерна и городище и некрополь в долине Нидри являют собою примеры очень раннего вызревания новой социально-политической системы^{29a}. Несомненно, некоторая замедленность развития социальных форм имела место во внутренних областях Эллады, однако возможно, что скудность имеющихся ныне источников излишне усугубляет данное впечатление. Необходимо еще раз вспомнить о том, что памятников первой трети II тысячелетия известно еще очень мало. Так, более или ме-

²⁸ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 47, 71.

²⁹ Там же, стр. 71.

^{29a} Раскопки В. Дёрпфеля в начале 1900-х годов на Левкаде, одном из Ионических островов, раскрыли в долине Нидри остатки большого здания, одна из стен которого была прослежена на 50 метров в длину. Пoblзости от этого сооружения находился некрополь, который составляли 16 круглых в плане гробниц, тщательно возведенных из плоского плитняка средних размеров. Дёрпфель на основании инвентаря нескольких неразграбленных захоронений определил этот могильник как царский, в чем с ним согласился и О. Монтелиус (O. Montelius. La Grèce préclassique, II. Stockholm, 1928, p. 182—190). Действительно, 59 золотых бус, которые составляли ожерелье покойницы, захороненной в пифосе под полом самой большой гробницы R I, указывают на значительное для тех времен богатство семьи, хоронившей здесь своих родичей. Время этого могильника — вторая половина III тысячелетия (C. Renfrew. The Emergence..., p. 110). По-видимому, в Нидри находился центр местного царства, возвысившегося одновременно с царством в Лерне.

ные крупные некрополи Среднеэлладского периода (около 2000—около 1600 гг.) обнаружены пока лишь в 6 местах (Афидна, Аргивский Герейон, Коринф, Микены, Элевсин, Сескло), хотя отдельные захоронения внутри и вне поселений известны во всей Греции³⁰. Между тем материал из массовых могильников проливает яркий свет на многие стороны социальной истории того времени.

Нам представляется весьма полезным привести данные об имущественном состоянии жителей селения, расположенного почти на месте будущего Коринфа. В середине и второй половине XVII в. на небольшом участке здесь было произведено 11 захоронений, мастерски исследованных К. Блегеном³¹.

Погребальный обряд захоронений на Северном некрополе Коринфа ничем не отличается от заупокойного ритуала других среднеэлладских погребений, что было отмечено и самим Блегеном, и позднее Милонасом³². Неглубокие грунтовые могилы расположены без системы, некоторые имели стенки, обложенные рваным камнем. Погребения были засыпаны землей, сверху могилу накрывали грубоотесанной плитой, одной или двумя-тремя. Заупокойные дары во всех погребениях скудные — черта, присущая погребальным обрядам во всех землях Греции в этот период. Однако коринфский некрополь представляет и некоторые исключения — инвентарь могил № 2 и 3.

Содержание загробных даров могилы № 2 следующее: А. Изделия из серебра — браслет и проволоочная петля; Б. Изделия из бронзы — перстень, 2 булавки и 3 проволоочных витка; В. Украшения — 1 каменная буса и несколько пастовых; Г. Терракотовые катушки и два пряслица; Д. Три простых лепных горшка.

Судя по инвентарю, здесь было захоронение женщины из зажиточной сельской семьи, достаток которой позволял иметь многие серебряные и бронзовые украшения. Некоторую параллель представляет мужское захоронение в могиле № 5, где обнаружен бронзовый кинжал и 4 глиняных горшка. Для представителей этого слоя сельчан бронзовые украшения и оружие составляли значительную ценность, однако семья имела, по-видимому, достаточно средств, чтобы снабдить своего усопшего родича этими вещами и для загробной жизни.

Оба отмеченных погребения выделяются качеством своего инвентаря среди остальных, однако все они далеко уступают заупокойным дарам из могилы № 3 (интересно, что здесь отсутствовала накрывающая плита). Погребенному в этой яме покойнику были положены: А. Золотые изделия — диадема длиной в 0,157 м, максимальной шириной в 0,022 м, сделанная из очень тонкого листа,

³⁰ См. AJA, 75, 1971, p. 305; «Hesperia», XXIV, 1955, p. 32—36.

³¹ C. W. Blegen, H. Palmer, R. S. Young. The North Cemetery.— «Corinth», v. XIII. Princeton, 1964, p. 1—12.

³² G. Mylonas. «The Cult of the Dead in Helladic Times.— «Studies pres. tr D. M. Robinson», I, p. 64—105.

украшена вдавленным точечным орнаментом; Б. Серебряные изделия — фрагмент подвески; В. Бронзовые изделия — 4 проволочных витка и 1 трубчатая буса; Г. Пастовые изделия — 4 бусы; Д. Керамика — 1 кувшин высотой в 0,314 м, сделан от руки.

Как видно из перечня даров, усопший принадлежал к семье с высоким имущественным потенциалом — золотые изделия в погребениях среднеэлладского времени (исключая ранние царские погребения в Микенах в могильном круге Б) весьма редки³³, причем существенно, что коринфская диадема представляет собой крупное изделие. Но еще более важно то, что коринфская золотая полоса-диадема является предшественницей, как отметил К. Блеген, восьми аналогичных диадем из IV могилы могильного круга Б. в Микенах³⁴. Указывая на то, что техника исполнения орнамента и декоративные элементы коринфской диадемы весьма сходны с более поздними микенскими диадемами, американский археолог справедливо делает вывод, что ювелирное искусство Микен имеет далекие корни, уходящие еще в среднеэлладскую старину.

Сохранение единых художественных и технических традиций в ювелирном деле Арголиды на протяжении не менее чем 40 или 30 лет (если принять, что коринфская могила № 3 относится к самому концу XVII в.) представляется нам чрезвычайно важным фактором³⁵. Он говорит о том, что в среде знати не только выработались устойчивые представления о необходимости золотых украшений, но что тип некоторых атрибутов знатности получил устойчивую традиционную форму уже к середине XVII в. Нет сомнений, что для выработки такой традиции понадобится путь длиною в жизнь многих поколений: представление о равенстве членов общины и племени, имевшее давность в несколько тысячелетий, могло быть сломлено лишь длительным развитием уже набравших силу новых идеологических категорий. Иными словами, отсутствие особенно ярких свидетельств социальных перемен не должно упрощать наши представления о структуре общества Греции в начале II тысячелетия до н. э. — это было уже раннеклассовое общество.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют судить о том, как именно происходила первая социальная революция на греческой земле, в какие формы вылился здесь переход от одного способа производства к другому. Исходя из достаточно ясной социальной пропасти между отдельными группами в этом обществе, исследователь может говорить о глубоком расслоении населения, наступившем как следствие перехода от первобытнообщинного строя к раннеарабовладельческому.

---

³³ Блеген приводит только три захоронения в Фессалии, в которых найдены золотые вещи: в Сескло — 3 мелких колечка из проволоки, в Драхмани — 2 серьги и 2 колечка, в Димини — 2 позолоченных бронзовых витка (см. *Blegen, H. Palmer. R. S. Yong. Op. cit.*, p. 4).

³⁴ Напомним, что IV могила датируется временем около 1570-х—1550-х годов.

³⁵ Добавим, что Микены и Коринф разделены расстоянием не менее 40 км.

Сложность социального строения греческого общества XVII—XII вв. не вызывает каких-либо разногласий, в особенности после расшифровки документов XIV—XIII в. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть тот динамизм развития, который особо отличает ход исторического процесса на юге Балканского полуострова в указанный период. Активная коренная перестройка ряда сторон общественной жизни ясно заметна уже в XVII—XVI вв., что с несомненностью свидетельствует о том, что новые отношения набрали силу.

В подтверждение можно привести примеры из истории разных социальных групп.

Носители верховной власти в XX—XVIII вв. еще сохраняли некоторую простоту своего жизненного уклада. Об этом свидетельствует монументальное погребение царя, открытое в местности Кефаловрисы под Пилосом³⁶. Гробница Кефаловрисы № 1 представляет собой большую (3,50×2,50 м), обложенную камнем грунтовую могилу, в которой был захоронен покойник в скорченном положении. Инвентарь составляли 24 глиняных сосуда различной формы и размеров, точило, четыре ножа и 42 каменных наконечника стрел. Здесь отсутствуют изделия из драгоценных металлов, но необычные формы некоторых сосудов из глины указывают на сложные функции этих предметов в быту среднеэлладских басилеев Кефаловрисы.

Для архитектуры гробницы, по мнению раскапывавшего ее Сп. Маринатоса, характерны отдельные элементы, которые связывают ее с более поздними царскими гробницами могильного круга Б в Микенах. Видимо, захоронение Кефаловрисы № 1 является одним из начальных звеньев в цепи свидетельств о том, как вырабатывались представления об исключительном положении басилеев.

Представления о власти царей на протяжении 1650—1550-х гг. претерпели колоссальные изменения, как свидетельствуют данные царского некрополя в Микенах. Примечательно, что один из первых известных царей, погребенный в могиле Бета круга Б (возраст его около 40 лет, следовательно, время правления приходится приблизительно на 1660—1650-е годы), получил в загробный мир довольно скромный инвентарь: 5 глиняных сосудов, бронзовый кинжал и золотые ленты³⁷. Роскошное погребение одного из его родичей спустя приблизительно 80 лет в могиле Гамма³⁸, на которой были воздвигнуты каменные стелы с рельефным изображением подвигов царственного покойника, показывает, что на протяжении трех поколений концепции о могуществе и богатстве носителя царской власти не только окончательно сформировались, но и получили самое блестящее оформление.

³⁶ G. Daux. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1964.— BCH, 89, 1965, p. 738, fig. 11—12.

³⁷ Mylonas, AM, p. 132. О ранней дате этого захоронения Милонас говорит в своей последней работе («Mycenae and the Mycenaean Age». Princeton, 1966, p. 98—108).

³⁸ Mylonas, AM, p. 135; Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 51—53.

Питательной средой, особенно благоприятствовавшей развитию монархических представлений, была идеология обширного слоя (пропорционально к общему составу населения) военной знати, аристократические привилегии которой получали реальную поддержку со стороны династов. Существование этого слоя в первой половине II тысячелетия засвидетельствовано пока еще немногочисленными источниками³⁹, тогда как в XV—XII вв. военная аристократия⁴⁰ уже составляла важный элемент общества. Эпос того времени сохранил много данных о четко очерченном кодексе социальных понятий ахейской знати, составлявшем значительную часть общественной идеологии. Ахейские былины свидетельствуют, что высшие слои пользовались обширными привилегиями, сложившимися в результате длительной практики.

Столь же четко проступает отмеченный динамизм развития и в изменении экономического потенциала общинника. Пример некрополя Кирры достаточно красноречив: во второй половине XVII в. обитатели этого небольшого земледельческого поселения обладали довольно значительным достатком. Всей массе сельчан было доступно погребение близких в добротных плитовых гробницах. Как правило, боковые стенки ящиков и накрывавшие их плоские плиты состояли из монолитных камней⁴¹. Спустя лишь одно столетие, в Позднеэлладский I период, тогдашние обитатели Кирры уже не имели средств для сооружения таких основательных гробниц: теперь ящики складывали из мелких плит, обычно с дополнением небольших рваных камней⁴². Если вспомнить, что каменотесное

---

³⁹ Убедительным памятником является монументальный курган XIX или XVIII вв. с захоронением 18 воинов в Мессении (у совр. Агна-Папулия). См. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 43. Видимо, это воины, погибшие в одной битве и захороненные вместе, подобно тому как были погребены позднее мафаномахи.

⁴⁰ Употребление терминов «монархия», «военная аристократия» и т. п. не дает оснований непосредственно сопоставлять раннеклассовое общество Греции II тысячелетия с западноевропейскими раннефеодальными государствами (например с Каролингской монархией), как это делает Ф. Бэгби (F. Bagby. Culture and History, p. 205—207).

⁴¹ L. Dor, J. Jannoray, M. et H. van Effenterre. Kirrha. Étude de préhistoire phocidienne. Paris, 1960, p. 59—62. Правда, возводя такие основательные захороненные жилища, кирриане не считали необходимым класть в них много даров: инвентарь могильника весьма скуден, лишь в 12 могилах из 27 захоронений были вещи. В большинство своем это глиняные сосуды (12 штук) и стегитовые пряслица (всего 5). Бронзовые изделия весьма немногочисленны: по 1 булавке в могилах № 1 и 2; один клинок и два ножа в могиле № 5; один клинок в могиле № 16; один нож в могиле № 59. Золото представлено тремя мелкими спиралями из золотой проволоки в могилах № 56 и 57. Приведенный перечень показывает, что комплекс личных вещей рядового общинника обычно носил скудный характер. Исключение составляют золотые спирали из погребений № 56 и 57. Эти захоронения, как отметили исследователи, принадлежат к несколько обособленной поздней группе наиболее крупных плитовых могил № 54—58, имевших аналогичную конструкцию и расположенных двумя параллельными рядами. Видимо, более зажиточные кирриане в самом начале XVI в. уже считали необходимым отделяться от менее состоятельных соседей не только в обыденной жизни.

⁴² Ibid., p. 51.

ремесло ахейян развивалось по восходящей линии, то такой упадок конструкции плитовых гробниц может получить объяснение лишь в прогрессирующем ослаблении хозяйства среднего сельчанина.

Отмеченное явление тем более знаменательно, что зажиточные кирриане во второй половине XVII в. имели в распоряжении не только рабочие руки членов своей семьи, но использовали и труд поработенных людей. Об этом можно судить на основании могилы № 43: в аккуратном каменном ящике из четырех плит была погребена девочка лет 12, имевшая с собою лишь одно стеатитовое пряслице. Прямо на плитах, накрывавших гробницу, лежал костяк взрослого покойника, не имевшего никаких даров⁴³. Исследователи некрополя полагают, что такое двойное захоронение указывает на стремление сохранить связь между лицами, захороненными внутри и вне каменного ящика, видимо, принадлежавшими к одной семье. Однако вряд ли между покойниками могилы № 43 существовала кровная связь. В Греции среднеэлладского времени был широко распространен обычай повторных захоронений в плитовые гробницы, причем для усопших близких членов одной семьи расчищали место внутри ящика. Здесь же обнаруживается какое-то бесправное положение взрослого, более позднего покойника, для которого не сочли необходимым раскрыть и расширить каменный ящик⁴⁴. Поэтому мы склонны полагать, что внешний костяк в могиле № 43 принадлежит рабыне, видимо, взрастившей ранее захороненную девочку.

Свидетельство о наличии рабыни в хозяйстве рядового общинника во второй половине XVII в. дополняет наши представления о сложной социальной структуре населения Греции в период XX—XVII вв. Применение принудительного труда не только знатю, но и зажиточными земледельцами не оставляет сомнения в том, что в изучаемое время рабство уже теряло свои патриархальные формы.

Распространенность рабского труда в то время не поддается пока точному определению. По-видимому, труд подневольных людей ценился уже достаточно высоко: как отметили многие исследователи, в Греции II тысячелетия случаи ритуального убийства рабов сравнительно редки⁴⁵. Это говорит о том, что ахейское общество того времени хорошо понимало значение рабочей силы невольника. На данное обстоятельство обратил внимание еще Я. А. Ленцман, объяснявший его тем, что в обществах с развитым рабством невольники высоко ценятся как товар⁴⁶.

Итак, ахейская культура не была однозначна. С развитием социальной дифференциации стали обнаруживаться различия в духовной жизни отдельных групп общества.

⁴³ Ibid., p. 55—56.

⁴⁴ Размер гробницы: $0,68 \times 0,55 \times 0,60$; видимо, ее складывали в расчете на одну только отроковицу.

⁴⁵ A. J. V. Wace. The Chamber Tombs at Mycenae. Oxford, 1932, p. 129—145.

⁴⁶ Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 136.

Указанным процессам способствовали даже чисто демографические факторы. Например, развитие мореходства в островной Греции, а также пиратства должно было повлечь некоторую обособленность населения, жившего этими промыслами. Ряд черт, свойственных только морским профессиям, был совершенно чужд пахарю или ремесленнику. Частые пиратские нападения на прибрежные поселения постоянно питали настороженное отношение сухопутного труженика к морским авантюристам.

Ярким выражением этих представлений является легенда о Талосе, медном веллкане, которого Гефест подарил Миносу для охраны его владений. Три раза в день великан обходил береговую линию Крита. Если чужеземцы приближались к острову, то Талос, накалившись, встречал их и сжигал в своих объятиях⁴⁷. Видимо, в этом предании отразились воспоминания об эффективных мерах, которые принимали критские династы II тысячелетия для защиты своих берегов от пиратских набегов. Это подтверждает и рассказ Фукидида об уничтожении пиратства в Эгейском море Миносом.

Другим свидетельством важности этой проблемы являются данные о перемещении населения в Пелопоннесе в начале II тысячелетия. Исследованиями В. Мак Дональда и Р. Симпсона в этой части Эллады установлено, что в XX—XVIII вв. количество населенных пунктов здесь значительно возросло по сравнению с предшествующим периодом⁴⁸. Характерно, что подавляющая часть вновь возникавших селений располагалась внутри страны, в удаленных от моря местах, хотя существовавшие еще в Раннеэлладский период прибрежные поселки продолжали свою жизнь. Последнее обстоятельство говорит о том, что растущее население обращало главное внимание на занятия агрикультурой и что мореходство привлекало в это время ограниченное число рабочих рук. Расположение поселений на изолированных, хорошо защищенных природой холмах показывает, что жители их стремились к максимальной безопасности. Как справедливо отмечали исследователи, среднеэлладское население Пелопоннеса предпочитало земледелие и скотоводство заморским сношениям и внешним связям⁴⁹.

Рост населения Эллады за счет контингентов, в жизни которых земля играла основную роль, обеспечивал преобладание земледельцев в обществе, несмотря на появление городских центров, правда, сначала не столь многочисленных. Однако новые условия вносили множество изменений в традиционные представления земледельцев. Нараставшее имущественное неравенство отдельных родов усугублялось тем, что выселявшиеся на новые места сельчане должны были

⁴⁷ *Apollod., Bib., I, 9, 26.*

⁴⁸ *W. A. McDonald and R. H. Simpson. Prehistoric Habitation in Southwestern Peloponnese.—AJA, 65, 1961, p. 221—260; W. A. McDonald and R. H. Simpson. Further Exploration in Southern Peloponnese: 1962—1963.—AJA, 68, 1964, p. 229—245; W. A. McDonald and R. H. Simpson. Further Explorations in Southern Peloponnese: 1964—1968.—AJA, 73, 1969, p. 123—177.*

⁴⁹ *W. A. McDonald and R. H. Simpson. Further Explorations..., p. 174.*

затрачивать дополнительный труд и значительное время для освоения целины. Эти обстоятельства сказались на дальнейшем изменении характера внутриплеменных связей: постепенно нарастала социальная значимость самой мелкой общественной единицы — семьи.

Погребальные обычаи среднеэлладского времени свидетельствуют, что во всех слоях общества произошел переход от индивидуальных захоронений каждого общинника к практике погребений внутри обособленных семейных усыпальниц. Конечно, отмеченная перемена не носила внезапного характера, роль семейной гробницы изменялась по мере укрепления внутрисемейных связей.

Следует отметить, что семейный коллектив в эпоху усложнявшихся отношений внутри раннеклассового общества получал все большее конкретное значение для каждого социального слоя. Например, в крестьянском хозяйстве труд младших или подчиненных членов семьи доставлял очень важную подсобную рабочую силу. Работа по улучшению земли, полевой или садовой, обеспечивала благосостояние двух или трех поколений семьи пахаря. Напомним, что оливковое дерево начинает плодоносить лишь с 10—15 лет и сохраняет свою продуктивность на протяжении 70—80 лет.

В среде городского населения передача ремесленных навыков и наиболее совершенных орудий труда преемникам также способствовала усилению роли семьи как низовой общественной ячейки.

Обособлению семьи внутри общины могло способствовать развитие личной собственности. Погребальный инвентарь могил в Кирре и Коринфе показывает, что средний ахейнин уже имел в своей личной собственности мелкие, но дорогие поделки из золота, серебра, меди и драгоценных камней. Как известно, погребальный обряд связан с наиболее консервативными сторонами общественной идеологии и изменяется только после того, как в реальной жизни те или иные новшества получили полное признание. Поэтому следует заключить, что население страны уже начало осознавать последствия глубоких изменений в экономической и социальной структуре общества. Это обстоятельство должно было глубоко отразиться на представлениях людей того времени — силою хода вещей человек должен был отказываться от привычной мысли о безоговорочной общности членов своего рода и племени.

Нужно полагать, что вызревание институтов раннеклассового общества усиливало также интеллектуальную деятельность человека — теперь ему приходилось преодолевать не только производственные, но и социальные трудности. Перед каждой общественной группой вставала необходимость выработать свое отношение к новым явлениям материальной и духовной жизни. Наряду с возникновением новых понятий отрицались прежние моральные устои, становившиеся теперь непригодными. Последнее должно было происходить остро, так как обычно все общество и отдельные группы людей отказываются от старых норм лишь в результате напряженной внутренней борьбы. Короче говоря, создание нового мировоз-

зрения требовало и от общества, и от составлявших его людей серьезных духовных усилий.

Разные слои общества направляли свои усилия в разные стороны.

Верхний пласт общества — царей и аристократии — вырабатывает особые представления о своей социальной сущности, резко отличные от аналогичных представлений широких масс свободного ахейского населения. Указанные явления прослеживаются с XVII—XVI вв. до н. э. Дошедшие от того времени памятники искусства позволяют судить о быте, воззрениях и вкусах ахейской аристократии. Можно говорить о явном стремлении знати к накоплению больших ценностей. Инвентарь погребений микенских царских семей из Круглых могильников В и А говорит об усилении такого стремления.

Можно заметить и постепенное складывание особых эстетических и этических норм в среде ахейской знати, о чем свидетельствуют памятники искусства с изображением охотничьих и батальных сцен. Очевидно, в системе этических воззрений ахейской аристократии высоко ценились ловкость, смелость и сила. Для знатного ахейца тема борьбы представлялась, по-видимому, особенно близкой — явление вполне естественное в условиях частых военных столкновений, а также борьбы за власть внутри господствующего слоя.

Вкусы микенских династов XVII—XVI вв. говорят о весьма развитых потребностях этой группы населения. Разнообразие форм и назначения предметов погребального инвентаря позволяет предполагать еще большую изысканность и роскошь в быту тогдашних правителей Микен.

Изобилие драгоценностей в домах царей отвечало не только примитивным стяжательским инстинктам. Использование труда мастеров, превращавших золото из сокровищниц ахейских царей в высокохудожественные изделия, доказывает, что эти правители стремились создать бытовую обстановку, достойную их высокого положения. Можно сказать, что здесь находит, пусть косвенное, но все же некоторое отражение та борьба, которую вела в ту пору ахейская знать против прежнего равенства всего народа.

Борьба за признание идей исключительного превосходства династа заняла в Греции длительный период времени, так как экономическая самостоятельность общины, видимо, служила прочной основой сохранения социальной и политической независимости широких кругов свободного населения.

Нет сомнений, что ахейской знати пришлось приложить много усилий, чтобы оторваться от своего народа. Заметим, что физиономии династов XVII—XVI вв. указывают на то, что это были люди большой энергии, сметливости, хитрости и воли (см. золотые маски из царских погребений могильных кругов А и В, а также аметистовую бусу — инталью из могилы Гамма круга В).

Противопоставление ахейскими династами себя народу сказалось и в том, что в XVI в. родились новые представления о долго-

вечности царской власти и об особой связи царей с богами. Результатом этого явилось создание нового типа загробного жилища для царей — купольной гробницы (фолоса). Появившийся сначала в Мессении фолос знаменовал дальнейшее наступление носителей царской власти на самосознание рядового ахейнина, утверждая коренное отличие анакта от простого воина. Возможно, что в жилой архитектуре такие различия проводились уже и раньше, но мы не располагаем данными об этом.

Борьба мнений, отражавшая попытки средних слоев населения противоборствовать растущей обособленности анактов, должна была найти выражение и в материальных формах жизни общества. Действительно, некоторые отголоски указанных явлений можно обнаружить в истории погребальной архитектуры. Известно, что появившиеся в конце XVI в. фолосы⁵⁰ с самого начала стали формой гробницы, предназначенной для царских семей. Однако исключительное право басилеев на круглую купольную гробницу не было сразу и безоговорочно признано средними слоями населения. В Мессении, под городом Нихорией⁵¹, в период между 1550—1425 гг. была возведена круглая в плане усыпальница, служившая для захоронения членов семьи среднего достатка. Названная могила неглубокая, внутренний диаметр ее около 1,75 м. Стены камеры изнутри обложены аккуратной кладкой из рваного камня, уложенного в ширину в два-три ряда. Перекрытие могилы не сохранилось, так как где-то в XIV в. над ней был возведен фолос. Внутри могилы найдены остатки не менее чем 10 покойников. Только четыре костяка лежали неповрежденными — судя по фотографии, это были верхние, следовательно, самые поздние захоронения. Кости остальных покойников обнаружены беспорядочно разбросанными — видимо, между первыми и последними погребениями прошло несколько десятков лет. Семья горожан ахейской Нихории приложила заметное старание, чтобы возвести прочное загробное жилище своим усопшим сочленам, но никому из покойников не были положены какие-либо вещи. Последнее указывает на то, что в Позднеэлладские I и II периоды эта семья строго соблюдала старинные обычаи: в начале II тысячелетия в могилы обычно не клали вещей⁵². Однако, следуя среднеэлладской традиции безинвентарного погребения⁵³, владельцы нихорийской усыпальницы сочли необходимым придать ей круглую форму. Этот акт не может быть объяснен консерватизмом строителей гробницы, так как круглая в плане могила редко встречалась в рядовых некрополях в предшествующие

⁵⁰ C. W. Blegen. An Early Tholos Tomb in Western Messenia.— «Hesperia», XXIII, 1954, p. 158—162.

⁵¹ W. A. McDonald. Excavations at Nichoria in Messenia 1969—1971.— «Hesperia», XLI, 1972, p. 218—273, особенно 240—242. Pl. 42c.

⁵² G. E. Mylonas. Mycaene and the Mycenaean Age, p. 89.

⁵³ В обширном среднеэлладском некрополе Асины лишь 16% погребений сопровождались очень скудным инвентарем (O. Frödin — A. Person. Asine, p. 345).

столетия ⁵⁴. Скорее всего, здесь проявилось желание среднего ахейца пользоваться теми же архитектурными формами для семейной гробницы, что и многоимущие базилены ⁵⁵. По-видимому, в этом сказывался протест среднего социального слоя против возвышения царских семей.

Примечательно, что отмеченные консервативно-оппозиционные веяния продержались в Мессении и соседней Трифилии довольно долго: захиточное население этих областей и позднее, в XV—XIV вв., сооружало склепы с почти круглыми камерами и сводчатыми перекрытиями ⁵⁶. Несомненно, это локальная архитектурная традиция должна была утверждать какие-то особые права возводивших названные усыпальницы семей ⁵⁷.

Примерно в то же время появляется тенденция связывать происхождение царей с богами — она получила особенное распространение в среде знати в XIV—XII вв. до н. э. Энергичная идеологическая деятельность ахейской аристократии, видимо, вызывалась каким-то активным противодействием широких масс ахейского общества. Колоссальная творческая энергия, затраченная на возвеличивание царской власти, заставляет предполагать, что умонастроения в широких кругах ахейского общества были весьма сложными.

Сравнивая бытовые древности из царских дворцов и могил и из жилищ простого народа, можно заметить много общего в культуре народа и знати. Это единство материальной культуры указывает на то, что, несмотря на сепаратистские тенденции знати, в ахейском обществе еще были сильны взаимосвязи внутри класса свободных. Этому соответствуют данные эпоса о военной организации ахейца (роль вождей и их дружин, дележ добычи между всеми воинами), которые позволяют заключить, что до последних лет своего суще-

⁵⁴ Например, в некрополе Агнос-Космаса обнаружено лишь три круглых могилы (G. E. Mylonas. *Aglios Kosmas*. Princeton, 1958, p. 73, 91, 102).

⁵⁵ Представления о связи круглой усыпальницы с царским достоинством восходят к давним временам. Еще в XXV—XXIV вв. на острове Левкада, в урочище Стею, в долине Нидри, местная знать возводила аккуратные круглые каменные стены вокруг каменных ящиков, в которых хоронили членов царской семьи (O. Montelius. *Op. cit.*, II, p. 185—190, fig. 672—673).

⁵⁶ Эти гробницы были раскрыты С. Маринатосом в 1952—1965 гг. и опубликованы им в ряде статей в „*Πρακτικά*“. Показательна раскопанная в 1961 г. возле Кукунары (в 15 км к северо-востоку от Пилоса) в урочище Полла Дендра фолосообразная гробница, имеющая диаметр 4,75 м. В ней найдены остатки 12 захороненных и лепная простая посуда, датируемая около 1400 г. В той же местности в урочище Палайохорафа открыт еще один фолосовидный склеп, который имел диаметр внутри около 3,5 м, причем стены его были выложены лишь из одного ряда камней. В гробнице обнаружены остатки 17 покойников и небогатые вещи, датируемые XIV—XIII вв. (G. Daux. *Chronique des fouilles...* 1961, — BCH, 86, p. 728). Инвентарь как этих, так и других аналогичных им гробниц указывает на средний достаток семей, которым принадлежали эти склепы. Нам осталась неизвестной работа Сп. Яковидиса об упомянутых склепах, в которой он доказывает, что круглые гробницы в Мессении были имитацией фолосов (G. E. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 132).

⁵⁷ Стоит вспомнить сведения эпоса о базиленях на острове Схерия у феаков, где, помимо Алкиноя, было еще 12 царей (Od., VIII, 390—391).

ствования ахейское общество сохраняло ряд установлений, обеспечивавших некоторые права свободному ахейнину. Данное явление закономерно: новый тип общества, народившийся в Греции в XVIII—XVIII вв., должен был пройти известный путь до той поры, пока проявились заложенные в нем противоречия. Первоначально взаимосвязи внутри свободных были довольно стабильными.

Сравнительная прочность положения свободного населения создавала благоприятные условия для обогащения средних слоев. В XVI—XIII вв. можно заметить огромную тягу к ценным вещам и прочим предметам тогдашней роскоши в среде среднего ахейского населения. Видимо, и в широких кругах населения укоренилось представление о том, что богатство является одним из критериев полноценности человека наряду с его происхождением, доблестью, производственным потенциалом.

Охватившее ахейн стремление к обогащению, вероятно, заставляло их меньше думать о нормах равенства членов племени. Но где-то около середины XIV в. в социальном сознании свободного населения появились новые черты. Жаждавший стяжать зажиточный ахейнин уже понял, что не все виды богатства ему доступны, что драгоценностями из чистого золота в большом количестве могут обладать только анакты и басылеи. Средний же ахейнин не согласен был с тем ограничением, которое ставило перед ним богатство. Стремясь обойти его границы, он обращается к имитации — в XIV—XIII вв. широко распространяется обычай пользоваться позолоченными украшениями, полностью имитировавшими изделия из чистого золота.

Итак, владение неподдельными богатствами становится теперь уделом не столь большой группы населения. Это должно было сказаться на воззрениях всего ахейского общества. Действительно, теперь часть ахейн заметила, что разделение прав и обязанностей среди членов общества неравномерно и обуславливается не только разницей между храбрым и сильным, слабым и трусливым воином либо рачительным или неудачливым хозяином. Все большую роль играют богатство и насилие богатых, которые опрокидывают установившиеся понятия справедливости.

В этих условиях не могла сохраниться та шедшая еще от давних времен патриархальная общность мировоззрения внутри свободных, которую можно наблюдать еще до XVI в. Распад свободного населения на разные группы сопровождался утратой прежней монолитности мировоззрения этого слоя. Изменение социальной сущности отдельных групп свободных ахейн противопоставляло их друг другу и порождало недовольство.

Можно привести некоторые свидетельства, намекающие на возникновение идейного разлада в ахейском обществе и зарождение сомнений в правильности общественных устоев.

Ярким доказательством этому является выраженная в ахейских былинах мысль о том, что имеющие власть попирают справедливость. Популярность гомеровского эпоса объясняется многими при-

чинами, но одна из них, несомненно, сочувствие обиде Ахилла. Горе сына Пелея порождено тем, что Агамемнон нарушил установленное правило дележа военной добычи, отнял у Ахилла его законную долю и тем самым нанес ему бесчестие (II, I, 356). Видимо, в последние века II тысячелетия в ахейском обществе имели место частые посягательства басилеев на права свободных людей, и это справедливо воспринималось народом как попытка обесчестить и унижить человеческое достоинство свободного ахейца.

Правда, отношение эпоса к насилию двойственно — примитивная идеология этого общества считает силу большим достоинством, обладатель ее пользуется почетом, тогда как потерпевший теряет честь.

Еще одно свидетельство внутреннего разлада в обществе свободных дают источники по истории религиозных воззрений. С давних времен у ахейцев всеобщим почитанием пользовалась Великая богиня, покровительница производящих сил природы. Служение ей в среде ахейских династов к XIV—XIII вв. приняло весьма сложные и пышные формы, как показывают сцены на золотых перстнях из Микен, Пилоса, Амикл и слоновокостная статуэтка из Микен. Некоторые черты этого ритуала могли быть заимствованы ахейскими анактатами с Крита.

По-видимому, широкие круги свободного населения не участвовали в этом царском культе, но продолжали чтить Великую богиню старыми, унаследованными от предков способами и весьма характерно, что именно в XIV—XIII вв. особое распространение в Греции приобретают примитивные терракотовые статуэтки, изображавшие то саму богиню, то ее почитателей. Контраст примитивности воззрений, выражаемых этими фигурками, с довольно сложными понятиями верхов ахейского общества наталкивает на предположение: упорно сохраняя простые религиозные представления предков, широкие круги свободного населения как бы противопоставляли старые патриархальные нравы новым порядкам с их усложненными социальными нормами.

Но отрицательная реакция широких масс, сохранявших многие традиционные установления, наталкивалась на все большее противодействие правящих кругов. С середины XIV в. носители монархической власти в ахейских государствах предприняли новые огромные усилия, чтобы подняться на недостижимую высоту над своими подданными. Об этом свидетельствуют монументальные большие фолосы в Микенах и Орхомене (возведены между 1350 и 1330 гг.), полная реконструкция Пилосского акрополя около 1300 г., создание архитектурных канонных царского дворца и ряд других явлений. В числе их можно упомянуть и колоссальные затраты труда на возведение укреплений вокруг царских резиденций в восточных областях страны — постройка крепостей в Тиринфе, Микенах и других местах отражала далеко зашедшее подчинение народа воле анактов. Рядовые ахейцы этого времени по своему положению в обществе заметно отличались от их праотцов времени появления классов

в ахейской Греции. Столь же сильно изменились и их социальные интересы.

Усилившееся в 1500—1200 гг. обособление некоторых профессиональных групп усложнило социальные отношения по всей стране. В больших городах, от Иолка до Пилоса, набирало силу богатое население, тесно связанное с правящими кругами. Это ремесленники, купцы и работники умственного труда — грамотеи, счетчики, врачи, рапсоды, художники; среди них были искусные профессионалы.

Деревенская община испытывала вмешательство монарха в положение ее членов. В Пилосском царстве в XIII в. установились прямые связи между дворцовой управой и ремесленниками-металлургами, жившими в разных селах. Управа выдавала местным кузнецам сырую бронзу для изготовления оружия и некоторых деталей военного снаряжения (документы серии J.). Работавших по царским заказам мастеров освобождали от уплаты натуральных податей, как свидетельствуют тексты серий Ma и N из Пилоса⁵⁸. Так создавались привилегированные группы и в среде сельских обитателей.

---

⁵⁸ M. Lejeune. Les tablettes pyliennes de la série Ma.— „Mémoires de Philologie mycénienne“. I. Paris, 1958, p. 65—91; *idem* Les documents pyliens des séries Na, Ng, Nn.— „Mémoires...“, p. 125—155; Ventris — Chadwick. Documents, p. 352—359.

ОТ ПАЛАСГИИ К ЭЛЛАДЕ

(этногенетическая история Греции
во II тысячелетии)

Другой важной особенностью изучаемой эпохи было то, что именно в этот период завершился длительный процесс формирования древнегреческой народности. Как известно, генезис представления об этнической общности восходит к очень отдаленным эпохам. Но лишь в результате формирования классового общества и государственности¹ происходит коренное изменение в области этнических представлений. Этно-племенная общность, игравшая важную роль уже в период союза племен, теперь приобретает новое качество: она превращается в более четкое понятие «народность». Тем самым получили новое значение связи внутри одного этнического массива, появилось понятие «народности» и «земли народа», которые были столь необходимы человеку древних времен.

Формирование греческой народности происходило в сложных условиях. Если обратиться к структуре греческого народа в середине I тысячелетия до н. э.², то еще тогда четко выступали большие различия в диалектах, нравах и обычаях четырех крупнейших племен: эолян, ахейн, ионян и пришедших в XII в. дорян. Но сознание эллинского единства уже господствовало над представлениями о самобытности каждого племени: Геродот от лица афинян говорит, что они Ἑλληνικὸν εἶναι ὁμαίον τε καὶ ὁμόγλωσσον καὶ θεῶν ἰσχυρά τε κοινὰ καὶ νομίαι ἦναι τε ὁμότροπα (VIII, 144). Общегреческое единство, с такой очевидностью проявившееся уже в период греко-персидских войн, удивительным образом мирилось с племенным сепаратизмом³.

¹ О влиянии политических, географических, экономических, историко-культурных, религиозных и других факторов на ход этнического развития см. Н. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов.— «VII Международная конференция антропологических и этнографических наук». М., 1964.

² Нам представляется чрезвычайно упрощенной и не отвечающей действительности точка зрения Л. П. Лашука, утверждающего, что в Греции «лишь в начале второй половины I тыс. до н. э. явственно обнаруживается течение социально-этнического процесса, приведшего в конце концов к сложению общегреческой народности» (Л. П. Лашук. О формах донациональных и этнических связей.— ВП, 1964, № 4, стр. 77—92, особенно 88).

³ Уже С. Н. Трубецкой в 1890 г. писал: «Греки представляют собой единственный в древности пример народа, достигшего величайшей культуры и просвещения при отсутствии общего государства, при сохранении исключительного племенного разделения» (С. Н. Трубецкой. Метафизика в древней Греции. М., 1890, стр. 84).

Корни этого явления пужно искать не голько во II тысячелетии, но в еще более ранние времена. Здесь на помощь истории приходит лингвистика, сделавшая огромные шаги в области изучения древних балканских языков, особенно после бесспорного установления в 1953 г. грекоязычности населения Греции во II тысячелетии до н. э.

Как известно, дифференциация племенных языков началась на очень ранних стадиях развития человечества⁴. Массивы родственных племен, носителей одной и той же языковой общности, прошли длительный путь, пока внутри них сложились отдельные языковые семьи. Индоевропейская языковая общность в VI—IV тысячелетиях состояла из четырех главных групп языков: I. Балто-славяно-германская; II. Западноиндоевропейская; III. Центральнoиндоевропейская; IV. Южноиндоевропейская, или хетто-лувийская, иначе называемая анатолийской⁵. Относящийся к третьей семье греческий язык обособился уже к середине IV тысячелетия⁶, что указывает на завершившееся выделение прагреческой племенной общности из близких ей по языку других племенных групп.

Обособление прагреческого этнического единства происходило в условиях развитого неолита (датируемого ныне со второй четверти V тысячелетия и до конца IV тысячелетия), в период, когда жившие сельским хозяйством племена достигли развитого первобытнообщинного строя. Это время усложнения междуплеменной жизни, время участвовавших войн и столкновений. Одновременно крепили внутренние связи племенных общностей, причем языковая близость становилась одним из важных факторов. Отмеченные этнолингвистические процессы происходили на гористой территории Балканского полуострова, расчлененной хребтами на множество изолированных областей. Подобная географическая среда весьма способствовала этнической консолидации в сравнительно небольших пределах и вместе с тем содействовала образованию локальных диалектных ответвлений внутри одного этнического массива.

Исторический анализ греческого языка показывает, что он очень рано включил в себя в качестве субстрата элементы другого, весьма близкого индоевропейского языка, получившего название пеласг-

---

⁴ Для определения хронологических границ кристаллизации древнейших общностей родственных племен важно знать время появления самих племен. Но здесь исследователи еще не пришли к единой точке зрения: например, возникновение племенной организации (или структуры) А. А. Формозов относит к началу мезолита (следовательно, не позднее IX тысячелетия до н. э.), тогда как Н. О. Бадер ставит вопрос о верхнем палеолите (около 80 000—9000 лет до н. э.).

⁵ В. Георгиев. Исследования до сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, стр. 272—283; V. I. Georgiev. Introduzione alla storia delle lingue indoeuropee. Roma, 1966, p. 440—456. Весьма детально передана картина сложных отношений племен во время членения индоевропейской языковой общности на несколько диалектных зон в кн.: Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, стр. 8—20.

⁶ В. Георгиев. Исследования..., стр. 276, 282.

ского ⁷ (благозвучнее, может быть, употреблять форму: пеласгический).

Наслоение греческого на близкородственный ему пеласгический язык явилось результатом племенных передвижений в средней и южной части Балканского полуострова в IV—III тысячелетиях. Территория Греции была заселена тогда племенами пеласгического языка ⁸, тогда как грекоязычные племена обретались в гористых областях, видимо, сопредельных будущим северогреческим землям. Тесные связи греческого и македонского языков позволили Я. Харматте установить, что первоначально греки и македоняне составляли одно языковое единство. Позднее греческая группа этого этнического массива двинулась на юг и встретила там пеласгов, тогда как македонская группа испытала воздействие соседних иллироязычных племен ⁹. Многообразие локальных археологических культур Греции эпохи позднего неолита подтверждает результаты лингвистического анализа. Данные о распространении или исчезновении ряда элементов в материальной культуре неолитического населения Греции ¹⁰, видимо, отражают передвижения внутри огромного массива индоевропейских племен в центральнобалканских землях.

Но еще более важные сведения доставляет греческая традиция. С древнейших времен эллины сохраняли предания о племенах, обитавших на территории Греции до прихода туда самих греков. Возникновение этой традиции свидетельствует о том, что еще до переселения на юг первой греческой волны греческий этнический массив четко отграничивал себя даже от ближайших по языку сосед-

---

⁷ Основные положения сформулированы болгарским лингвистом В. И. Георгиевым (к названному выше его трудам нужно добавить важное исследование: «La toponymie ancienne de la Péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne», Sofia, 1961 и большое число вышедших позднее статей), реконструировавшим догреческий «пеласгический» язык, близко родственный греческому. Теория Георгиева завоевала широкое признание. Обстоятельное изложение теории Георгиева и его сторонников в современном языкознании см. в рецензии Д. Джонса (JHS, LXXVIII, 1968, p. 183—186). Возражения носят обычно частный характер. В качестве примера назовем работу: Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. Автор пытается хоть в какой-то мере сохранить раскритикованную В. Георгиевым теорию П. Кречмера о наличии доиндоевропейского («эгейского» или «средиземноморского») субстрата в греческом языке.

⁸ Я. Харматта прослеживает близкое родство пеласгического с языками хеттской семьи и считает возможным переселение хеттоязычных племен с Балканского полуострова в Малую Азию в начале III тысячелетия. См. J. Harmatta. Das Pelasgische und die alten Balkansprachen. — «Балканско езикознание», IX, I. София 1964, стр. 41—47.

⁹ Там же, стр. 46—47.

¹⁰ В. С. Титов («Неолит Греции». М., 1966) обстоятельно исследовал керамический материал локальных культур неолитической Греции. Но без привлечения данных по земледелию, архитектуре и другим важнейшим отраслям производства картина остается неполной. Поэтому, когда автор допускает возможность появления первых индоевропейских племен в материковой Греции лишь на рубеже неолита и бронзового века (В. С. Титов. Неолит Греции, стр. 227), это звучит неубедительно.

них племенных групп. Примечательно, что и в VI в. ионийская традиция не изменила отношения к этому населению: Гекатей Милетский сообщает, что в древнейшие времена, до греков, Пелопоннес был заселен варварами — *φῆξαν αὐτὴν βάρβαροι* (Strab., VII, 7,1).

Удельный вес каждой этнической группы¹¹ догреческого массива в последующей истории был весьма различен в зависимости от того, сколь сильным было вытеснение или ассимиляция их переселившимися греками. В материковой части страны, где натиск был особенно силен, небольшие племена исчезли почти совсем. Такая судьба постигла кавконов (*Καυκῶνες*), которые остались лишь в местной традиции. По свидетельству Геродота (I, 147; IV, 148), кавконы жили некогда в Трифилии и были оттуда вытеснены миниями, часть их переселилась в Малую Азию, где, судя по эпосу, кавконов встретили ахейцы в числе союзников Трои (II., X, 428).

Иным было значение пеласгов, видимо, составлявших обширный массив племен. Преобладание пеласгов нашло отражение в топонимике: до греков страна именовалась по племенам, но более всего по пеласгам: *κατὰ ἔθνη δὲ ἄλλα τε καὶ τὸ Πελασγικὸν ἐπὶ πλείστον ἀφ' ἑαυτῶν τὴν ἐπωνυμίαν παρέχουσαι*, — рассказывает Фукидид (I, 3). То же известие находим и у Геродота, сообщающего, что страна, называемая ныне Элладой, раньше именовалась Пеласгией (II, 56). Топонимика Средней Греции сохранила следы пеласгов: в Аттике осталось урочище Пеласгик под афинским акрополем, а в аттической традиции сохранился живой рассказ о столкновениях пеласгов и ионян¹².

В трудах более поздних авторов пеласги упоминаются как древнейшее население Беотии, Ахайи, Аркадии¹³. Эсхил передает древнюю традицию об обитании пеласгов в Аргосе¹⁴. Весьма важно то, что в северных областях страны пеласги удержались до времен Ге-

¹¹ Размеры данной работы позволяют лишь бегло остановиться на догреческом населении Эллады. В книге «Ахейская Греция» (М., 1966) основное внимание мы уделили экономической и социальной истории II тысячелетия. Между тем за последние 15 лет возросло число исследований, главным образом лингвистических, освещающих роль и значение древнейших индоевропейских племен на Балканском полуострове и в Малой Азии (Анатолии). Эти работы позволяют по-новому интерпретировать данные античной традиции о догреческом населении. Среди них выдающийся интерес представляет обширный труд английского историка Дж. Томсона: *G. Thomson. Studies in ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean*. London, 1954 (в русском переводе: *Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир*. М., 1958). Томсон уделил большое внимание догреческому населению страны (стр. 161—174). Однако нам представляется спорным отнесение ликийцев, каров, пеласгов и других к ряду «матриархальных народностей». В IV—III тысячелетиях население Балканского полуострова уже вырабатывало патриархальные установления.

¹² *Thuc.*, II, 17; *Her.*, II, 137.

¹³ *Дж. Томсон. Указ. соч.*, стр. 168—174. Правда, сообщение Павсания (I, 14. 2) о пребывании богини Деметры в Аргосе в доме царя Пеласга весьма искусственно.

¹⁴ *Aesch.*, *Supp.*, 256—272. Трагик, живший между 525 и 456 гг., рисует картину обширного царства пеласгов, границы которого заключали всю Элладу. Но это описание — дань представлению о величии царей и народов минувшего.

родота (I, 57). Факт этот заставляет отнести с большим вниманием к известиям ахейского эпоса, согласно которому Фессалия называлась в эпоху Троянской войны пеласгическим Аргосом (II, II, 681). Ахилл взывает о покровительстве к пеласгическому Зевсу, почитаемому в Додоне (II, XVI, 1233—235). Гесиод тоже говорит о Додонской области как о земле, населенной пеласгами¹⁵. Хотя и отрывочные, эти известия весьма ценны во многих отношениях. Прежде всего они указывают, что ахейская культура развивалась не на всех землях Северной Греции, так как часть Эпира и Фессалии была занята пеласгами¹⁶, причем в Эпире эти племена жили и в начале I тысячелетия до н. э.

Далее, многочисленность пеласгических племен в материковой Греции (вполне возможно, что общее имя пеласгов распространялось на большой союз родственных племен, в котором пеласги лишь главенствовали) делает понятной ту большую роль их, которую обнаруживают многие предания о культурной жизни древнейших, еще догреческих времен¹⁷.

Особенно ясно выступает роль пеласгических традиций в религиозной мысли Эллады. Многие культы греков классической поры сохранили ясные черты своего происхождения из верований пеласгов. Архаичность и примитивность этих сакральных мифов и установлений служит достоверным залогом их большой древности. Подробнее на пеласгических традициях в области религии¹⁸ мы остановимся ниже, здесь же приведем лишь один пример. Рассказ Геродота о почитании в Додоне пеласгами богов, не наделенных еще именами (II, 52: "Εὐθὺς δὲ πάντα πρότερον οἱ Πελασγοὶ θεοῖσι ἐπευχόμενοι, ὥς ἐγὼ ἐν Δωδώνῃ οἶδα ἀκούσας, ἐπονυμίην δὲ οὐδ' οὐνομα ἐποιεῦντο οὐδενὶ αὐτῶν), относится к весьма древнему периоду в истории религиозного мышления, отвечающему столь же примитивной стадии состояния общества. Несомненно, что безымянные боги с нерасчлененными функциями относятся к культам еще раннеэолитического времени, для которого характерно отсутствие заметной

¹⁵ Hes., fr. XVIII.

¹⁶ Ограничить территорию ахейского преобладания в Фессалии необходимо еще и потому, что там некогда находились и доряне (Her., I, 56). Правда, перед приходом в Пелопоннес в XII в. они уже заселили Дриопиду (будущую Дориду) в Средней Греции.

¹⁷ Например, в Аттике пеласги помогали афинянам возвести стены Акрополя (Her., VI, 137). В Аркадии местные легенды, излагаемые Павсанием (VIII, 2—4), отводят родоначальнику Пеласгу решающую роль в выработке основ цивилизации. Умение строить дома, делать одежды из шкур, хлебопашество, постройка многих городов и т. п. — все это, согласно мифам, получили аркадяне от Пеласа и его потомков.

¹⁸ Следует отметить, что в русской историографии роль пеласгов в эллинской религии уже давно получила широкое освещение. Сошлемся на упомянутую выше «Метафизику в древней Греции» С. Н. Трубецкого, на монографию: Г. Властов. Теогония Гесиода и Прометей. СПб., 1897. На Западе следует назвать монументальный труд: А. В. Соок. Zeus, — начавший выходить еще в 1914 г., в котором большое внимание уделено пеласгическому происхождению культа Гермеса (III, p. 224).

дифференциации внутри родовых общин¹⁹. Определенность и устойчивая регламентация появляются в религиозных воззрениях много позднее, в эпоху развитого племенного строя. Тогда складываются культы племенных божеств, которые, как полагает С. А. Токарев, были одними из «первых исторических образов богов в настоящем смысле этого слова»²⁰.

Итак, пеласги греческой традиции благодаря изысканиям лингвистов и исследователей религиозных воззрений предстают перед нами как реальная этническая единица, как ведущая сила в политической жизни племенного мира догреческой Эллады. Но с приходом праионян они, хозяева страны, Пеласгии, должны были уступить сначала часть ее греческим пришельцам, так как гонимые нуждой переселенцы превосходили их не только числом, но также инициативой и упорством. Свидетельство Фукидида о том, что φαίνεται γὰρ ἡ νῦν Ἑλλάς καλουμένη οὐ πάσαι βεβαίως οἰκουμένη, ἀλλὰ μεταναστάσεις τε οὖσαι τὰ πρότερα καὶ ῥαδίως ἕκαστοι τὴν ἑαυτῶν ἀπολείποντες βιάζομενοι ὑπὸ τινῶν αἰεὶ πλείονων (1,2,1), удивительно точно передает суть событий, происходивших в далекие времена племенного, еще догородского, быта. Характерны ясность и сжатость формулировок великого историка, отметившего лишь общую тенденцию исторического процесса древнейших времен. Способность в огромной массе мифов и легенд выделить основной стержень исторического процесса позволила Фукидиду впервые в истории человеческой мысли сформулировать идею прогрессивного развития общества²¹.

По-видимому, в памяти греков изначальное поселение их в Пеласгии осталось в виде генеалогических легенд и религиозных мифов. Довольно быстро началась ассимиляция оставшегося пеласгического населения, которая привела уже в первой трети II тысячелетия к полному господству греческого этноса в средней и южной частях страны. Близость языков греческого и пеласгического, установленная исследованиями В. Георгиева и его школы²², позволяет по-иному прочесть сведения античной традиции о взаимоотношениях ионян и пеласгов. Та неточность в разграничении ионян и пеласгов, которую обнаруживает сохранный Геродотом традиция, получает теперь убедительное объяснение. Длительный контакт этих близкородственных племен²³ привел к такому смешению

¹⁹ С. Н. Трубецкой говорит, что «грек возвысился над доисторическим религиозным хаосом пеласгов» (указ. соч., стр. 59).

²⁰ С. П. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 377.

²¹ Фукидид выдвинул идею периодизации истории в зависимости от занятий общества: вначале — скучное земледелие, следующая ступень — постройка городов, развитие мореходства и торговли. Не менее интересен его диалектический подход к истории эллинов — издревле греки ничем не отличались от варваров, и только длительное развитие позволило эллинам возвыситься над ними.

²² Особо следует отметить работы А. И. Ван-Виндекенса, посвятившего ряд книг и исследований изучению пеласгического языка: A. J. Van Windekens. La pélasgique. Essai sur une langue indo-européenne préhellénique. Louvain, 1952; *idem*. Etudes pélasgiques. Louvain, 1960.

²³ Томсон считает пеласгов «не родственным эллинам народом» (указ. соч.,

обеих этнических групп, что даже негреческое наименование пеласгов было воспринято временно ионянами: Геродот рассказывает, что ионяне, жившие некогда в Пелопоннесе, именовались тогда пеласгами эгиалейскими (Her., VII, 94). Об афинянах он также сообщает, что в то время, когда нынешнюю Элладу занимали пеласги, сами афиняне были пеласгами и носили наименование Κραναοί (Her., VIII, 44), в переводе — «Скалистые». Аморфность лингвистических границ между пеласгами и греками породила представление о том, что эллины некогда выделились из пеласгического племени, усилились, а затем к ним присоединились пеласги и многие другие варвары. Примечательно, что, рассказывая эту версию, Геродот заключает: πρὸς ταῦτα δὴ ὧν ἔμοιγε δοκεῖ οὐδὲ τὸ Πελασγικὸν ἔθνος, ἐὼν βάρβαρον, οὐδαμᾶ μεγάλως αὐξηθῆναι (Her., I, 58). Действительно, эта слабость пеласгов явилась причиной ассимиляции их значительной части греками.

Несомненно, что указанный процесс происходил на протяжении многих столетий. Как было уже отмечено лингвистами, первая греческая волна (праионяне), ассимилируя пеласгов, заимствовала у них довольно много терминов, указывающих на высокое культурное развитие. Таковы: *ἄστυ* «город»; *ἄφρος* «богатство»; *ἀσάμινθος* «ванна»; *πλίνθος* «кирпич» и многие другие²⁴. Характер этих заимствований указывает на более высокий уровень пеласгического этноса в области производства и в социальной жизни. Такая точка зрения разделяется многими исследователями, и нам она также кажется лучше всего объясняющей детали ассимиляции пеласгов праионянами.

Сохраненная ионянами (Геродот) традиция о слабости пеласгических племен в полной мере присутствует и в представлениях Фукидида о соотношении сил древнейшего населения страны и пришельцев: ἀδελφον ὃν ὅποτε τις ἐπελθὼν καὶ ἀτειχίστων ἅμα ὄντων ἄλλος ἀφαιρήσεται (I, 2, 2). Видимо, указанное обстоятельство заставило пеласгов частью полностью подчиниться праионянам, частью же сосредоточиться в северных землях Греции²⁵, а также на северных островах Эгейского бассейна. Античная традиция называет многие острова принадлежавшими пеласгам: Самофракию (Her., II, 51); Лемнос (Her., VI, 138—140; Thuc., IV, 109), Имброс (Her., V, 26 — персы, заняв остров в начале V в., нашли здесь пеласгов, так же как и на соседнем Лемносе), Лесбос [согласно сообщаемой Диодором (V, 80) легенде, ионяне во главе с Макарием переселились на пеласгический Лесбос за два поколения до Троянской

стр. 110), однако это представления еще доэвтрисовского периода в историографии.

²⁴ В. И. Георгиев. Исследования ..., стр. 87—104; A. J. Van Windekens. Griechische σμίνθος.— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd. 71, 1954, 1—2; *idem*. L'origine pélasgique du mot grec θησαυρός.— «Orbis», t. X, 2, 1961, p. 512—515..

²⁵ Напомним область Пеласгиотиду в Фессалии в I тысячелетии (Strab., IX, 5.3).

войны]. Пеласгическое население было и в Малой Азии — на ионийском побережье и прилежащих к нему островах, причем ахейский эпос называет пеласгов среди союзников Трои (II., X, 429).

Населявшие острова пеласги оказались более стойкими и упорно сопротивлялись греческому проникновению. Рассказ Геродота (VI, 138—140) о резне афинянок и их детей на Лемносе, видимо, отражает более напряженный характер отношений и имевшие место вооруженные столкновения ²⁶.

Даже беглый перечень данных древнейшей греческой традиции (мы намеренно почти не привлекали авторов после V в. до н. э.) ясно показывает, сколь важна должна была быть роль пеласгического субстрата в культурном развитии Греции не только III, но также и II тысячелетия до н. э.

По сравнению с пеласгами другие догреческие племена занимают гораздо меньшее место ²⁷ в исторических преданиях Эллады. Достойны упоминания кары (карийцы) и близкородственные им лелеги, которых Геродот даже прямо отождествлял с карами (I, 171). Лингвистический анализ языка потомков этих племен, удержавшихся и в I тысячелетии до н. э. в гористой юго-западной части Малой Азии, показывает, что они принадлежали к индоевропейской языковой общности, но входили в иную, чем греки и пеласги, языковую семью ²⁸. Видимо, лелеги были более связаны с греческими землями материка, судя по некоторым местным легендам и культам Эллады ²⁹, тогда как кары твердо локализованы Фукидидом на островах. Весьма важна определенная хронологическая грань в истории островитян ³⁰, которую сообщает Фукидид: кары обитали на части Кикладских островов до тех пор, пока их не изгнал Минос (I, 4). Так как ныне известно ³¹, что критяне стали устанавливать власть над островами уже около 2000 г. до н. э., то, следовательно, вытеснение каров критскими династиями должно было начаться где-то в XX—XIX вв. до н. э. Данное событие объясняет, почему кары, составлявшие лишь часть островитян в древнейшие

---

²⁶ К сожалению, краткое упоминание о пеласгах на Крите (Od., XIX, 175—177) наряду с ахейцами, этеокритянами, кидонянами и дорянами не позволяет судить, попали ли пеласги на Крит в III или в конце II тысячелетия в результате вселений дорян.

²⁷ Мы намеренно не коснулись традиции о пеласгах-тирренах и о пеласгическом населении древнейшей Италии.

²⁸ Подробные сведения о принадлежности языка каров содержит работа: В. В. Шеворошкин. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965. Однако разность языковых семейств не препятствовала быстрой эллинизации малоазийских каров — на побережье этот процесс закончился в VIII в.; карийская деревня в эпоху эллинизма тоже прошла путь полной эллинизации (A. Laumonier. Les cultes indigènes en Carie. Paris, 1958, p. 713—734).

²⁹ О лелегах в Греции см. G. Huxley. Crete and the Luvians. Oxford, 1961.

³⁰ Весьма обстоятельно рассмотрены все имеющиеся ныне данные о карах на Делосе в обширной монографии: H. Gallett de Santerre. Délos primitive et archaïque. Paris, 1958.

³¹ Раскопки второй половины 1960-х годов обнаружили на Кифере критскую апоию, возникшую уже в XX в. до н. э.

времена (на это два раза указывает Фукидид), не оставили большого следа в ранней исторической традиции греков. Консолидировавшиеся в Малой Азии, они стали играть активную роль в истории малоазиатского эллинизма гораздо позднее³². Так, в последней трети II тысячелетия кары принадлежали к враждебной ахейцам коалиции, защищавшей Троию (II, X, 428). Видимо, тогда же они должны были уступить эллинам все свои островные владения³³.

Приведенные выше сведения о древнейшем населении Пеласгий и островов Эгейского моря³⁴ показывают, что происходивший на этой территории процесс греческого этногенетического развития включил ассимиляцию некоторого количества родственных грекам, также индоевропейских, племенных групп. Это смешение завершилось полным преобладанием греческого этноса над всеми субстратными традициями. Развитой характер греческого языка и монолитность культуры II тысячелетия до н. э. показывают, что между XX и XII вв. население страны в массе было этнически гомогенным. И хотя не существовало еще общего названия эллинов, но, как говорит Фукидид, все племена понимали друг друга (I, 3,4; ... ὅσοι ἑλλήνων ξυνίσταν). В свете новейших данных следует еще раз отметить точность общей концепции греческой традиции, гласящей, что греки задолго до Троянской войны (около 1240 г. — по хронологии К. Блегена) занимали земли своей страны. Однако наименование

³² Томсон рисует яркую картину устойчивости карийских традиций в ионийских землях в I тысячелетии (Дж. Томсон. Указ. соч., стр. 164—168).

³³ Геродот передает версию, сохраненную критянами, что кары поставляли Миносу корабельные команды и только много времени спустя их вытеснили с островов доряне и ионяне (I, 171). Следовательно, полное вытеснение каров с эгейских островов следует отнести к концу II тысячелетия. Заметим, что сведения Фукидида о морском разбое каров и финикин (I, 8) совпадают с хронологическими вехами рассказа Геродота — ведь появление финикин в Средиземном море относится ко времени после крушения критской талассократии около 1400 г. до н. э. (А. R. Buro. Minoans, Philistines and Greeks. Oxford, 1930, p. 10).

³⁴ История критского населения в общих чертах совпадает с этнической историей материка. Согласно традиции (Her., I, 173), на Крите первоначально жили варвары, часть которых потом выселилась в Малую Азию и была известна там сначала под именем термиллов, а затем ликийн (от имени Лика, изгнанного братом Эгеем из Афин). Лингвистический анализ (С. Бугге, А. Торн, Х. Педерсен и П. Мериджи) позволил определить, что ликийский (иначе — лувийский) язык I тысячелетия до н. э. произошел из смешения двух различных индоевропейских языков (P. Kretschmer. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten. — «Glotta», 28, 1940, S. 231—278; 30, 1943, S. 84—218). Развивший эту теорию В. Георгиев пришел к заключению, что одним из компонентов ликийского языка является диалект пеласгического языка, названный им термилским (В. Георгиев. Исследования..., стр. 153—162). Таким образом, варвары-пеласги составляли и на Крите древний субстрат, удержавшийся там, судя по сведениям ахейского эпоса, и в конце II тысячелетия (Od., XIX, 175—177). Каково было соотношение этих «божественных пеласгов» с этеокритянами, «настоящими критянами», упоминаемыми в «Одиссее» наряду с ахейцами, кидонами и дорянами, сказать трудно. Однако в самом названии Ἐτεοκρίτης уже проступает стремление этой этнической группы отделить себя от остальных обитателей острова. Да и выражение эпоса ἑλλή δ' ἄλλων γλώσσα μεμυμένην указывает на тенденции к изоляционизму у населения Крита в конце II тысячелетия — вопрос о праве на землю, видимо, стоял довольно остро после вселения туда дорян.

Эллада она получила много позднее, в начале I тысячелетия: согласно Страбону (VIII, 6.6), и Гесиод, и Архилох уже знали термин «эллины» как всеобщий.

Грекоязычие обитателей южнобалканских земель во втором тысячелетии позволяет поставить вопрос о времени начала проникновения греков (праионян) в Пеласгию. По-видимому, процесс этот имел много звеньев, растянувшись на длительный срок ³⁵. Большая близость поселявшихся прагреков к пеласгам не только по языку, но и по общему уровню развития должна была способствовать сравнительно плавному ходу ассимиляции автохтонов пришельцами, происходившему, по-видимому, на протяжении не только конца IV, но и значительной части III тысячелетия.

Здесь мы подходим к проблеме этнического единства или, наоборот, разнородности населения Греции в III и II тысячелетиях.

Попутно заметим, что даже во второй половине 1960-х годов иногда раздавались голоса в пользу очень старой теории, считавшей дорян первыми греками, вступившими на землю Эллады. Мы имеем в виду очень живо написанную работу С. Хууда ³⁶. Автор отвергает понимание пилосских документов как памятников грекоязычного народа и полагает, что «первые обитатели Пелопоннеса, говорившие по-гречески, вступили туда лишь в конце XIII в. как губители тамошних дворцов» (стр. 126). Тем самым вновь извлекается на свет сверхгиперкритическое отношение к греческой традиции, к данным лингвистики, археологии и истории искусства. Несостоятельность такого подхода при настоящем уровне знаний столь очевидна, что дальнейших объяснений не требуется.

В современной историографии вопрос о генетических связях населения Греции в III и II тысячелетиях вызвал большую полемику. Значительный рывок в производственной жизни страны при переходе от Ранней к Средней бронзе и следы насильственного разрушения ряда населенных пунктов раннэлладского времени, как полагали раньше, в один короткий период послужили основанием для предположения об одновременной смене этнического состава в Греции где-то около 2000 г. Эта теория была сформулирована К. Блегеном ³⁷ еще до открытия Б. Грозным индоевропейского ха-

³⁵ Интересно, что доряне, много странствовавшие, как говорит Геродот (I, 56), дошли до Пелопоннеса лишь в XII в., следовательно, их перемещение длилось ряд веков в пределах II тысячелетия. Разница между диалектом дорян и диалектами гораздо раньше оторвавшихся ионян, эолян и ахейн такова, что расхождение названных племен должно было иметь место задолго до начала II тысячелетия. Анализ топонимических данных позволил В. Георгиеву предположить, что движение племени ионян (праионян) из Фессалии на юг в Беотию должно быть отнесено еще к первой половине III тысячелетия или даже раньше (V. Georgiev. *La toponimie ancienne de la Péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne*. Sofia, 1961, p. 35—37). Но движение до Фессалии также заняло какое-то время.

³⁶ S. Hood. *The Home of the Heroes. The Aegean before the Greeks*. London, 1967.

³⁷ C. W. Blegen. *The Coming of the Greeks*.—AJA, 32, 1928, p. 146—154

рактера хеттского языка и последующего выявления других племен этой же языковой общности на территории Малой Азии и всего Балканского полуострова. Теория разрыва между раннеэлладской и среднеэлладской культурами исходит из давнего недоверчивого отношения к сведениям устной традиции греков о прошлом своей страны. Между тем установление греческого характера языка пилосских и других документов ахейян XIV—XIII вв. сделало неприемлемым этот традиционный гиперкритический подход.

Тем не менее идея этнической разницы населения Греции в III и во II тысячелетиях сохраняет еще довольно большое число сторонников, среди которых стоят имена таких крупных специалистов, как А. Уэйс, А. Перссон, Дж. Меллаарт, Г. Милонас. Свою последнюю книгу Г. Милонас начинает словами: «Первые грекоязычные индоевропейские племена, по всей видимости, появились в материковой Греции около 1900 г. до н. э., в начале эпохи Средней бронзы, как впервые это установил Карл Блеген. Долгое время предполагали, что эти индоевропейцы прибыли с севера вдоль хребта Пинд, однако теперь всеми признано, что они пришли из северо-западного угла Малой Азии вдоль южного побережья Фракии и Македонии...»³⁸. Именно эти пришельцы принесли на юг Балканского полуострова, по мнению многих археологов и Г. Милонаса, монохромную серую посуду, сделанную на гончарном кругу.

Изложенная теория противоречит тем твердым данным, которые добыло сравнительно-историческое языкознание. Длительная история древнейшего греческого диалекта красноречиво свидетельствует против столь позднего появления грекоязычных племен на юге Балканского полуострова³⁹, не говоря уже о более ранних индоевропейских обитателях всей этой территории⁴⁰.

---

³⁸ G. E. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*. Princeton, 1966, p. 3. Несколько ниже Милонас вновь говорит о том, что впервые индоевропейские племена пришли на территорию Греции около 1900 г. до н. э. Таким образом, Милонас более консервативен, чем Меллаарт, который относит появление индоевропейских племен в греческих землях к 2500 г. (*J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean*.— *AJA*, 62, 1958, p. 9—33).

³⁹ Недооценка данных лингвистики отражает непонимание той огромной роли, которую играл язык в производственной и духовной жизни древнейшего человека. В свою очередь, по мере развития общества язык испытывал значительные изменения в связи с развитием производства, социальной дифференциацией, становлением государства и возникновением письменности.

⁴⁰ О развитии и разветвлении неолитических культур индоевропейских племен в северных пределах Балканских земель (в особенности культур Старчево и Винча, датируемых V и IV тысячелетиями) см. *J. Neustupný. From Indo-Europeans to Prehistoric Celts in Central Europe*.— «*Revista de Faculdade de Letras de Lisboa*», III série, № 10, 1966, p. 3—32. Югославский исследователь М. Гарашанин допускает возможность связи позднеолитических культур с индоевропейскими племенами на среднедунайских землях на основании непрерывности развития от культур Винча — Плочник через культуры Бубань — Хум к культурам развитой бронзы (*M. V. Garašanin. Der Übergang vom Neolithikum zur frühen Bronzezeit auf dem Balkan und an der unteren Donau*.— «*L'Europe à la fin de l'âge de la pierre*». Praha, 1961, p. 15—43).

Одним из главных доводов сторонников этнической смены в Греции на рубеже III и II тысячелетий служит появление посуды, сделанной на гончарном кругу,— так называемой «минийской». Как нам представляется, один факт подобного рода вообще не может служить критерием при определении этнической принадлежности. Только в случае полной смены всего комплекса бытовых древностей можно с уверенностью говорить о появлении нового этнического массива. Между тем в Греции начала II тысячелетия продолжала существовать и получила дальнейшее развитие керамика, расписанная простыми линейными орнаментами (матовой черной краской по светлому фону глины сосуда, отсюда ее название: «матово-расписная»), продолжающая традиции орнаментированной керамики эпохи Ранней бронзы. Это обстоятельство заставило А. Уэйса несколько отойти от теории «разрыва» и истолковать сосуществование минийской керамики с матово-расписной как отражение факта смешения двух этнических массивов — раннеэлладского и среднеэлладского ⁴¹.

Кардинальное разграничение населения Греции в периоды до и после 2000 или 1900 гг. представляется совершенно неправомерным в свете важных археологических свидетельств, добытых за последние 10—15 лет. Так, в Лерне значительный перелом наблюдается на грани Раннеэлладского II и III периодов, приходящейся на XXII век (по радиоуглеродной датировке). Как отмечает Дж. Кэски, вскоре после пожара, уничтожившего недостроенный «Дом черепиц», руины его около 2070 г. были расчищены таким образом, чтобы придать им форму кургана (диаметром около 19 м), причем основание последнего было тщательно окружено каменной выкладкой. Новое поселение Лерна-IV, располагавшееся возле этого кургана, являет материальную культуру иного облика, чем тот, который имели бытовые древности в слое Лерна-III. Уже теперь, в XXI в., здесь появилась минийская посуда, сделанная на гончарном круге. Дальнейшее развитие проходило без сколько-нибудь заметных следов насилия ⁴². Весьма примечательно бережное отношение жителей Лерны-IV к руинам сгоревшего «Дома черепиц»: видимо, между старым и новым населением этого места существовали какие-то связи преемственности, породившие превращение пожара в священное место ⁴³.

Во всяком случае, история слоев Лерна-III и Лерна-IV свидетельствует не только о появлении новых элементов материальной

---

⁴¹ A. J. B. Wace. The Early Age of Greece.— «A Companion to Homer», ed. by A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. London, 1962, p. 337—338. О смешении минийских завоевателей с прежним населением писал и Г. Чайльд в 1950 г. (Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации. М., 1950, стр. 110).

⁴² J. L. Caskey. Lerna in the Early Bronze Age.— AJA, 72, 1968, p. 313—316.

⁴³ Дж. Кэски полагает, что причиной такого отношения был скорее страх, чем триумф (op. cit., p. 314). Вполне возможно, что огромный пожар, уничтоживший «Дом черепиц», был объяснен современниками как проявление гнева богов, и это отношение сохранили следующие поколения.

культуры, но и сохранении каких-то старых традиций. Более ясные следы прямой последовательности слоев Раннеэлладского и Среднеэлладского времени дали раскопки в Кандии и Синоро (область Эпидавра)⁴⁴. Судьбы названных пунктов в Арголиде показывают, что около 1900 г. до н. э. некоторые районы этой области вели мирное существование и не подвергались опустошению.

В Фессалии можно привести столь же яркий пример: раскопки Гремноса (область Фессалии) показали, что здесь население первой половины II тысячелетия до н. э. сохраняло культурные традиции раннеэлладского времени без какого-либо перерыва⁴⁵.

Выше мы уже приводили наблюдения Блегена относительно сохранения приемов раннеэлладского ювелирного дела в Коринфии в XVIII в. до н. э. Интересные данные о преемственности погребальных обрядов во второй половине III и в первой половине II тысячелетий также позволяют говорить о связях между обитателями страны в указанные периоды⁴⁶.

Приведенные факты⁴⁷ следует сопоставить с достоверно известными разрушениями, которым подверглись Кораку, Зигуриес, Дорион и некоторые другие раннеэлладские центры на рубеже III и II тысячелетий. Упомянутые военные катастрофы не всегда означали появление нового этнического элемента. Так, в Дорионе, судя по описанию Н. Валмина, произошло некоторое отступление назад, к более грубым и примитивным формам начальных ступеней раннеэлладской культуры, хотя одновременно здесь появилась и «минийская» керамика⁴⁸. Некоторое упрощение жизни в опустошенных неприятелем местностях представляет вполне закономерное явление. Важен другой вопрос: можно ли считать носителей этих локальных разрушений первыми грекоязычными племенами, вступившими на почву будущей Эллады. Ранее мы уже отвечали отрицательно на этот вопрос⁴⁹, новые данные подкрепляют изложенную точку зрения. По-видимому, ход событий следует реконструировать следующим образом: в течение III тысячелетия взаимосмещение племен пеласгов и переселявшихся праионян происходило в разных областях страны то мирным, то военным путем, причем размеры кон-

---

⁴⁴ K. Gebauer. *Prähistorische Versuchungsgrabungen in Kandia und in Iria* — «Bericht über den VI. Internationalen Kongress für Archäologie». Berlin, 1940. S. 299—304.

⁴⁵ V. Milojević. Vorbericht über die Ausgrabungen auf den Magulen von Otsaki, Arapi und Gremnos bei Larissa. — «Archaeologischer Anzeiger», 1955, Sp. 182—231 (особенно Sp. 206).

⁴⁶ Вопрос об устойчивости некоторых погребальных традиций весьма сложен: ведь среднеэлладский обычай захоронений внутри поселений — между домами — имеет полную аналогию в спартанском обиходе архаической эпохи — там также мертвых хоронили возле домов. См. раскопки 1960 г. (G. Daux. *Chronique des fouilles... en Grèce en 1960*. — BCH, 85, 1961, p. 684).

⁴⁷ Следует добавить еще данные о развитии Орхомена (Беотия): H. Bülle, E. Kunze. *Orchomenos, I—III*. München, 1931—1934.

⁴⁸ M. N. Valmin. *The Swedish Messenia Expedition*. Lund, 1938, p. 401—404.

⁴⁹ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 35.

фликтов не выходили за рамки локальных столкновений. Где-то около 2300 г. до н.э. в Южной Греции появилось еще одно греческое или, возможно, близкородственное грекам племя⁵⁰, нанесшее губительные удары по ряду богатых центров Пелопоннеса. Непрерывные военные действия неизбежно должны были привести к сокращению численности вторгшихся, а последующее длительное пребывание в среде грекоязычного населения⁵¹ завершилось ассимиляцией поселившейся группы. Наряду с этим не следует забывать и постоянные военные конфликты внутри самих прагреческих племен, которые происходили и в III, и во II тысячелетиях и могли быть причиной разорения того же Кораку или той же Лерны — ведь XXII—XX вв. это большой промежуток времени в 300 лет.

Итак, полагая, что военные столкновения в начале II тысячелетия происходили в среде в основном уже грекоязычного населения, мы считаем нужным подчеркнуть значение этих конфликтов для ускорения политического и культурного развития. Необходимость отражения вторгающегося неприятеля усиливала предпосылки для развития государственности и монархических тенденций. Большие материальные потери сосредоточивали внимание общества на совершенствовании производственных навыков.

Следует отметить, что в работах последнего времени ясно наметился отход от прямолинейной «переселенческо-завоевательской» теории о причинах крупных сдвигов в древнейшей истории Греции. Сам Блеген отметил необходимость учета трех различных племенных массивов и их взаимодействия на протяжении III — начала II тысячелетий⁵². К. Ринфрю впадает в противоположную крайность и в истории III тысячелетия выдвигает на первое место факторы местных процессов, прежде всего торговлю металлом в пределах Эгейского бассейна⁵³. Данное мнение основывается на изучении лишь одной из сторон жизни племен, населявших Пеласгию, и поэтому не разрешает сколько-нибудь полно изучаемую проблему. Д. Феохарис развивает мысль Блегена о трех компонентах, но подчеркивает, что начальные, субнеолитические ступени каждой из трех главных локальных культур — Элладской, Кикладской и Раннеминойской — были совершенно различны. Это породило автономный характер каждой из культур в период их наивысшего расцвета в эпоху Ранней бронзы. Видя в Греции III тысячелетия «ряд

⁵⁰ Вопрос о происхождении «минийской» керамики весьма сложен. Как известно, в центральных землях Балканского полуострова, в области распространения культуры Бубань—Хум-II—III (около 3000—2300 гг. по датировке Д. Срейовича), встречена группа «псевдоминийской» керамики. См. *M. Garašanin, J. Nestor. Les peuples de l'Europe du Sud-Est à l'époque préromaine.— «Actes du I-er Congrès Internationale des Etudes Balkaniques et sud-est européennes», v. II. Sofia, 1969, p. 24.*

⁵¹ Данные об обитании греков в Фессалии в III тысячелетии см.: *V. Milojević, in: «Historia», IV, 1955, S. 450—470.*

⁵² *Blegen. The Mycenaean Age. The Trojan War, p. 1—4.*

⁵³ *C. Renfrew. The Emergence..., p. 55—60, 474—475.*

отдельных независимых цивилизаций, имевших связи друг с другом» и с культурами западной части Малой Азии, Феохарис вместе с тем указывает на независимую, западную, грецизирующую ориентацию, которая определила полностью отличный характер элладской Ранней бронзы от современных ей цивилизаций Египта или Переднего Востока. Все же Феохарис придает большое значение передвижению племен на севере Балканского полуострова в конце второй фазы Ранней бронзы ⁵⁴. Как можно заметить, Феохарис избегает ответа на вопрос о связях элладских племен с населением будущих Македонии, Фракии и Иллирии.

Консолидация греческой этнической общности во II тысячелетии происходила в сложных условиях. Рядом с упомянутой выше ассимиляцией лелегов и пеласгов шли свои, внутригреческие этнические процессы. Нет сомнений в том, что обособленность отдельных греческих диалектов ⁵⁵ отражает существовавшее во II тысячелетии членение греческого массива на несколько племенных групп. Но разграничение носителей того или иного диалекта не препятствовало сплочению племенного массива в единую греческую народность. По-видимому, выработка концепции этнического единства греков во II тысячелетии получала стимулы из разных областей быстро изменявшейся социальной жизни. Так, потеря греками такой огромной ценности, как демократическое устройство времени развитого первобытнообщинного строя, сопровождалась ощутимым ослаблением традиционных связей внутри племенного массива. В этих условиях выработка представления об этнической общности должна была способствовать новому виду связей, укреплявших единство общества.

В процессе формирования греческой народности не сразу было найдено общее наименование. Уже многие исследователи указывали, что в эпосе даются различные названия греков. Политическая гегемония ахейан выдвинула их имя во второй половине II тысячелетия, хотя в то же время рядом с ним термины «данайи» или «аргивяне» играли очень большую роль. Смена терминов указывает лишь на то, что кристаллизация понятия общенародного единства происходила в Элладе в условиях напряженной борьбы за главенство между различными группами племен. Обширность территории и расчлененность ее на достаточно изолированные области являлись факторами, замедлявшими консолидацию многосоставного племенного массива с различными диалектами в единое целое. Конечно, трудно проследить в деталях течение этих процессов в раннеклассовом ахейском обществе. Однако в нашем распоряжении имеется

⁵⁴ Prehistory and Protohistory, p. 130—133.

⁵⁵ Вопрос о значении диалектов в греческом языке II тысячелетия оживленно дебатруется сейчас лингвистами. Вл. Георгиев выдвинул теорию микенского языка «*хочу*», тогда как М. Лежень считает, что в микенском греческом существовали диалекты, возникшие еще вне пределов Греции. См. оживленную дискуссию на I Микенологическом конгрессе в Риме в 1967 г. («*Atti e memorie*», p. 731—732).

очень яркое свидетельство того, что вопросы этнической общности занимали значительное место в духовной жизни обитателей Греции. Мы имеем в виду выработку сложной легендарной традиции, возводившей всех эллинов к единому прародителю Девкалиону (Нег., I, 56), которая отражает стремление найти объяснение единству греческого массива.

Можно думать, что анализ различных сторон греческой культуры II тысячелетия раскроет ряд других проявлений процесса переработки сознания племенного общества в сознание эпохи сложения ясно сформировавшейся народности.

Вместе с тем сама эта культура была орудием огромного значения в процессе создания греческой народности. Концепция этнического единства должна была преодолевать и очень сильные партикулярные тенденции внутри греческого массива. Изолированность горных областей на материке и отдаленность многих земель островной Греции долгое время способствовали обособленному развитию отдельных частей огромного греческого мира. Весьма интересно наблюдение Блегена о полном отсутствии критских элементов в культуре населения Коринфа в XVII в. до н. э. (на материале среднеэлладского могильника на северном некрополе Коринфа). Низведение локальных перегородок до скромного уровня было успешно выполнено греческой культурой уже в первой половине II тысячелетия до н. э. Население юга Балканского полуострова, создавшее раннегреческую культуру, известно довольно хорошо благодаря источникам двух видов — изображениям самих греков и их костным останкам.

Многочисленные памятники искусства рисуют различные типы людей изучаемого времени. Одна из самых тонких золотых масок, которые клали на лица умерших микенских царей в XVI в., представляет пожилого бородатого мужчину с густыми усами. Скорбное выражение усиливает общее впечатление сдержанности и внутренней силы, которое оставляет эта физиономия⁵⁶. Другая маска передает также пожилого мужчину. Это иной тип — хорошо видны круглый большой лысый череп и гладкое выбритое лицо с большими округленными глазами. Насмешливое выражение, которое мастер-ювелир придал маске, позволяет предполагать, что ее оригинал отличался юмором и жизнерадостностью⁵⁷.

Стройные мускулистые фигуры воинов и юношей, которые видны на фресках и в мелкой пластике, передают общие черты мужского характера того времени: энергия, воля, выдержанность, подтянутость, умение управлять собою.

Труднее воссоздать облик женщины, так как многие изображения передают богинь. Все же можно предположить, что гречанка второго тысячелетия отличалась большой женственностью и любо-

⁵⁶ *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., fig. 162, tabl. XXXIV* (маска из V могилы круга А, инв. № 624).

⁵⁷ *Ibid., fig. 166* (маска из могилы IV, круга А, инв. № 259).

знательностью (если не сказать: любопытством, о котором так ясно говорят изображения на миниатюрных фресках из Кносса)⁵⁸, сочетавшихся с энергией и стремительностью. Большое количество украшений в могилах представительниц имущих слоев и сложность женской одежды показывают, что женская половина изучаемого общества тратила много сил, ума и умения на наряды и украшения. Конечно, в деревне вся эта деятельность принимала формы иные, чем в городах.

Интересные сведения доставляют антропологические исследования костяков Средне- и Позднеэлладской эпох. Следует, однако, сразу оговорить следующее: часть мужского населения той или иной местности, погибавшая на войне или в далеких морских путешествиях, не попадала на свои родовые кладбища. Поэтому данные некрополей несколько искажены отсутствием остеологических остатков части мужского населения самых активных возрастных групп.

В настоящее время весьма подробно изучен некрополь Аргоса⁵⁹, содержащий костяки, хорошо датируемые XX—XII вв. Проведший исследования французский антрополог Р. Шарль полагает, что население этой части Арголиты и во II тысячелетии состояло преимущественно из автохтонных типов, а именно: из кроманьонидного населения⁶⁰, присущего средиземноморской Европе, к которому добавились неосредиземноморские элементы⁶¹ и элементы северных антропологических типов (атлантико-нордическая группа), нахлынувших в материковую Грецию в конце IV тысячелетия (возможно — поселение первых греков.— Т. Б.). В Северной и Средней Греции это переселение, по мнению Р. Шарля, очень сильно ощущается, тогда как в Пелопоннесе новая переселенческая волна докатилась весьма ослабленной и в течение всего II тысячелетия северные элементы неуклонно уменьшались⁶².

Наблюдения Шарля весьма определенно свидетельствуют о стабильности основного массива населения Греции в III и II тысячелетиях, об отсутствии этнического разрыва около XX в. до н. э.

⁵⁸ H. Bossert. Alt Kreta². Berlin, 1923, Abb. 60.

⁵⁹ R. P. Charles. Étude anthropologique des nécropoles d'Argos. Paris, 1963, p. 1—78, tabl. I—XX. Здесь проанализирован материал из раскопок в аргосском урочище Дейра (работы И. Дезэ) и на главном некрополе Аргоса (работы П. Курбэна).

⁶⁰ На стр. 72 Р. Шарль отмечает, что кроманьонская группа (составленная из древнесредиземноморской, альпино-средиземноморской и альпиноидной групп) в среднеэлладское время составляла 61,5%, а в Позднеэлладский период 62,2%.

⁶¹ Неосредиземноморская группа содержит остатки очень древних переселений в Европу из Северной Африки.

⁶² R. Charles. Étude anthropologique..., p. 72—73. Вопрос о вторжении в Грецию этнического массива из балкано-дунайских областей в конце IV тысячелетия разобран Р. Шарлем в статье, опубликованной в 1958 г., но оставшейся пока нам недоступной («Bulletin et Mémoire de la Société d'Anthropologie de Paris», v. IX, 1958, p. 169—190). Примечательно, что в эпоху железа, после дорийского переселения, роль северной группы вновь возросла (Р. Charles. Étude anthropologique..., p. 73).

Антропологические источники доставляют интересные сведения о продолжительности жизни в изучаемое время. В Аргосе в среднеэлладское время детская смертность достигала 27,3%, смертность людей в возрасте от 13 до 30 лет была небольшой. Зато на возраст от 30 до 40 лет падали 52,1% смертей. Лишь 2 женщины и 3 мужчин пережили 40 лет. Более чем полвека прожили лишь 2 мужчин. Таким образом, наибольшая смертность у женщин — около 35 лет, у мужчин — около 40 лет.

В позднеэлладское время в Аргосе значительно уменьшилась смертность детей (из 73 костяков детям принадлежат лишь 6, следовательно, около 8%). Несколько возросла смертность людей в возрасте от 20 до 30 лет (16,9%), но больше всего умирало людей в период между 30 и 50 годами (52%). Из женщин лишь 1 пережила 50 лет, из мужчин — 7 человек. Один мужчина достиг возраста свыше 60 лет.

Таким образом, в XVI—XIII вв. наблюдается слабая тенденция к удлинению среднего срока жизни (у женщин до 40 лет, у мужчин до 45 лет), что, конечно, отражает некоторое возрастание материального уровня жизни. Большая смертность женщин должна быть объяснена плохими санитарными условиями, в которых происходили роды.

Весьма важно наблюдение Шарля об общем состоянии остеологического материала — из более чем 200 изученных им костяков очень малое число имело патологические изменения или уродства⁶³. Эти данные о крепости костяков ранних греков вовсе не говорят об умеренном количестве болезней. Трудно дать сколько-нибудь полный перечень недугов, подстерегавших человека того времени. Но примечательно, что в семье микенских царей XVII—XVI вв. были люди с болезнями печени, как свидетельствуют найденные в могиле желчные камни⁶⁴. Происходили и массовые эпидемические заболевания: λοιμός, который наслал Аполлон на войско ахейян под Троей (Il., I, 10 и 61), видимо, является поэтическим воспоминанием народа о тех тяжких болезнях, которые косили иногда массы людей.

Однако в общем греки II тысячелетия обладали, по-видимому, крепким здоровьем: если средний возраст был не выше 45 лет, а за этот сравнительно небольшой срок каждое поколение вырабатывало немалые материальные и духовные ценности, то это означало большую трудоспособность каждого члена общества. Конечно, трудовые усилия представителей различных слоев ахейского общества были неодинаковыми.

⁶³ Ibid., p. 76.

⁶⁴ Mylonas, AM, p. 157.

РОЛЬ ВНЕШНИХ КОНТАКТОВ В ДОПОЛИСНОЙ ГРЕЦИИ

Формирование такого огромного исторического феномена, как раннегреческая культура XXII—XII вв. до н. э.¹, происходило при интенсивном общении создателей этой культуры с соседними племенами и народами. Масштабы и характер взаимодействий представляли величину переменную. В III тысячелетии ведущая роль в установлении контактов перешла к обитателям островной Греции, после того как они развили навигационную практику до такой степени, что морские пути стали более быстрым и доступным средством сообщения, чем сухопутные. Во II тысячелетии сначала Крит, а затем материковая Греция еще шире использовали морской транспорт для общения с дальними странами.

Устойчивые внешние связи создавали возможности для заимствований в той или иной сфере культурной жизни. Сильнее всего эти процессы сначала проявились в критской культуре («минойской»), так как остров лежал ближе всех к Египту, этому могучему очагу культуры на Ближнем Юге. Богатая египетская цивилизация III тысячелетия неизбежно должна была привлечь внимание критян. Действительно, в культурной традиции Крита, занимавшего положение крайнего южного форпоста на границах греческого мира, ясно заметны мотивы, перенятые у обитателей долины Нила. Огромный подъем греческой культуры во II тысячелетии имел следствием не только расширение внешних связей ахейян, но и их качественное изменение: в духовной жизни ряда стран Восточного Средиземноморья заметны результаты культурного влияния сначала одного лишь «минойского» Крита, а позднее и всей «микенской» Греции².

¹ Греческая культура эпохи бронзы включает три звена — Киклады, Крит и материк, органически сливающиеся во второй половине II тысячелетия на обширной и весьма разнохарактерной территории. Это действительно огромная — во временном и пространственном смысле — цивилизация.

² Уже давно были отмечены следы воздействия искусства Крита и материковой Греции на египетских художников, творивших в эпоху Тель-Амарны. См. В. И. Авдиев. Древнеегипетская реформация. М., 1924, стр. 140. На Ближнем Востоке проникновение раннегреческих влияний пока лучше всего изучено в культуре небольшого северносирийского царства Угарит. См. Cl. Schaeffer. Ugaritica, I. Paris, 1939, p. 33; II. Paris, 1949, p. 21; IV. Paris, 1962, p. 128. Большое внимание распространению эгейских традиций в искусстве соседних стран уделил П. Демарнь (P. Demargne. La naissance de l'art grec. Paris, 1964, p. 243—264).

Нет сомнений в том, что изменения политической обстановки в Восточном Средиземноморье во II тысячелетии до н. э. оказывали прямое воздействие на объем внешних культурных связей греческого мира. Возвышение таких государств, как Хеттская монархия или Египет, имело далеко идущие последствия. Можно ли предполагать, что ахеев легче устанавливали контакт с небольшими государствами сирийского побережья (типа Угарита), чем с мощной державой хеттов, сказать пока трудно. Из-за слабой археологической изученности Малой Азии в настоящее время пока еще мало свидетельств о сношениях греков в XX—XII вв. с хеттскими владениями. Гораздо больше источников, отражающих связи греков с Сирией, Египтом и южноиталийскими землями.

Вопрос о контактах в области культуры необходимо рассматривать в историческом контексте, внимательно учитывая все стороны данного явления. Крайне затрудняет проникновение в суть происходивших процессов культуртрегерская мысль об обусловленности развития одних стран обязательным культурным воздействием других. Некоторые специалисты все еще верны устаревшему тезису о решающем значении культурного воздействия стран Востока на духовное развитие древнейшей Греции. Размеры «восточного влияния» на крито-микенскую культуру оцениваются, правда, по-разному. Например, один индийский археолог отмечает два восточных мотива в микенском искусстве — изображения сфинкса и двух львов³. Гораздо дальше идет турецкий археолог и историк искусства Э. Акургал, который придает большое значение взаимодействию Востока и крито-микенского мира⁴. Подобных же взглядов придерживается и П. Демарнь⁵.

Для сколько-нибудь убедительного разрешения этой спорной проблемы нужно сначала твердо установить, какие факты служат достоверным доказательством «влияния». Например, сосуд в форме утки из горного хрусталя, найденный в могиле Омикрон⁶ круга Б в Микенах (около 1550—1500 гг.), представляет яркий образец того, как творчески и высокохудожественно критский мастер переработал обычный египетский мотив. Точно так же можно с уверенностью говорить о взаимовлияниях критской и египетской культур, когда идет речь о блестящем искусстве Египта в эпоху Тель-Амарны (1375—1350 гг.): полные жизни и любви к живой природе фрески из Амарны дают яркое свидетельство мощного воздействия крито-микенского искусства на творчество египетских художников⁷.

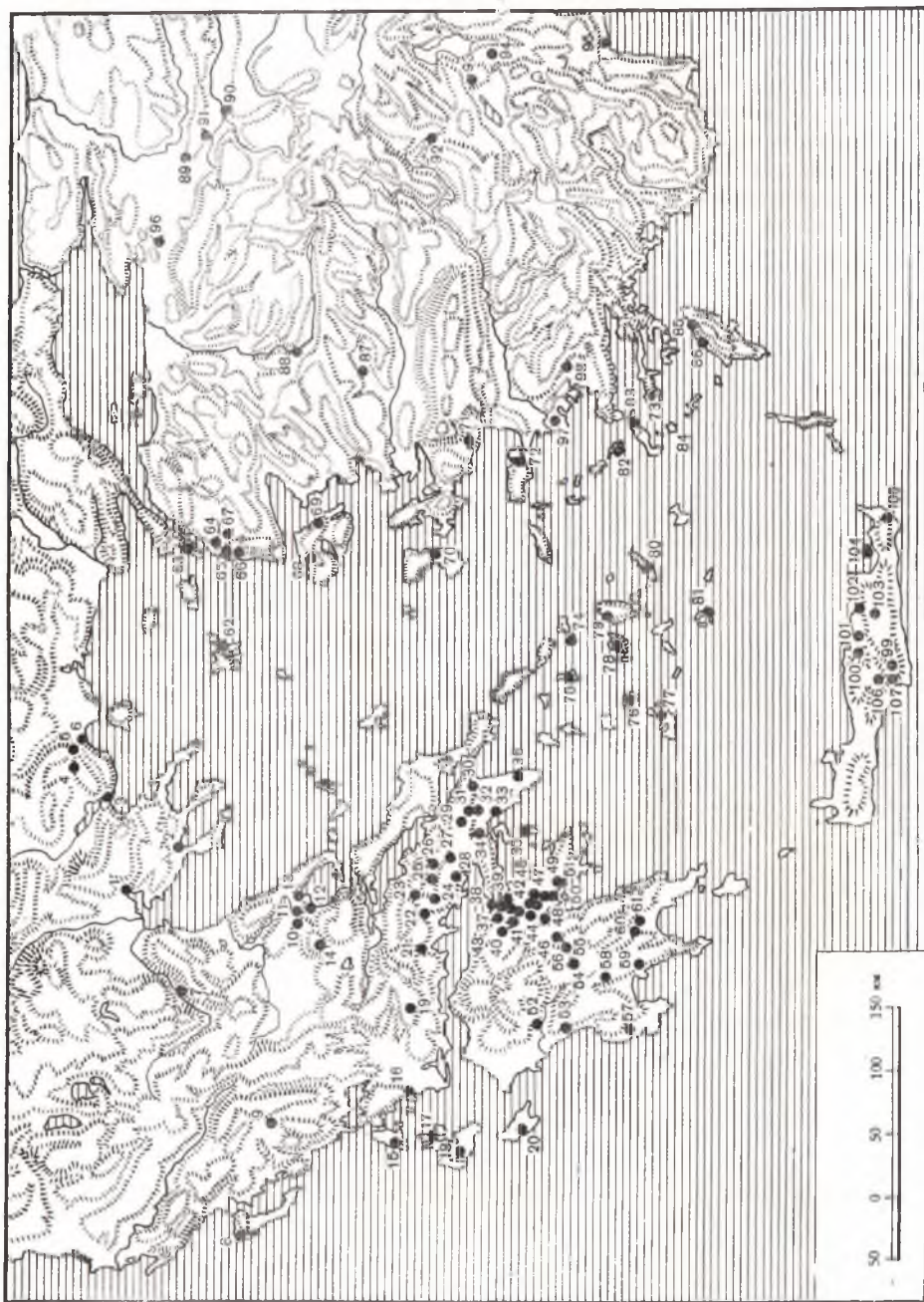
³ R. A. Jairazbhoy. *Oriental Influences in Western Art*. Bombay, 1965, p. 116. Автор, видимо, совершенно забыл о том, что львы известны в Греции даже в VI—V вв.

⁴ Ekrem Akurgal. *Orient and Occident*. Baden-Baden, 1966, S. 65, 75, 161.

⁵ P. Demargne. *Op. cit.*

⁶ Mylonas, AM, fig. 60, 61.

⁷ В 1962 г. в Каирском музее автору этих строк удалось видеть амарнские фрески и в полной мере ощутить огромную разницу между этими произведениями и традиционными египетскими росписями.

Иное дело распространение отдельных вещей, попадавших в Грецию из стран Ближнего Востока, Ближнего Юга или даже из североευропейских земель. Торговый обмен может длиться долгое время и не привести к культурным взаимодействиям. Ведь коммерческие связи в древности представляли собой довольно примитивный вид контактов. Правда, они простирались иногда на огромные расстояния — например, в Трое найден топор из лазурита, камня, происходившего с Тибета. Но обмен изделиями или сырьем мог мало затрагивать сущность духовной жизни того или иного древнего народа. Что касается общего соотношения между культурами Греции и стран Ближнего Юга и Ближнего Востока, то вопрос этот весьма обстоятельно разобран в докладе В. Д. Блаватского на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в августе 1970 г. Нам остается только присоединиться к убедительному выводу исследователя, что долгое время внутреннее развитие стран Ближнего Востока и античного мира протекало

ГРЕЦИЯ и МАЛАЯ АЗИЯ в III—II тысячелетиях

1. Салоники	37. Кораку	72. Самос
2. Олинф	38. Коринф	73. Мыс Криво
3. Амфиполь	39. Гония	74. Делос
4. Драма	40. Флиа	75. Сирос
5. Дикили-таш	41. Немер	76. Сифнос
6. Кавалла	42. Клеоны	77. Филадельфия
7. Сервия	43. Зигуриес	78. Парос
8. Афиона	44. Микены	79. Наксос
9. Додона	45. Бербати	80. Аморгос
10. Сескло	46. Просимна-Арг.	81. Фера
11. Димини	Гереин	82. Калимни
12. Пагасы	47. Мидея	83. Кос
13. Воло (Капакли)	48. Аргос	84. Нисирос
14. Цангли	49. Тиринф	85. Ялсос
15. Левкада	50. Навплиа	86. Камир
16. Астак	51. Афина	87. Иорташ
17. Игака	52. Олимпия	88. Бабакой
18. Кефаллениа	53. Каковатос	89. Бесюли
19. Ферм	54. Асея	90. Эскишель
20. Закинф (Занте)	55. Тегея	91. Демирчи
21. Криса	56. Хагиоргитика	92. Кукур
22. Агиа-Марина	57. Пилос	93. Сенир
23. Драхмани	58. Мальти	94. Испар
24. Херонея	59. Зарната	95. Адали
25. Орхомен	60. Амиклы	96. Инеге
26. Арне (Гла)	61. Вафио	97. Милет
27. Фивы	62. Полиохни	98. Миласа
28. Евтресис	63. Протесиладель холм	99. Агиа-Триада
29. Афида	64. Троя	100. Тилисс
30. Марафон	65. Безика бухта	101. Кнос
31. Мениди	66. Кум Тепе	102. Маллия
32. Афины	67. Ханай Тепе	103. Психро
33. Агнос-Космас	68. Антисса	104. Псира
34. Элевсин	69. Ферми	105. Като-Закро
35. Эгина	70. Хиос	106. Камарес
36. Форик	71. Колофон	107. Фест

довольно обособленно друг от друга и что положение изменилось лишь начиная с эллинистического периода ⁸.

Действительно, усвоение во II тысячелетии греками и их соседями некоторых черт (подробнее мы остановимся на них ниже) не оказало сколько-нибудь заметного влияния на общий характер культуры как островной, так и материковой Греции. Здесь мы сошлемся на мнение Б. В. Фармаковского, одного из крупнейших русских ученых-антиковедов, который писал в 1907 г.: «То, что бросается в глаза при изучении памятников микенского искусства, — это коренная разница, фундаментальное различие общего характера их стиля от стиля древнего Востока и Египта. Микенские памятники поражают не тщательностью и кропотливостью работы, не чистотой исполнения, преодолевающего громадные трудности — все эти качества мы наблюдаем всегда в древнем искусстве Востока и Египта, — нет, величие микенского искусства состоит в его необычайной юной свежести, в жизненности и оригинальности концепции и передачи. В микенском искусстве совершенно другой дух, чем на Востоке» ⁹.

Яркое определение Б. В. Фармаковского нашло подтверждение в огромном числе памятников греческой культуры II тысячелетия, ставших известными за последние десятилетия. И в суждениях современных исследователей можно встретить мысли, прямо созвучные Б. В. Фармаковскому. Для нас особенно интересно положение польского археолога Б. Билинского, который на конгрессе в 1967 г. в Риме особо подчеркнул антропоцентризм философии и культуры греков — в отличие от философии древневосточных стран ¹⁰.

Эта существенная разница позволяет понять, почему заимствования извне оказали столь небольшое воздействие на общую культурную эволюцию Греции II тысячелетия ¹¹.

* * *

Попытка осветить некоторые вопросы истории древнегреческой культуры во II тысячелетии до н. э. требует дополнительных хронологических уточнений. Весь этот период дополисной истории Греции четко распадается на два отрезка. Первый — время раннеплеменной обособленности, которая кончается где-то в XVIII—XVII вв., когда на материке возвысились племена, говорившие

⁸ В. Д. Блаватский. Античный мир и древний Восток. М., 1970, стр. 11.

⁹ Б. В. Фармаковский. Культуры Эгейская, Критская и Микенская. Литографированный курс лекций. СПб., 1907, стр. 31.

¹⁰ «Atti e memorie», III, p. 857—859.

¹¹ Выдвигая на первый план внутреннее развитие носителей того или иного устойчивого древнего культурного единства, мы стремимся показать неправомерность перенесения некоторых категорий современности в те отдаленные эпохи. Так, Н. И. Конрад склонен рассматривать развитие в древности как движение двух основных очагов, от которых расходились круги культурных влияний (Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, 478—481). Но на пути этих «кругов» тогда стояли часто неодолимые факторы — пространство, этнос, религия, роль которых в современном обществе низведена до минимума.

на ахейском диалекте. Главенство ахейян среди других древнейших греческих племен позволяет назвать следующий отрезок временем ахейской гегемонии. Верхняя хронологическая вежа, завершающая ахейский период, — расселение дорян в XII в.

Накопление множества данных о Греции в указанный период позволяет приступить к специальному изучению раннегреческой культуры. Этот этап в развитии античной цивилизации тем более интересен, что он дает новый вид источников для исследования греческого рабовладельческого общества той поры, когда оформилась его государственная жизнь. Своеобразие этого общества наложило, естественно, существенный отпечаток на всю созданную им культуру. Ведь раннеклассовое общество и государство представляли собой совершенно новое явление в жизни населения той или иной территории. Происходивший необратимый социальный процесс с неумолимой жестокостью отодвигал в прошлое многие важнейшие нормы, которые были выработаны этим же этническим массивом еще в эпоху внутриплеменного и родового единства. На смену приходили новые социальные установления и связанные с ними новые виды связей внутри общества. Пожалуй, не всегда с достаточной ясностью мы представляем себе, сколь коренным было отличие ахейского общества XVII—XII вв. от общественной системы прагреческих племен, находившихся на стадии первобытнообщинного строя. В некотором смысле это была столь же глубокая разница, как отличия между рабовладельческим и феодальным обществами.

Происшедший перелом отразился и на отношении к культурному наследию первобытнообщинного строя. Можно предположить наличие глубоких конфликтов нового со старым, которые имели место в ахейском обществе всякий раз, когда требования времени наталкивались на сопротивление традиции. Конечно, формы этих столкновений были весьма своеобразными, а скудность письменных источников не позволяет выявить четко все стороны этого процесса. Но вероятно, поскольку социальная эволюция во II тысячелетии шла гораздо медленнее, чем в I тысячелетии до н. э., острота названных противоречий должна была ощущаться не так сильно, так что изменений на протяжении жизни одного поколения люди почти не замечали. Лишь спустя 200—300 лет, когда процесс уже завершался, становились заметны перемены. Но, говоря о темпах развития общества и о влиянии этого фактора на человека, опять-таки следует помнить, что в предшествующие тысячелетия общество эволюционировало еще медленней.

Если преемственность культурных традиций III и II тысячелетий была осложнена разницей в социальной структуре общества, то гораздо менее значимой представляется нам грань между ахейской культурой и культурой следующего за дорийским поселением периода греческой истории, который мы предлагаем назвать «предполисным». Ведь основным содержанием переходного периода, связанного с вторжением дорян, была постепенная смена политических форм, освободившая путь для развития возникших уже в ахейском

обществе социальных норм. Таким образом, вопрос стоял не о принципиально новом строении общественной жизни, но о дальнейшем развитии типологически единых институтов.

Наличие несомненных преемственных связей между Грецией II и I тысячелетий отмечалось уже давно как в русской¹², так и в западной историографии¹³. Однако скептическое отношение долго преобладало среди исследователей. Лишь открытие греческой письменности II тысячелетия заставило умолкнуть громкие голоса скептиков. Иной подход к греческой легендарной традиции, которого потребовали неоспоримые данные новых источников, делает необходимым детально проследить, какие традиции II тысячелетия сохранились и в каком именно виде в Греции предполисного и последующих времен. Непрерывное единство, которое наблюдается во многих отраслях духовной жизни греков, позволяет рассматривать процесс культурного развития страны как единое целое, причем ахейская культура может быть охарактеризована как предшествующая фаза более поздней греческой культуры I тысячелетия.

Правда, и вопрос о культурной преемственности додорийской и предполисной Греции¹⁴ не следует упрощать. Ведь при ломке политических институтов роль культуры в преемственности различных ступеней одного и того же общества неизмеримо возрастает. В XII—XI вв. в духовной жизни Греции имела место встреча разных течений. Ко времени прихода дорян единообразная культура ахейцев, данайцев и других более мелких племенных единиц за предшествующие века «микенской» цивилизации достигла больших успехов, основательно преобразив при этом многое из культурного наследия далеких предков, праэллинов, возможно, кое-что и потеряв. Расселившиеся доряне были носителями иного направления в развитии системы праэллинских исконных установлений. Оно характеризовалось, судя по тому, что нам известно о социальной жизни дорян в начале I тысячелетия, большей устойчивостью древних общественных норм¹⁵. Установление политической гегемонии дорян

¹² Указанная точка зрения высказана еще в работе М. С. Куторги «О достоверности древнейшей греческой истории» (*М. С. Куторга. Собрание сочинений*, II. СПб., 1896, стр. 1—23). Та же мысль выражена в работах Леонтьева и некоторых других исследователей, в том числе и Б. В. Фармаковского (*Р. Лихтенберг. Доисторическая Греция*. СПб., 1914. Предисловие стр. I—XXI).

¹³ Особенно важен анализ религиозных воззрений, произведенный М. П. Нильссоном еще в конце 1920-х — начале 1930-х годов (*M. P. Nilsson. The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley, 1932).

¹⁴ Период в 300—250 лет после переселения дорян (до начала IX в.) часто обозначают устаревшим термином «гомеровский» период, не только условным по самой своей природе, но и бесспорно неверным в свете новых открытий. Отстаивание правомерности наименования «гомеровская Греция» — то же, что пытаться ввести в историю понятие «былинная Русь».

¹⁵ Несколько иной путь развития социальных и моральных норм дорийских племен, длительное время поддерживавших ограниченные связи с ахейским миром, может быть объяснен не только внешними факторами (переселение или обитание в труднодоступных горных районах Фессалии и т. п.), но и определенными внутренними явлениями. Не исключена возможность того, что в дорийском мас-

означало не только принесение более традиционного варианта культуры в земли Средней и Южной Греции. Оно могло дать новую силу некоторым элементам старинных институтов в среде ахейско-ионийского населения, сохранившего свою независимость после прихода дорян. Соответственно в культурной жизни Греции после XII в. необходимо предполагать взаимопроникновение далекого праэллинистического субстрата, уже прошедшего «микенизацию», и его дорийского варианта, выступающего теперь в греческой культуре как суперстрат. Отмеченное обстоятельство придало своеобразные черты процессу сложения культуры классической Эллады I тысячелетия до н. э.

Выяснение соотношения всей культуры древней Греции и культуры эпохи сложения греческой народности затруднено и тем большим временным промежутком, который отделяет ахейскую ступень от поздних этапов, известных нам лучше всего. Качественные изменения одного и того же историко-культурного явления на протяжении от XVII—XIII до IX—VIII вв. должны были быть весьма значительными.

Необходимо указать еще на одну сторону вопроса. Поскольку в целом ряде культурных сфер предполисной Греции отчетливо выступают примеры генетических связей с культурой II тысячелетия (назовем лишь легендарную традицию, религиозные воззрения или некоторые архитектурные формы), постольку есть основания считать, что аналогичная преемственность имела место и во многих других областях культуры. Несомненно, что исследование отдельных проявлений этого потребует немалых усилий, так как знаний о реальном ходе исторического процесса накоплено еще недостаточно. Отчасти это находит объяснение в том, что лишь 23 года тому назад окончательно рухнула теория о различии этнического состава страны в периоды до и после дорийского переселения XII в. Только теперь можно ясно представить обширность исторических связей в жизни греческого народа на двух первых ступенях рабовладельческой эпохи¹⁶. Конечно, характер названных связей в различных частях страны был неодинаков. Видимо, следует говорить о прямой

сIVE на протяжении второй половины II тысячелетия некоторую роль играли тенденции, носители которых пытались оградить своих соплеменников от тех новшеств, которые имели место в южных царствах. В качестве отдаленной аналогии можно вспомнить острые столкновения между защитниками старых норм и отдельными сторонниками нововведений в скифском обществе V в. до н. э., о чем так живо рассказывает Геродот (IV, 76—80). Предполагаемая нами некоторая идеализация старинных институтов опиралась на вполне материальные основания: бедные земледельцы и пастухи, какими были доряне в XV—XII вв., не имели таких средств, которыми располагало население ахейских земель. Скудность материальных возможностей способствовала большей устойчивости норм доклассового общества.

¹⁶ Автор этих строк не может согласиться с весьма распространенным взглядом многих западных исследователей, которые склонны видеть во вторжении дорян в XII в. одну лишь катастрофу, приведшую к огромному регрессу в развитии страны. Мы не считаем, что крупное движение вперед в развитии производительных сил общества в XII—XI вв., обусловленное внедрением железа, и одновременное ему крушение или последующее захирение монархических институтов,

преимущественности на тех территориях, где сохранились узлы ахейской политической системы, и о более усложненной исторической обстановке в землях, заселенных дорьянами, к тому же сначала не столь многочисленными.

Представление о культуре Греции II и I тысячелетий как об органическом едином историческом феномене открывает большие возможности для изучения не только культурного развития ахейцев, но и для лучшего понимания истоков многогранной классической культуры Греции, занимающей столь важное место в развитии всей европейской цивилизации. В огромное наследие античного времени, которым мы активно пользуемся, входят многие ценности ахейской эпохи — эпос, произведения архитектуры, живописи и художественных ремесел. Во многих областях нашей жизни присутствуют, пусть не так прямо и ощутимо, некоторые начала, вырабатанные еще в дополисной Греции. Иными словами, творческий труд, овеществленный 3—4 тысячи лет назад, в какой-то мере влияет на духовный мир современного человека ¹⁷.

в дальнейшем приведшие к становлению республиканской формы государственного устройства в виде полисов, должны быть рассматриваемы как феномены периода упадка. Поэтому мы категорически не согласны с мнением известного английского ученого А. Тойнби, который определяет дорийское переселение XII в. как *supreme catastrophe* и начинает эллинскую цивилизацию лишь с последорийских времен. Для А. Тойнби «микеняне», несмотря на свое грекоязычие, были все же варварами по сравнению с минойцами, но еще большими варварами были следовавшие за ними дорьяне (A. J. Toynbee. *Hellenism. The History of a Civilisation*. London, 1959, p. 25—26). Столь резко противопоставляя население страны в разные периоды ее развития, А. Тойнби искусственно отрывает греческую цивилизацию I тысячелетия от предшествующих ей ступеней. Отмеченное мнение А. Тойнби коренится в гипертрофированной им системе цивилизаций, на которые он разбивает историю человечества. Концентрируя свое внимание на «основных», «недоразвитых» и «застопоренных» цивилизациях, английский исследователь оставил без внимания те конкретные факторы, которые создали ту или иную цивилизацию. Неизбежным следствием явились прямые противоречия с фактами. Таково, например, упоминание спартанцев в качестве носителей одной из пяти *arrested civilisations* (A. J. Toynbee. *A study of History*. London, 1934—1954, p. 51—128). Подобное произвольное выделение весьма важной части эллинской цивилизации оставляет впечатление крайнего схематизма и пренебрежения к реально действовавшим племенам в том или ином звене исторического процесса. В задачи настоящей работы не входит подробное рассмотрение всей чисто идеалистической концепции А. Тойнби. У развивавших его положения авторов понятие «цивилизация» иногда приобретает какое-то самодовлеющее значение, абстрагированное от конкретно-исторических условий становления и развития каждой цивилизации. Характерным примером является книга американского исследователя Ф. Бэгби, который пытается разработать новые методы изучения общей теории культурных форм, дабы вслед за О. Шпенглером и А. Тойнби определить, есть ли закономерность в развитии цивилизаций, в их медленном становлении и быстром упадке. Основным методом Ф. Бэгби считает сравнительное изучение цивилизаций. Последние он разбивает на основные и периферийные или вторичные (Ph. Bagby. *Culture and History. Prolegomene to the comparative Study of Civilisations*. London — New York — Toronto, 1958, p. 23, 183—203). Теория Бэгби подробно рассмотрена Э. С. Маркаряном в статье «Об основных принципах сравнительного изучения истории» (ВИ, 1966, № 7, стр. 18 сл.).

¹⁷ Конечно, наше восприятие ценности, созданных ахейским обществом, во многом отличается от того впечатления, которое они производили даже в XVIII—

Роль культурных достижений ахейского времени в формировании духовного облика эллинского народа в I тысячелетии становится все более и более ясна. Интересно, что то главное качество, которое характеризует эллинскую цивилизацию I тысячелетия до н. э., а именно — ее более светский характер по сравнению с цивилизациями соседних народов Египта или Месопотамии, не могло возникнуть неожиданно в короткий период после вторжения дорян — оно было, как мы увидим ниже, в полной мере присуще и ахейской культуре. Характерно, что эту особенность мировоззрения ахейян демонстрируют уже одни из самых ранних памятников их монументального искусства — надгробные стелы микенских династий первой половины XVI в. На рельефах этих плит мы видим много изображений человека, совершающего военные или охотничьи подвиги¹⁸. Столь же красноречивы и изображения на парадных клинках из царских могил Микен и Пилоса — там фигурируют человек, природа и отсутствуют полностью сакральные мотивы.

Рассматривая ахейскую культуру как часть античной культуры, не следует забывать и о других ее связях. Ведь она возникла в результате длительного развития населения юга Балканского полуострова и после обособления всех эллинских племен в ясно очерченную этническую группу. Это обстоятельство требует уделить пристальное внимание тем элементам генетической культурной общности, которые можно найти в культуре ахейцев и их современников, обитателей более северных земель¹⁹.

Содержание раннегреческой культуры чрезвычайно разнообразно. В интересующий нас период XXIII—XIII вв. были накоплены большие знания в области технологии, как показывают данные о развитии металлургии, земледелия, строительного дела, изготовления

XIX вв. Тогда, например, будущий корифей немецкого антиковедения И. Винкельман, стремясь приблизиться к античности, решился переменить протестантскую веру на католическую. Можно вспомнить и о воздействии эллинской мысли на таких людей, как М. В. Ломоносов или И.-В. Гете. С тех пор наше представление о значении античных корней в европейской культуре стало гораздо полнее и конкретнее, что верно отметил Ф. Энгельс, подчеркнувший необходимость постоянно обращаться «к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой народ» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч.*, т. 20, стр. 369).

¹⁸ На стеле могилы Альфа (начало XVI в. ?) вырезана сцена нападения быка на охотников (*Mylonas*, АМ, р. 131, fig. 41); рельеф надгробия могилы Гамма представляет защиту быков от нападения львов (*ibid.*, р. 136—137, fig. 45); три хорошо сохранившихся барельефа на надгробиях из могилы V передают сцены, которые обычно толковали как военные поединки или охотничьи сцены (Цунтас, Каро, Эванс). Правда, теперь Милонас предлагает толковать их как сцены состязаний колесниц над могилой (*G. E. Mylonas. The Figured Mycenaean Stelai*. — *AJA*, 55, 1951, р. 134—147; *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Kreta und das Mykenische Hellas*. S. 108—109, Abb. 146, 147), но эта гипотеза не представляется нам убедительной.

¹⁹ Ясно выделивший эти элементы общности В. Риджуэй возводил их к кельтскому массиву Центральной Европы (*W. Ridgeway. The Early Age of Greece*, I. Cambridge, 1901).

тканей, керамики и стекла, кораблестроительства, дорожного дела и других отраслей производства.

Одновременно ширились наблюдения над природой, что позволило грекам заложить основы таких естественных наук, как астрономия, география, медицина. Развитая система арифметических знаков и цифровых обозначений в ахейском письме свидетельствует о становлении математики, об их литературных достижениях можно судить по эпическому наследию. Архитектура, живопись, скульптура, мелкая пластика, художественные ремесла свидетельствуют об интенсивной творческой деятельности ахейских мастеров и художников. Изучение памятников искусства позволяет понять духовную жизнь общества, поскольку этот вид источников содержит в себе не только начала познавательные, но даже и социально-организующие, поскольку ряд разделов искусства служил интересам определенных кругов и общества. Изделия ахейских мастеров позволяют определить пути того слияния искусства и техники, которого достигли греки во II тысячелетии. Здесь особенно интересно массовое керамическое производство.

Одно лишь наличие или отсутствие каких-то явлений культуры отражает определенные особенности ахейского общества. Так, ограниченное распространение письма в ахейской деревне позволяет сделать вывод о большой силе норм обычного права, сохраняемого в устной традиции. С этим обстоятельством следует сравнить устойчивость этических понятий общества, которую демонстрирует ахейский эпос.

Изучение культурной жизни включает в себя и исследование языка ахейской Греции. Ведь структура языка, развитость таких его разделов, как морфология и синтаксис, зависят во многом от общего культурного развития, от сложности тех понятий, в которых выражается опыт всего общества, и от того, как эти категории передаются от одного члена коллектива к другому. Связь культуры и языка несомненно является весьма интересной проблемой, так же как и история ахейского письма.

Многое может дать изучение данных о раннегосударственном праве ахейцев, сменившем давние институты племенного права. К сожалению, столь важный раздел, как семейное право, изучен еще весьма недостаточно.

Анализ ахейской культуры способствует уяснению еще одного сложного вопроса: как осуществлялось достижение соответствия уровня материального и технического прогресса с процессом выработки духовных ценностей на разных отрезках исторического пути ахейцев. Иными словами, какова была связь технического и социального прогресса, чему именно служили технический прогресс ²⁰

---

²⁰ Необходимо заметить, что вопрос о поступательном движении общества ахейской Греции еще не привлек к себе достаточного внимания. Это приводит иногда к досадным неточностям. Например, в 1965 г. М. Финли высказал мысль: общезвестно-де, что греки и римляне мало что добавили к всемирным запасам технических сведений (*M. J. Finley. Technical Innovation and Economic Pro-*

и вся организация общественного производства в Греции II тысячелетия. Яркая культура ахейских государств показывает, что в них с успехом использовался богатый опыт, накопленный со времени перехода к производящему хозяйству, имевшего место на Балканском полуострове приблизительно с VII тысячелетия до н. э.

Характерная для ахейской культуры большая динамичность свидетельствует, что греческому обществу того времени удавалось достигать значительной степени соответствия материальной и духовной сторон в жизни. Это открывало широкие возможности для роста производительных сил, в том числе и для самого человека. Длительное непрерывное развитие страны во II тысячелетии обеспечило благоприятные условия для совершенствования человека²¹, для ускорения интеллектуального развития, означавшего расширение сознательной деятельности человека и увеличение его потенциала в овладении силами природы. Не только внешнеполитический фактор способствовал быстрому прогрессу раннегреческой культуры²², огромное значение имели социальные условия жизни. Изучаемая культура была созданием всех слоев свободного населения, которое широко пользовалось достижениями своего времени. Раннеклассовый характер социальной системы, не создавшей еще застывших рубежей внутри общества, способствовал тому, что сохранялась достаточно сильная общность культуры всего народа. Значение этого феномена, как нам кажется, еще недостаточно подчеркнуто. Между тем благодаря этому обстоятельству вводились в действие огромные резервы творческой энергии народа. Отсюда такой большой сдвиг в эстетическом и интеллектуальном развитии рядового грека на протяжении II тысячелетия, такое углубление понимания им окружающего мира. Памятники искусства ясно показывают, что тогда неуклонно росли эстетические потребности всего народа. Создав культуру, отличающуюся единством, греческий народ придал ей ярко выраженный оптимистический характер. Видимо, новые социальные и экономические явления (например, формирование государственной системы или появление городов и городского хозяйства) не оказывали еще такого подавляющего

---

gress in the Ancient World.— «The Economic History Review», 2d Ser., Vol. XVIII, N 1, 1965, p. 29—45.). Автор совершенно неосновательно отрывает греков и римлян от их истории в эпохи неолита и бронзы.

²¹ Сложная проблема совершенствования самого человека в связи с получением им новой информации недавно поставлена в нашей историографии Н. И. Конрадом, выводы которого представляются нам заслуживающими большого внимания. Весьма интересна его мысль: «Тот или иной общественный строй, устанавливаемый человеком, формирует и его самого. Знание вырабатывается человеком, но оно само формирует его интеллект» (Н. И. Конрад. Запад и Восток, стр. 497, ср. также стр. 503).

²² Во II тысячелетии Греция не переживала таких завоеваний иноязычных народов, какие выпали на долю Египта (вторжение гиксосов) или Месопотамии (касситское завоевание), оказывавших тормозящее воздействие на развитие этих стран. Конечно, внутри греческого массива иногда вспыхивали ожесточенные внутренние локальные войны (например, завоевания дорян в Средней Греции), но они не имели такого разрушающего действия.

воздействия на общественное сознание, как это было в восточных монархиях II тысячелетия.

Единство ахейской культуры позволяет говорить о довольно большой свободе пользования достижениями общества массой его сочленов. Указанное обстоятельство нашло свое отражение в такой выдающейся черте ахейской культуры, как ее человечность. С этим полностью согласуется и прикладной характер культурного творчества ахейян, заботливо предусматривающего удобства человека. Быт владельцев дворцов и богатых горожан доставляет яркие свидетельства такой направленности.

Общенародность раннегреческой культуры²³ имела еще одну сторону: уровень требований общества к каждому своему сочлену, будь то земледелец, воин или ремесленник, должен был быть весьма высок, так как суровые условия существования требовали постоянного совершенствования (технических навыков, объема экспериментальных знаний) каждого нового поколения. К этому вопросу мы еще вернемся, здесь же отметим лишь следующее: типичный облик ахейского воина, который запечатлен в десятках произведений искусства XVI—XII вв., свидетельствует об огромной работе, которая затрачивалась тогда боеспособной частью населения для овладения необходимыми профессиональными навыками. Это значит, что при общности мировоззрения в греческом обществе на протяжении II тысячелетия уже обнаруживалась профессиональная разница между различными слоями. Это вело и к дифференциации интеллектуальных навыков, поскольку общество возлагало на разные свои слои задачи разной трудности. Нужно ли говорить о том, что в ту эпоху интеллект искусного рядового воина все же в чем-то уступал интеллекту художников или зодчих, произведения которых выдержали испытание нескольких тысячелетий. Естественно ожидать, что указанный процесс вносил все новые оттенки в практическое разрешение проблемы соотношения культурного прогресса общества в целом и роста специальных знаний отдельных профессиональных групп внутри его. Отмеченные явления способствовали дальнейшему разветвлению системы отношений человека и общества, что сказывалось в конечном итоге на социальной значимости того или иного слоя²⁴.

---

²³ Говоря о доступности культуры для всех слоев населения, следует все же помнить, что в рамках изучаемого периода положение менялось. Если на материке в доахейское время еще сохранялись общие нормы племенного быта и культуры, то на некоторых островах, в особенности на Крите, уже в конце III тысячелетия экономическая и социальная дифференциация привела к диспропорции в культурном уровне отдельных слоев. В дальнейшем земли материковой Греции были также охвачены этим процессом, хотя в некоторых областях с труднодоступным рельефом старинные, более простые формы культуры могли удерживаться очень долго. Но даже и с этой оговоркой приходится констатировать, что в XV—XIII вв. по всей Греции — как континентальной, так и островной — эта диспропорция усилилась.

²⁴ Мы уже касались вопроса об особенностях положения ремесленников в ранней Греции (см. *Т. В. Блаватская. Ахейская Греция*, стр. 92—93).

Изучение культуры II тысячелетия требует уделить самое пристальное внимание религиозным воззрениям, которые включали ранние представления греков о системе мироздания — правда, в мифологической форме.

Не менее интересна еще одна сторона религиозной жизни ахейского общества — для его рядового члена общение с богами имело целью обеспечить наилучшие условия личного, а иногда и общественного бытия. Иными словами, источники, характеризующие религиозную деятельность общества, позволяют судить о силе воздействия социальной системы на отдельного человека. Данные же об особо пышных обрядах, исполнявшихся носителями царской власти, проливают свет на развитие социального неравенства в раннеклассовом обществе Греции.

Особого внимания заслуживает культ предков в этом обществе эпохи развитой бронзы. Искусный земледelec и опытный пастух, ахейнин II тысячелетия понимал ценность труда, вложенного его предками в возделываемый им участок земли и нашедшего отражение в устно передаваемом из поколения в поколение своде правил, который возник в результате длительного накопления эмпирических знаний по уходу, кормлению и лечению животных. Активно пользуясь мудростью предков, пахарь и пастух, вероятно, особо почитали тех, в ком видели первоначальных носителей этой мудрости. И хотя до нас дошли лишь свидетельства из области религиозного миропонимания, но данные эти в какой-то мере относятся и к реальной жизни общества. Почитание родоначальников, покровителей и попечителей семей и родов служило вполне материальным целям и задачам и в период складывания раннеклассовых отношений. Конечно, полностью уяснить вопрос о соотношении религиозно-моральных установлений прагреческого первобытнообщинного и раннегосударственного ахейского общества пока еще трудно. Однако об изменении отношения к богам говорит превращение родовых культов в государственные. Мифы и легенды и их отображение в памятниках искусства свидетельствовали об определенном мироощущении греческой народности в XX—XII вв.

Изучение религиозных взглядов ахейян должно пролить свет на весьма остро стоящий в современной историографии вопрос о взаимоотношениях ахейской культуры с культурами соседних стран Юга и Востока, где еще раньше оформились классовая структура и государственность. Решение этой проблемы затрудняют модные среди современных ученых теории об обязательности «воздействий» и «влияний». Однако нельзя забывать о громадных трудностях, иногда чисто технических, стоявших на пути трансплантации идей и изобретений в обществах, разделенных языковыми барьерами и особенно имеющих разные религиозные системы. Ведь всякое новшество извне для человека того времени связано было с поступками, так или иначе воздействовавшими на отношение общины и покровительствующих ей богов. Обращение к чужому опыту было обращением к богам на чужой земле. Человек далекого прошлого осо-

бенно ясно ощущал свою зависимость от земли, обработанной и ухоженной многими поколениями его предков. В ахейской Греции удельный вес земледельческой части населения был намного выше, чем, например, в Афинах в V в. до н. э.²⁵ Поэтому в греческом обществе II тысячелетия были более сильны устои мировоззрения землепашца и тесно с ним связанного ремесленника. Только в особых случаях настоятельная необходимость могла побудить общину отказаться от проверенной практики предков во имя чего-то чужеземного — да и то при условии достаточно гармоничного сочетания нового со старым. Иначе это должно было восприниматься как оскорбление исконных установлений, иными словами — как конфликт с окружающими силами природы, как нарушение системы связей, выработанной и испытанной многовековой практикой общины и всего народа.

Выше мы уже отмечали наличие фактов внешних воздействий в области культурного развития раннегреческого общества. Но совершенно неверно придавать внешним влияниям такое всеобъемлющее, определяющее значение. Греческая культура, самобытная по природе, творчески перерабатывала отдельные заимствования, сохраняя свое характерное обличье и содержание. Это особенно важно иметь в виду при изучении связей сначала критян, затем и ахейян с египтянами, хеттами и народами Переднего Востока.

Итак, во II тысячелетии на Европейском континенте появляется городская культура. Городская жизнь перешла непосредственно из ахейской Греции в предполисную Элладу (как известно, доряне не создали сами города, Спарта и в эпоху Фукидида состояла из отдельных деревень.— *Thuc.*, I, 10, 2) и достигла высочайшего развития на последующих ступенях античной культуры. Как во II, так и в I тысячелетиях греческий город опирался на обширные сельские территории, что определило неразрывную связь городской культуры с землей.

Другая ее особенность: многие стороны материальной культуры ранних греков, возникшие впервые во II тысячелетии, например зодчество, торевтика, живопись, не имеют прямых предпосылок в прошлом, но зато обращены в будущее. Поэтому ахейская культура не столько завершает прошлое, сколько начинает следующий этап. Ахейская Греция явилась необходимой ступенью в становлении полисной Греции.

Наконец, остановимся вкратце на том, какой смысл мы вкладываем в понятие культура. Как известно, поиски содержания этого термина занимают большое место в современной историографии: например, А. Кребер и К. Клакхоон приводят свыше 160 определе-

²⁵ *A. W. Gomme. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Oxford, 1933*, особенно стр. 47, где автор указывает, что около 430 г. в самом городе обитала приблизительно $\frac{1}{3}$ всех граждан государства, а сто лет спустя эта цифра поднялась до 50%.

ний²⁶, причем сам Кребер предпочел отказаться от точной дефиниции²⁷. В конце 1950-х годов Ф. Бэгби предложил еще одно толкование: культура — это «обычные нормы внутреннего и внешнего поведения членов общества, исключая те представления, которые являются несомненно наследственными по своему происхождению»²⁸. Данная дефиниция вытекает из той основной посылки Бэгби, что культура — это прежде всего «способы поведения» или «пути, по которым действуют люди»²⁹. Указанный взгляд представляется нам весьма односторонним: он принимает во внимание лишь модусы поведения большинства членов того или иного общества, исключая из понятия «культура» такие важнейшие ее разделы, как идеи, верования и моральные ценности³⁰. Между тем именно эти стороны жизни каждого общества представляют особую ценность для всего человечества и входят в его культурный арсенал на многие века и эпохи. Формула «культура — модусы поведения», по мнению ее автора, включает и материальную культуру общества³¹. Для нас, однако, остается непонятно, как происходит это включение, если определяющие материальную культуру идеи предварительно изгнаны из сферы культуры³². Предлагаемая Бэгби дефиниция отличается недостаточной глубиной для определения столь важного раздела в жизни человечества, как культура. Формула Бэгби охватывает только часть признаков этого большого явления, отнюдь не исчерпывая всей его многогранности³³.

Мы бы предложили следующую формулировку: культура — это достижения общества во всех областях его деятельности, как материальной, так и духовной. Этот опыт имеет силу для каждого общества в период его жизнедеятельности, и какая-то его часть переходит по наследству к обществам последующих времен. Иначе трудно представить, как сложилась общечеловеческая культура, впитавшая в себя рациональные результаты деятельности всех времен и народов.

---

²⁶ A. L. Kroeber and C. Kluckhohn. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. New York, 1964.

²⁷ A. L. Kroeber. Anthropology. New York, 1948, p. 261—265.

²⁸ Ph. Bagby. Culture and History..., p. 84, p. 88.

²⁹ Ibid., p. 77: modes of behaviour, ways in which human beings act.

³⁰ Ibid., p. 79.

³¹ Ibid., p. 81.

³² Правда, в дальнейшем изложении Бэгби возвращает «идеям и ценностям» их значение, когда говорит о разнице между культурами (ibid., p. 109).

³³ Следует заметить, что и для других дефиниций названного автора характерны надуманность и поверхностность. Например, отличая понятие цивилизации — крупные, сложные культуры от простых культур, Бэгби говорит следующее: «Цивилизацией следует назвать ту культуру, которая создала города» (op. cit., p. 163). Таким образом, автор отказывается от понятия культура в его более широком значении в пользу термина «цивилизация». Однако нам представляется, что уменьшение количества определяющих терминов неизбежно должно привести к утере какой-то части их содержания.

ЗНАНИЯ:
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ,
ТЕХНИЧЕСКИЕ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ;
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Общество, на протяжении более тысячи лет создававшее непревзойденные шедевры в разных областях культуры, должно было обладать обширной суммой знаний. Совершенство изделий раннегреческих мастеров любой специальности указывает на их значительную образованность и обладание высокими профессиональными навыками. Характер имеющихся источников позволяет делать заключения преимущественно о деятельности ремесленного населения, тогда как умение и огромный эмпирический опыт земледельцев II тысячелетия до н. э. остаются в значительной мере еще в тени. Однако культурное единство, которое наблюдается в материковых и в островных греческих землях в XXII — XII вв., служит красноречивым свидетельством интеллектуальной общности всех групп населения.

В изучаемый период зависимость человека от природы по-прежнему оставалась определяющим фактором существования общества. Человек того времени понимал свои связи с природой двояким путем. Стремясь овладеть природой, он обращал колоссальные усилия на эмпирическое познание действительности. Правда, наряду с активным познавательным процессом в представлениях тогдашних греков огромную роль играло религиозно-мифологическое, иррациональное отражение действительности.

Однако особенностью духовной жизни раннегреческого общества было то, что религиозное восприятие действительности уживалось с напряженными поисками рационального проникновения в суть окружающего внешнего мира. Поэтому вся культура Греции II тысячелетия пронизана мощным стремлением к познанию и созданию на основе полученных знаний.

Как известно, наука — это правильное понимание природных явлений и их закономерностей. Греки эпохи бронзы многое знали об истинной природе вещей, однако можно предполагать, что наука в этом обществе лишь зарождалась. Нужен был длительный период развития производства, основанного на экспериментальной деятельности, прежде чем сложился свод определенных научных знаний. Ведь сначала существовал опыт, на основе которого и развивалось производство. Попутно заметим, что в поступательном движении производства тогда особую роль играли индивидуальная

одаренность и искусство мастеров, каждое последующее поколение которых суммировало и развивало опыт своих предшественников.

Конечно, процесс накопления знаний происходил не всегда равномерно, он зависел от многих факторов, в том числе и от политических условий. Но тем не менее знания, составлявшие важную часть производительных сил и в изучаемом древнем обществе, подчинялись общим закономерностям развития этих сил, в том числе и такой закономерности, как непрерывность развития¹. Рост знаний, как ярко демонстрирует изменение раннегреческой культуры на протяжении II тысячелетия, шел неуклонно и вширь, и вглубь. Культурный прогресс Греции эпохи поздней бронзы представляет исключительное явление не только в качественном отношении, но и с точки зрения широты распространения и количества произведенных ценностей. Эта характерная черта ранней греческой культуры во многом объясняет темпы развития и те высокие достижения, которыми отмечена интеллектуальная история греков во II тысячелетии до н. э.²

Мы попытаемся проследить накопление знаний в различных сферах деятельности изучаемого общества, а также выделить некоторых отраслей знаний из производственной практики. Во второй половине II тысячелетия у греков возникли не только феноменологические (описательные), но и номологические (исследующие законы) науки. Из первых надлежит упомянуть географию, а возможно, и медицину. Номологические науки представлены арифметикой, астрономией, механикой, а также зачатками химии. Наряду с этими ранними естественными знаниями в греческой культуре II тысячелетия были созданы значительные гуманитарные ценности. Богатая поэзия, право, начатки истории и музыки — все эти сферы духовной жизни получили тогда на юге Балканского полуострова такое развитие, какого они не достигали еще в других ранних обществах. В культурном отношении Крит и другие крупные острова сначала отличались более яркими особенностями, чем области материковой Греции, но тем не менее во II тысячелетии на всей этой разнохарактерной территории наблюдается расцвет единой по существу раннегреческой культуры.

Хлебопашцы, садоводы и скотоводы дополисной Греции в своей практике опирались на огромный опыт, накопленный населением Балканского полуострова за несколько предшествующих тысячеле-

¹ Сфера производства является одной из тех областей жизни общества, в которой более всего сказывается непрерывность исторического процесса. Интересные суждения о соотношении непрерывности и скачков в истории высказал К. К. Зельин в статье «Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э.» (ВДИ, 1964, № 4, стр. 103—130, особенно 129—130).

² Количественная сторона процесса отражает возможности широких кругов населения пользоваться теми или иными техническими достижениями. Так, население Египта стало употреблять бронзу лишь со времени XVIII династии (около 1580—1350-е годы). Ср. А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 345—347.

тий. Блестящий расцвет неолитических культур Греции был обязан большим успехам в земледелии: ведь переход к производящему хозяйству обитателей Юго-Восточной Европы произошел уже в последней трети VII тысячелетия³. Естественно, что столь длительная практика обработки земли и разведения домашних животных вооружила земледельцев II тысячелетия обширными эмпирическими знаниями.

Широкое проникновение бронзы в быт после XXIII — XII вв. позволило сельчанам применять металлические орудия. Правда, до настоящего времени найдено очень мало их образцов, что указывает на большую ценность бронзовых изделий в деревне и в городе. Даже в самый поздний, ахейский период металлические орудия тщательно сберегались. Ярким примером может служить клад бронзовых орудий и оружия, спрятанный в расщелине скалы микенского акрополя одним из его защитников в последние дни существования «златообильных» Микен⁴. Бережливость отличала не только ахейского крестьянина — в кладовых Пилосского дворца хранились различные, уже вышедшие из употребления вещи, которые аккуратно перечислялись в описях царского имущества⁵. Можно ли удивляться тому, что небогатый житель деревни еще бережнее обращался со своими инструментами?

Набор земледельческих орудий во II тысячелетии был достаточно обширен. При пахоте употребляли орало (*ἄροτρον*). Первоначально целиком деревянный, этот инструмент с течением времени получил металлический лемех — несколько бронзовых образцов их найдено в слоях II тысячелетия⁶. Такой многосоставной плуг был тяжелым орудием, его обычно тащили два быка. Точное описание пахоты мы находим в «Илиаде»:

ἀλλ' ὥς τ' ἐν νεῖφί βόε οἶνοπε πηκτόν ἄροτρον
ἴσον θυμόν ἔχοντε τιταίνετον· ἀμφὶ δ' ἄρα σφιν
πρυμνοῖσιν κεράεσσι πολὺς ἀνακηΐει ἰδρώς·
τῷ μὲν τε ζυγόν οἶον εὖξοον ἀμφὶς ἔεργει
ἰσμένῳ κατὰ ὄλκα· τέμει δέ τε τέλσον ἀρούρης·

(II., XIII, 703—707)

³ Подробно о земледельческо-скотоводческом хозяйстве раннего неолита Греции и Македонии мы писали раньше (*Т. В. Блаватская*. Ахейская Греция, стр. 26—32), подчеркивая самостоятельное значение балканских земель. Новые данные убедительно свидетельствуют в пользу изложенной точки зрения. Например, самый ранний образец культивируемой пшеницы в истории мирового земледелия известен среди находок на Крите, в слое X в Кноссе, датированном 6100 ± 180 и 5980 ± 180 гг. (*E. S. Higgs and M. R. Jarman*. The Origins of Agriculture: a Reconsideration.— «Antiquity», XLIII, N 169, March 1969, p. 31—41, особенно p. 38).

⁴ *G. Mylonas*. Three Late Mycenaean Knives.— *AJA*, 66, 1962, p. 406—408, Pl. 121, fig. 1—5.

⁵ Например, негодные колеса упомянуты в документах PY Sa 682, 790, 794. Такое же скопидомство отличало царя Итаки: у Одиссея в верхних кладовых хранились старые доспехи, давно уже неиспользовавшиеся (Od., XXII, 184).

⁶ В кладе на акрополе Афин, см. *O. Montelius*. La Grèce préclassique, I, p. 54; см. также лемех, опубликованный Стаббингзом (*BSA*, 49, 1954, p. 236).

—«Подобно тому как по нови два буро-красных быка, обладающие равной силой, влекут прочный плуг; вот уже вокруг основания рогов их проступает обильный пот, и одно только полированное ярмо отделяет обоих, идущих по борозде, а [плуг] режет край нивы» (перевод наш) ⁷.

Медленное движение сильных быков позволяло пахарю тщательно взрыхлять почву, причем самым лучшим считалось трехкратное оранье. В гомеровском лексиконе прилагательное *τρίτολος* («трижды вспаханный») встречается неоднократно, в том числе и в знаменитом описании пахоты, изображенной Гефестом на щите Ахилла (II., XVIII, 542).

В гористой Греции плуг не всегда можно было применить, поэтому в ходу были и ручные инструменты. Из последних хорошо известны бронзовые мотыги, найденные в Анфедоне (Беотия) и в Микенах (клад на акрополе, опубликованный О. Монтелиусом); такие же орудия известны и на Кипре ⁸. Для уборки зерновых служили серпы — это слегка изогнутые бронзовые лезвия с массивной частью, вставлявшейся в деревянную рукоятку. Обе части скрепляли заклепкой, для которой в бронзовой полосе проделывали специальное отверстие ⁹. Как и пахота, жатва нашла яркое отражение в эпосе, где рассказано об уборке на теменосе базилея. Поэт-ахейнин описывает, как жнецы острыми серпами (*ὄξεια δρεπάνας*) срезали охапки (*δράγματα*), которые другие работники, вязальщики, увязывали в снопы. За взрослыми шли дети и подбирали оставшиеся колосья (II., XVIII, 550—560). Конечно, в крестьянском хозяйстве жнец сам вязал снопы.

Переносили снопы и сено вилами, изображение которых представлено на стеатитовом сосуде из Агия-Триады ¹⁰.

Остатки культурных растений, обнаруженные при раскопках, и изображения их в живописи, мелкой пластике, упоминания в письменности позволяют составить ясное представление о богатстве видов домашних растений.

Идеограммы указывают на две основные зерновые культуры ¹¹, которые, как показывают находки зерен, были пшеницей и ячменем.

⁷ Заслуживает внимания то обстоятельство, что это яркое описание пахоты приведено в качестве сравнения в рассказе о сплоченности в битве братьев Аяксов, сыновей Теламона, правителя острова Саламина. Отсюда ясно, сколь уважался в ахейском обществе труд земледельца, если бранные подвиги сопоставлялись с сельскохозяйственной практикой. В более поздние периоды истории греческого рабовладельческого общества труд пахаря и воина обычно уже не сравнивали.

⁸ Клад литейщика в Анфедоне (Беотия) см. AJA, VI, Pl. XV, 5. О кипрских мотыгах упоминает Ф. Петри (*Fl. Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, p. 18*).

⁹ Серпы известны из позднееэлладского слоя в Зигуриесе (*Blegen. Zygouries, p. 203, fig. 190, 2*) и из Микен (*G. Mylonas. Three Late Mycenaean Knives. — AJA, 66, 1962, Pl. 21, fig. 3*).

¹⁰ Evans. P. of M., IV, p. 218.

¹¹ Ventris — Chadwick. Documents, p. 213—216. Рельефные изображения ячменных колосьев на критской посуде см. Evans. P. of M., p. 414—415, fig. 299 f, b. Жатва пшеницы или ячменя описана в эпосе (II., XI, 67—69). О молотье ячменя волами см. II., XX, 495—497.

Сеяли греки и вику¹². Отношение творцов эпических песен к пшенице отразило особенное отношение к ней населения — это был хлеб, главная пища.

Огородные культуры известны гораздо хуже. Красиво устроенные гряды упомянуты в «Одиссее» в хозяйстве царя Алкиноя (Od., VII, 127), видимо, содержание огорода в порядке считалось обязательным для хорошего хозяина. Черные бобы и горох, которые сушили, провевая лопатой на воздухе (Il., XIII, 589—591), широко употреблялись. Можно полагать, что греки во II тысячелетии использовали много разнообразных растений типа укропа, тмина, сельдерея и подобных приправ¹³.

Ведение интенсивного зернового хозяйства требовало большого внимания к сохранению урожая. Особенно важно это было в горных местностях, где холодные и сырые длинные зимы создавали много опасностей припасам селян. Еще в конце III тысячелетия в качестве хранилищ служили зерновые ямы — биффы. На поселениях раннеэлладского времени применение биффов засвидетельствовано очень широко, причем в северных землях, где полевое хозяйство больше, они засвидетельствованы в значительном количестве¹⁴. Полное исчезновение биффов из обихода земледельцев во II тысячелетии показывает, что селяне перешли к другому, более совершенному методу хранения. Видимо, зерно хранили в каких-то хозяйственных помещениях, клетях или кладовых, которыми изобиловали дома зажиточного ахейского населения. Массивное трехэтажное зернохранилище на микенском акрополе, стоявшее внизу, у самых Львиных ворот, вероятно, следует считать лучшим образцом такого типа сооружения¹⁵.

---

¹² Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 76.

¹³ Названия этих растений встречаются в документах из Микен (Ge, 602—604), Пилоса (Un, 249, 267) и Кносса (Ga, 415, 418, 517, 675; Og, 424), в которых прочтены также названия кориандра, кунжута, мяты, кипера, желтятицы, полен (*Ventris* — *Chadwick*. Documents, p. 221—231). Отбор этих наименований позволяет думать, что в табличках речь шла не только о растительных приправах, как полагают названные исследователи, но, возможно, и о лечебных составах — ведь мята играет огромную роль в древнейшей медицине. Следует заметить, что А. Битти, посвятивший специальную статью критике чтения указанных документов, должен был признать, что часть прочтенных названий полностью отвечает греческим ботаническим наименованиям. См. А. Beattie. The «Spice» Tablets of Knossos, Pylos and Mycenae. — «Minoica». Berlin, 1958, S. 6—34. Семь микенских табличек, упоминающих «специи», были найдены в «Доме Сфинксов», по-видимому, принадлежавшем частному лицу (*Ventris* — *Chadwick*. Documents, p. 225). Они содержат записи продажи (?) или отпуска в кредит (?) сравнительно небольших количеств мяты, тмина, кунжута и т. п. различным лицам.

¹⁴ К. Блеген отмечает, что по сравнению с густотой биффов в раннеэлладском поселке Орхомена на юге, в Кораку, Гонии и Зигуриесе эти зернохранилища сравнительно немногочисленны (*Blegen*. Zygouries, p. 215). В Аттике, в поселении Агиос-Космас I (ок. 2300—2100), открыто пять биффов, расположенных очень скученно (*G. Mylonas*. Aghios Kosmas. Princeton, 1959, p. 19—20).

¹⁵ А. J. В. Wace. Mycenae, an archaeological History and Guide. Princeton, 1949, p. 54—58, fig. 3. Здание было возведено около 1400 г.

Садоводство ранних греков известно хорошо по археологическим и письменным источникам и по эпосу. Оно уходит в традиции садоводов еще IV — III тысячелетий. Например, в Фессалии плоды фиговых деревьев найдены в числе предметов питания еще в слоях эпохи Димини и Рахмани. В Аттике виноградные косточки обнаружены в Агиос-Космасе в слоях второй половины III тысячелетия¹⁶.

Естественно, что во II тысячелетии садоводство получило дальнейшее развитие. Фиговое дерево, поныне хорошо растущее во всех греческих землях и доставляющее качественное сахаристое питание, было распространено по всей стране¹⁷.

Еще большее значение имело возвращение виноградной лозы и оливковых деревьев, с XV — XIV вв. приобретающее явно товарный характер¹⁸. Устройство удобных кладовых, специально предназначенных для хранения больших масс жидких запасов, во дворцах сначала Крита, а затем и материковой Греции¹⁹, показывает, что вино и масло относились к числу важных материальных ценностей в изучаемое время. Естественно, что учету этого добра было посвящено много записей в архивах дворцов Кносса, Пилоса и других ахейских столиц²⁰.

Переработка винограда в вино велась, по-видимому, в каждом большом хозяйстве, для чего возводили специальные давяльные сооружения. Великолепная винодельня, открытая в Вафиопетри²¹, позволяет судить о сложной конструкции, рассчитанной на получение виноградного сусла различного качества.

Столь же важна была и культура маслины. Широкое потребление оливкового масла отразилось как в дворцовых учетных табличках²², так и в многократных археологических находках²³. Стоит

¹⁶ G. Mylonas. Aghios Kosmas, p. 39.

¹⁷ В богатых домохозяйствах запасы смокв хранились в больших количествах. Например, в Каковатосе в 6 пифосах найдены эти плоды (W. Dörpfeld. Tigrins, Olympia, Pylos. — «Athenische Mitteilungen», Bd. XXXII, 1907, S. XIV), а в Пилосе в записях о выдаче продовольствия упомянуты значительные количества смокв (например, в документах серии Ab).

¹⁸ В эпосе описан большой виноградник, обнесенный рвом и стеною, так что доступ в него возможен только в одном месте. Виноградные лозы стояли рядами на подпорках. (Il., XVIII, 561—566). Перед нами — яркая картина хорошо устроенного доходного виноградника.

¹⁹ Лучше всего известен винный склад в Пилосе, где стояли ряды больших пифосов, прочно заглубленные в глинобитный пол. Блеген обнаружил около 40 печатей, закрывавших эти сосуды, причем на четырех оттисках стояли идеограммы вина.

²⁰ На сосудах для вина и масла неоднократно встречаются цифровые записи.

²¹ Фотография давяльни Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Abb. 62.

²² Оливковое дерево заняло выдающееся место в критском садоводстве уже во второй половине III тысячелетия. А. Эванс приводит изображения побегов оливы в древнейшем иероглифическом письме критян (которое Пендлбери датирует примерно 2200—2000 гг.), причем эти знаки представляют весьма тонкое изображение (Evans. P. of M., IV, p. 717, fig. 701, 702). Уже в середине II тысячелетия оливководство достигло больших масштабов — например, в одном из кноссских документов, написанных слоговым письмом Б, перечислено 405 оливковых деревьев (ibid., fig. 700).

²³ См. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 77.

отметить, как критский мастер рисовал ветви цветущего оливкового дерева на фресках из Кносса ²⁴: тонкое реалистическое изображение этого священного дерева показывает, каким уважением пользовалась олива в раннегреческом обществе.

Скотоводство играло большую роль в производственной жизни греков изучаемого времени. Крупный и мелкий рогатый скот, лошади, ослы, свиньи, различная птица — все эти виды встречены во многих источниках как письменных, так и материальных.

Задачи животноводства в разных типах хозяйств были неодинаковы. Крестьянин держал скот двух видов: рабочий — для пахоты использовали волов, и продуктовый, доставлявший мясо, молоко, кожу, шерсть и рог.

Часть продуктового скота крестьяне должны были отдавать в качестве натуральной подати династам. Так, в дворцовой управе в Пилосе сохранились пачки документов, регистрировавших поступление четвероногих из 16 районов, подвластных тамошнему царю. В этих записях (документы серий Сс, Сп) отмечены многие сотни овец, баранов и коз, поставляемых из разных мест. Например, табличка СпО4 регистрирует 1837 баранов, 135 овец и 109 коз ²⁵.

Еще более крупные цифры сохранили документы серии Da-Dg из Кносса. На фрагменте одной таблички упомянуто даже 19 тысяч голов мелкого скота ²⁶.

Разведение коз и овец имело целью получение не только мяса ²⁷, но и шерсти. В хозяйстве мелкого земледельца, вероятно, вся получаемая шерсть потреблялась на месте. Большие отары крупных владельцев позволяли наладить производство шерсти на продажу. Видимо, поэтому в Кноссе в середине II тысячелетия до н.э. учет овец и получаемой с них шерсти велся самым строгим образом (таблички серии Dk — Dl). Шерсть исчислялась по весу, причем единица измерения ее равнялась почти 3 килограммам ²⁸.

О разведении крупного рогатого скота известно гораздо меньше, хотя изображения быков достаточно часты как во дворцах, так и в обиходе среднего населения. Вол был главным пахотным животным и в крестьянском хозяйстве, и в поместьях знати. Упряжка из двух животных представляла общепринятую единицу ²⁹, как можно судить по данным эпоса.

²⁴ *Evans. P. of M.*, I, p. 536, fig. 389.

²⁵ *Ventris — Chadwick. Documents*, p. 199.

²⁶ *Evans. P. of M.*, IV, p. 723.

²⁷ Можно думать, что в обширных домах царей и высшей знати забивали много скота для еды — ведь огромные дворцовые строения вмещали многие десятки людей. Басилей, их родня, домочадцы и челядь (как свободные, так и рабы) составляли значительную массу потребителей мяса.

²⁸ *Ventris — Chadwick. Documents*, p. 203, 205, 313; *J. T. Killen. The wood industry of Crete in the Late Bronze Age.*— *BSA*, 59, 1964, p. 1—15.

²⁹ В микенском склепе № 513 были найдены две статуэтки, изображающие каждая одного быка и правящего им пахаря. (*A. J. B. Wace. The Chamber tombs at Mycenae.*— *Archaeologia*, LXXXII, 1932, p. 216, Pl. XXIV, 3—4). Можно полагать, что эти две отдельные фигурки должны были представлять одну упряжку.

Бык и корова относились к разряду имущества, которое не столь часто перемещалось от хозяина к хозяину. Поэтому в инвентарных записях дворцовых управ упоминания о крупном рогатом скоте немногочисленны. Идеограммы показывают, что ахейские писцы так же строго различали разные категории крупного скота, как и мелкого: бык, вол и корова обозначались различными знаками³⁰. Ограниченность упоминаний о крупном рогатом скоте в дворцовых описях позволяет заключить, что во II тысячелетии в Греции коровы в небольшом числе содержались в пределах каждого земледельческого хозяйства. Даже в хозяйствах знати крупного рогатого скота было немного. Некоторое подтверждение этому дают документы из Кносса: в этих табличках быков упоминают по именам. Некоторые клички были производными от расцветки животного, например po-da-ko-Ποδάργος («Белоногий») (KNCh 899) или ai-wo-ro-Αἰώλος («Пестрый») (KNCh 896). Такой «индивидуальный» подход указывает на то, что на скотном дворе при доме кносских царей обычно стояло немного рабочей скотины³¹. Так, на двух кносских табличках идеограмма «бык» сопровождается термином Wergatai-Φερῶται («Работник»). Один из этих документов перечисляет четное количество рабочих волов, находящихся в различных пунктах, причем обычно названо 6 быков, и только в Кидонии находилось 50 голов (табличка KN C59). А в документе KN Ch896 перечислено лишь два молодых рабочих быка³². Сравнительно редки упоминания крупного рогатого скота в общих перечнях скота как в Кноссе, так и в Пилосе³³, причем число быков обычно весьма ограничено. Например, в поврежденном тексте Кп Сп22 от каждой деревни поступает по 1 быку³⁴; в другом документе после 125 козлов, 240 овец, 21 хряка, 60 свиней упомянуты лишь 2 быка и 10 коров (KN Co907).

Все эти данные показывают, что крупный рогатый скот в Греции эпохи бронзы представлял ценную статью богатства.

Другой вид рабочих животных — ослы — находил особо широкое применение в крестьянском хозяйстве. Термин o-po с идеограммой, изображающей ослиную голову, встречается однажды в записях кносской дворцовой управы (текст KN Ca895), причем для обозначения особей разного пола и для ослят служили разные знаки³⁵.

Во второй половине II тысячелетия в хозяйстве греков применялись и мулы. Об этих работоспособных животных неоднократно упо-

³⁰ Правда, знак 109^a означал не только «быка», но и кастрированное животное, рабочего вола (*Ventris — Chadwick. Documents*, p. 196).

³¹ Вопрос об именах быков впервые освещен: *A. Furumark. Aegeische Texte... — «Eranos», 52, 1954, p. 28—29; M. Lejeune. Noms propres de boeufs à Cnossos. — REG, 76, 1963, p. 169 sq.*

³² *Ventris — Chadwick. Documents*, p. 132.

³³ *Ibid.*, p. 206—207, 211—213.

³⁴ Чтение этой таблички вызывает большие разногласия. См. *Ventris — Chadwick. Documents*, p. 206—207.

³⁵ *Ibid.*, p. 210—211.

минается в эпосе (II., I, 50; XXIII, 115), но в ахейских документах сведений о них еще не обнаружено ³⁶.

Разведение свиней хорошо засвидетельствовано и материальными источниками ³⁷ и письменными. Уже Эванс выделил идеограммы, обозначающие свиней ³⁸; в последующее время были найдены записи с упоминанием этих животных и в материковой Греции, но не в таких больших количествах, как в Кноссе ³⁹.

Среди домашних животных ранних греков особое место занимала лошадь. Природные условия страны делали нерациональным применение коня при пахоте, но в то же время роль лошади как транспортного животного в гористых местностях была огромна. Следующая область применения конской рабочей силы — охота на диких зверей, и в еще большей степени — война.

Коневодство представляло специализированную отрасль сельского хозяйства, предполагая наличие обширных земельных угодий и затрату большого труда. Тренировка и объезд боевых коней требовали силы и мужества. В среде ахейской аристократии собственноручный уход за лошадью считался почетным. Эпос сохранил много ярких описаний того, как басы и их близкие заботились о боевых конях. Так, Андромаха много раз засыпала зерно лошадям Гектора и давала им питье, добавляя в него вино ⁴⁰. У Ахилла за лошадьми смотрел Автомедонт, которого Патрокл чтит, как второго человека после своего царственного друга (II., XVI, 146). Любовь к коню отличает многих греков ахейского эпоса и даже целая область Греции, Аргос, получила у рапсодов эпитет *ἵπποβοτος* (II., II, 287). Нет сомнений в том, что ахейские былины передают в литературной форме огромную коневодческую традицию ⁴¹, уходящую в седую древность балканских земель.

³⁶ Вл. Георгиев полагает, что слоговый знак *mi* возник как идеограмма головы мула — *μῦλος* (V. Georgiev. Kretisch-mykenische Wortdeutung.— «Minoica», S. 160).

³⁷ Кости свиней найдены в Греции еще в отложениях неолитического времени (*Μυλωνας*, σ. 62).

³⁸ Evans. P. of M., IV, p. 722.

³⁹ В Пилосе документ Sp 02 сообщает о поставке (?) откормленных кабанов (от 2 до 6) девятью населенными пунктами. М. Вентрис и Дж. Чадвик полагают, что названные поселения были городами (*Ventris — Chadwick. Documents*, p. 205), однако маловероятно, что городок поставляет только двух или трех животных.

⁴⁰ II., VIII, 186—190. Примечательно, что в эллинистическое время alexandрийские филологи настолько оторвались от коневодческой практики, что опускали стих 189 с упоминанием вина — им непонятен был этот довольно простой прием взбадривания лошади перед боем.

⁴¹ Уже в XVII—XVI вв. лошадь занимала большое место в жизни ахейской знати. В Микенах в погребальном круге В могила V дает очень яркие свидетельства. Это знаменитые изображения воина на колеснице, запряженной одной лошадью (надгробные стелы № 1428, 1429 — G. Schliemann. Mykenae. Leipzig, 1878, S. 91, 97) и гораздо меньше известное рельефное изображение летящих в галопе лошадей, вырезанное на бронзовом мече из той же V могилы. Эванс полагал, что художник представил здесь табун в 20 лошадей (P. of M., IV, p. 831—832, fig. 812). В IV могиле того же круга В на золотом кольце изображено преследование оленя на колеснице, запряженной двумя лошадьми (G. Schliemann. Mykenae, S. 258—259). В последующие столетия лошадь по-прежнему служила атрибутом

Ахейская традиция, сохраненная в эпосе, свидетельствует, что лошади получали собственные имена (типа Ксанф — «буланый», Подарг — «быстроногий») и что велись родословные коней⁴². Постоянное общение воина и его коней нашло отражение в легенде о разговоре Ахилла с его лошадьми, одна из которых, Ксанф, напоминает фессалийскому герою о его смертном жребии (II., XIX, 405—423). Полезно вспомнить, что русское былинное творчество часто наделяло богатырских коней даром вещего слова.

Сражавшаяся на колесницах, запряженных двумя лошадьми, греческая знать тем самым пользовалась большими преимуществами перед массой пеших воинов. Колесница давала перевес как в бою, так и при дележе добычи. Не удивительно, что столь важное орудие военного труда получило широкое отражение в различных источниках быта II тысячелетия. Интересно отметить полное соответствие конструкции боевой колесницы и способа запряжки лошадей, которое прослеживается при сопоставлении таринфской фрески «Девушки на колеснице» (Арголида) с замечательной терракотовой моделью боевой колесницы из склепа возле современного Мега Монастириона (Фессалия). Очевидно, по всей стране был распространен единый тип боевых колесниц⁴³.

Большая ценность упряжки подтверждается тем, что в Греции II тысячелетия кони лишь изредка сопровождали своих хозяев в загробную жизнь⁴⁴. Примечательно, что в эпосе заклание четырех лошадей на могиле Патрокла (II., XXIII, 171—172) служит доказательством глубокого горя Ахилла. Возможно, что не только материальные, но и моральные соображения препятствовали распространению этого обычая.

власти и богатства. В дворцовых конюшнях сложились твердые правила об уходе и украшении лошадей. Фрески XIV—XIII вв. в парадных помещениях царских домов показывают, что лошадей «причесывали», завязывая гриву в три или четыре пучка: Микены — фрески в мегароне (A. J. B. Wace. *Mycenae*..., p. 77, fig. 99 b); Тиринф — охотничьи фрески (G. Rodenwaldt. *Die Frescen des Palastes*. — *Tiryns*, II, 1912, Pl. XIV). Эванс, впервые обративший внимание на этот способ убора гривы, считал его типичным минойским и проследил изображение этих пучков на идеограммах «голова лошади» в кносских документах (P. of M., IV, p. 828—831).

⁴² Особо славным коням приписывалось даже божественное происхождение. Так, коней Ахилла родила буря Подарга, сочетававшаяся с ветром Зефиром (II., XVI, 149—151).

⁴³ Фессалийский гончар с большой тщательностью вылепил колесницу и гораздо менее аккуратно — лошадей (G. Daux. *Chronique des fouilles*... en 1966, p. 709, fig. 3). Но вся поверхность колесницы и лошадей расписана узорами — видимо, в действительности и сама колесница, и убранство лошадей носили красочный характер.

⁴⁴ В Марафоне в начале дромоса большого фолоса (датируется около 1450—1425 гг.) археологом И. Пападеметриу было открыто захоронение двух коней. Скелеты расположены строго симметрично, головы обращены одна к другой — это расположено как бы повторяет сопряженность лошадей в колеснице («'Ερχον», 1958, σ. 24, εικ. 23). Один костяк лошади был найден в могильнике Навплии (Frödin — Persson. *Asine*, p. 358 — здесь лошадиный скелет лежал в склепе) и, возможно, останки одного коня в Аргосе (в последнем случае кости были похищены ночью ворами. — G. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 116).

Поэтическое восприятие действительности отнюдь не мешало достаточно точно отображать ее, о чем убедительно свидетельствуют прозаические записи в дворцовых управях. Строгий учет конского поголовья с точки зрения пола и возраста говорит о том, что табуны коней, кобылиц и жеребят комплектовались отдельно⁴⁵. Ахейские документы относятся к XV — XIII вв., когда особенно возросла военная активность многих царств. Лошадь играла тогда первостепенную роль в военном снаряжении греческих династов, и документы в полной мере отражают это положение: например, кносские записи из серии Sd регистрируют военные колесницы без колес, определяемые прилагательным i-gi-ja («лошадиная»), а таблички из серии Sc перечисляют колесницы, медные брони и лошадей⁴⁶. В Пилосе упоминания о лошадях пока известны в небольшом количестве⁴⁷.

Беглый перечень данных о животноводстве показывает, что греки эпохи бронзы обладали большой суммой практических знаний в этой области производства и добились немалых успехов. Во всяком случае ахейские художники обычно изображают крупный откормленный скот. Этого достигали благодаря хорошим кормам⁴⁸ и тщательному уходу. Недаром в дворцовых описях из Кносса и Пилоса за каждое стадо овец отвечали два человека⁴⁹.

Ахейские скотоводы применяли различные приемы для улучшения породы животных. Хорошо засвидетельствовано широкое распространение практики кастрирования как рабочего скота, так и баранов, шедших в пищу.

Знание правил животноводства и умение работать с четвероногими высоко ценились в ахейском обществе. Уважение к пастухам проявляется на самых ранних ступенях развития раннегреческого общества. Необходимость защиты домашних животных от нападений диких зверей входила в круг обязанностей ахейских воинов и знати. Уже в начале XVI в. на микенском клинке № 394 представлена полная драматизма схватка ахейян со львами. Вооружение звероловов, выступивших против хищников, показывает, что они были весьма зажиточными людьми. Выбор этого сюжета для украшения парадного царского оружия говорит о том, что в XVII —

---

⁴⁵ Три специальные идеограммы для жеребцов, кобыл и жеребят в ахейском слоговом письме указывают на длительность этой практики. См., например, кносскую таблицу Ca 895, где знаки очень ясно передают особенности каждой группы.

⁴⁶ Evans. P. of M., IV, p. 786—789, 803—807; Ventris — Chadwick. Documents, p. 361—363, 379—381.

⁴⁷ Возможно, что здесь документы о конском поголовье поступали в другой, еще неизвестный раздел дворцовой управы.

⁴⁸ В ахейском эпосе пшеница (вернее, зерна ее — *poroi*) часто упоминается как пища лошадей (Od., IV, 604).

⁴⁹ Вентрис и Чадвик считают, что одно из имен означало пастуха отары, второе было именем «сборщика» или ответственного за доходы от стад (Documents, p. 195—205). В Пилосе встретились лишь 4 имени таких управителей отар и, как показывают документы других серий, двое были лицами с известным положением в пилосской экономии (ibid., p. 200).

XVI вв. микенские династы часто предпринимали подобные операции⁵⁰. Этому соответствует и эпический рассказ о борьбе Мелеагра, сына Ойнея, со страшным вепрем, опустошавшим земли Калидона в Этолии (II., IX, 538—546). Песнь о подвигах Мелеагра относится к давним временам — видимо, она отображает жизнь еще первой половины II тысячелетия.

Ахейское общество и позднее хорошо знало о трудностях, подстерегавших скотоводов, о чем свидетельствуют два знаменитых золотых кубка, изготовленных около 1500 г. до н. э. и найденных в фолосе возле Амикл (совр. Вафио). Рельефная сцена на одном из них представляет укрощение дикого (или одичавшего) быка сравнительно безопасным путем — привлеченному коровой быку пастух быстро связывает задние ноги толстой веревкой. На другом сосуде изображен трагический эпизод: трех быков ловят с помощью сети, натянутой между деревьями. Одно из животных удалось загнать, и оно лежит, опутанное сетью, тогда как два других с яростью обратились в бегство. Два пастуха пытались удержать вырвавшегося быка, но он растоптал ногами одного человека, а другого поддел на рога.

Источники, таким образом, говорят о развитом животноводстве, которое опиралось на большую практику греков, накопивших обширные экспериментальные знания в этой области.

Следует упомянуть еще об одном виде домашних животных — о собаках. Для представителей разных слоев общества они выполняли различные функции. Пастуху и селянину-домохозяину нужны были сторожевые псы, охотники ценили легких быстроногих собак. Изображения ахейских собак указывают на значительную специализацию пород. Охотничьи псы отличались легкостью и стремительностью⁵¹, а сторожевые — массивностью и мускулистостью. Это особенно наглядно видно в изображениях тяжелых дворовых псов и сравнительно небольших пушистых собак, принадлежавших к широко распространенной во всей Европе еще с древнейших времен породе шпицев⁵².

Как и лошадь, собака в раннеклассовом обществе могла быть предметом роскоши. Знать, в особенности цари, содержала много собак, иногда сопровождавших царя на войне. Ахилл, например, имел в лагере под Троей девять вскормленных им любимых псов

---

⁵⁰ И в эпосе можно встретить рассказ о нападении льва на стадо, причем пастухи не могут отогнать голодного зверя от тела его жертвы (II., XVIII, 161—162).

⁵¹ Такие морды гончих на четырех золотых киликах из тайника возле погребального круга А в Микенах (*Sp. Marinatos und M. Hirmer. Kreta und das Mikenische Hellas. München, 1959, Taf. 189*) показывают, что в середине II тысячелетия были выведены специальные охотничьи породы. На фресках тиринфского дворца — другой вид: длинноногие поджарые псы с прямостоящими ушами (*G. Rodenwaldt. Op. cit., S. 129*).

⁵² Живые фигурки обоих типов сторожевых собак сохранились на деревянном ларце из V могилы погребального круга А в Микенах (*B. Schweitzer. Hunde auf dem Dach. — «Athenische Mitteilungen», Bd. LV, 1930, S. 107—118*).

Греки ценили привязанность пса к своему хозяину, что нашло отражение в эпосе: при возвращении Одиссея домой его узнал верный Аргос («Белый»), старый пес, больной и заброшенный, не имевший даже сил подняться навстречу господину (Od., XVII, 291—300).

Изображения собак часто встречаются на предметах обихода ахейской знати и на фресках, украшавших стены парадных зал дворцов⁵³. Иногда собаки следовали за своим хозяином в могилу. Обычно убивали одного-двух псов⁵⁴. В соответствии с этим обычаем Ахилл принес в жертву двух своих собак на похоронах Патрокла (Il., XXIII, 171—173).

Принесение лишь голов собак в жертву было связано не только с принципом *pars pro toto*, как полагал А. Фредин. Недавно стало известно, что жители Лерны в III тысячелетии ели собак наряду с мясом быков, овец и свиней. Этот обычай хорошо засвидетельствован и во II тысячелетии на острове Кеосе. По-видимому, тогда было принято отделять голову собаки для жертвы, а остальную часть туши употреблять в пищу. Еще одна находка черепа собаки в небогатом фолосовидном склепе в Полла Дендра⁵⁵ в Мессении (около 15 км к С-В от Пилоса) позволяет настаивать на таком объяснении приведенных фактов.

В изучаемое время значительную роль в жизни греков, гораздо большую, чем даже в классический период, играли живые, естественные ресурсы. Охота на диких животных имела целью не только охрану людей и посевов, но и снабжение мясом какой-то части населения. На это указывают даже знаки ахейской письменности — среди идеограмм животных знак 104 ясно представляет голову оленя с ветвистыми рогами. Эта идеограмма, как отметили уже Вен-трис и Чадвик, встретила лишь на трех табличках в Пилосе (PY SnO1, 868, 875). Особая ценность оленя, доставлявшего помимо мяса качественное сырье, вероятно, была причиной того, что греческие династы стали учитывать убитых в их владениях оленей.

⁵³ И в Пилосе красочные фризы несли собачьи фигуры (Pylos, II).

⁵⁴ Кости собак встречаются и в царских погребениях (в фолосе Амикл X. Цунта обнаружил зубы — C. Tsountas and G. I. Manatt. The Mycenaean Age. Boston, 1897, p. 152; в фолосе Дендры А. Перссон открыл среди жертвенных костей хорошо сохранившийся череп собаки. — A. W. Persson. Royal tombs at Dendra near Midea. Lund, 1931, p. 18) и в могилах жилищного населения (в Микенах в склепах 505 и 533 — A. J. B. Wace. Chamber tombs..., p. 14, 116; в Асине череп пса лежал возле костяка хозяина в склепе. — Frödin — Persson. Asine, p. 358; в Фивах еще Керамопуллос открыл в дромосе склепа 6 собачьих костяк („Αρχαιολογικόν Δελτίον“ III, 1917, σ. 137). Примечательно, что в сельских некрополях не встречаются собаки в качестве заупокойных жертв.

⁵⁵ N. G. Gejvall. The Fauna. Lerna I. Princeton, 1969, p. 1—10; J. P. Coy. Bronze Age Domestic Animals from Keos, Greece. «Domesticationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971». Budapest, 1973, p. 239—243. Склеп в Полла Дендра принадлежал семье, которая могла дарить своим умершим сородичам одну лишь лепную посуду. С скромный достаток держался на протяжении жизни одного или двух поколений, как показывают остатки захоронений не менее чем 12 костяков. Дата склепа — не позднее 1400 г. (G. Daux. Chronique des fouilles ... en 1961, p. 728).

Видимо, охота на диких кабанов не носила столь регламентированного характера — многочисленность этих животных, часто опустошавших поля, не ставила никаких пределов охотникам.

* * *

Второе тысячелетие до н. э. характеризуется в Греции большими количественными и качественными сдвигами в неземледельческой сфере. Результатом было появление множества новых отраслей производства и вместе с тем накопление массы специальных сведений. Более динамичное развитие знаний мастеров, работавших с отдельными материалами⁵⁶, вело к быстрому совершенствованию технических навыков, что в свою очередь расширяло кругозор этих работников. Особенностью, игравшей немаловажную роль, было и то, что новые познания вырабатывались теперь не только в деревне, как прежде, но и в городе. Города и поселки городского типа стали средоточием интенсивной производственной деятельности, постоянно увеличивавшей эмпирические знания в области ремесел. Интересы производства способствовали увеличению числа отраслей. Этот процесс шел двумя путями: ряд промыслов сельского населения приобретал новое качество или уже давно сформировавшаяся отрасль ремесла дробилась на несколько отдельных видов. Судя по доступным ныне источникам, отмеченные изменения особенно интенсивно происходили между XXIII и XVII вв., причем ведущими территориями выступили сначала Крит и некоторые другие острова Эгейского моря⁵⁷, затем и материковая Греция.

Предварительно заметим, что развивавшиеся в изучаемый период процессы выросли на почве, хорошо подготовленной историей производства и общества за несколько предшествующих тысячелетий. В самом деле, еще в период домашнего производства в пределах каждой земледельческой общины постоянно выделялась группа членов ее, специализировавшихся на изготовлении предметов обихода. Эти более ловкие и умелые работники создавали особую производственную традицию, которую развивали и обогащали последующие поколения мастеров. Каждая община была заинтересована в успешной деятельности таких членов и создавала им наиболее благоприятные условия для работы⁵⁸. Отмеченные процессы легче всего проследить на примере гончарного ремесла, причем источники

---

⁵⁶ Полезно напомнить, что труд земледельца носил более всесторонний характер, так как селянин имел дело с разнообразными условиями (почва, погода и семена — эти три компонента могут составить самые неожиданные комбинации, которые пахарь должен заставить служить на пользу урожая). Напротив, кузнец или плотник, работая с одним, сравнительно однообразным по характеру материалом, должен был развивать более узкую, но зато и более глубокую специализацию.

⁵⁷ Говоря о развитии раннегреческих племен, следует отметить, что второе большое разделение труда — отделение ремесла от земледелия — заняло у них не очень большой отрезок времени: от конца IV до начала II тысячелетия.

⁵⁸ Напомним, что почти каждое мастерство требовало особых помещений для работы.

позволяют познакомиться с его весьма древней продукцией на территории Греции. Действительно, глиняная утварь развитого неолита включает изделия, которые были изготовлены не только любым членом общины, но и особо умелыми исполнителями. Ведь ручная лепка сложных по форме и орнаментации парадных сосудов представляла собою сложную задачу, что неизбежно вело к обособлению таких скудельников от остальных работников, занятых в основном земледелием.

В одном лишь Пелопоннесе во второй половине VI — первой четверти V тысячелетия до н. э. существовало несколько видов керамики, довольно сильно отличавшихся по технологическим приемам исполнения. Согласно В. С. Титову⁵⁹, керамический комплекс этого периода (II неолитический период Южной Греции) включал: 1) красную монокромную керамику — поверхность сосудов покрывали тонким красновато-коричневым ангобом и затем ложили; 2) расписную керамику, украшенную по принципу «темным по светлому».

Сначала линейные узоры наносили прямо на поверхность сосудов. Позднее установилась традиция обмазывать сосуд белым ангобом и лощить его, так что орнамент тусклой красной краской ложился на блестящий белый фон; 3) коричневую керамику⁶⁰, или, как иногда ее называют, неолитический урфирнис. Посуда этого вида более высокого качества: она лучше вылеплена, имеет более тонкие стенки, обжиг дает твердый черепок ровного коричневого или кирпичного цвета. Поверхность изделий покрывали сплошной блестящей краской — отсюда ее название *Uhrfirnis*. Этот протолак имел различные оттенки, от светло-красного до коричневого и черного.

Изобретение протолака означало большой сдвиг в технологическом отношении: вместо длительного и трудоемкого процесса лощения теперь сравнительно быстро с помощью кисти, нанося блестящую краску, изготавливали столь же нарядную посуду. Выработка приема, ускорившего изготовление парадной посуды, была возможна лишь потому, что уже возникла устойчивая профессиональная традиция. Возросшее мастерство стремилось как-то ответить росту эстетических потребностей племен, населявших тогда Грецию (речь идет о периоде между 5500 и 4750 гг.).

Уровень мастерства, достигнутого тогдашними неолитическими скудельниками, весьма высок как в технологическом, так и в художественном отношении (изящество их изделий не оставляет равнодушным даже современного человека). В качестве примера назовем шаровидные сосуды с цилиндрическими шейками и поддонами⁶¹,

⁵⁹ В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1969, стр. 32—38.

⁶⁰ Специалисты в области неолита называют эту группу «коринфской». Название неудачное, так как коринфской керамикой по давней традиции называют посуду, изготавливавшуюся в Коринфе в I тысячелетии до н. э.

⁶¹ J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1957, p. 138, Pl. 37, d—f.

найденные в неолитических слоях Лерны в 1957 г. Эти довольно большие вазы (высота одной около 0,19 м, двух других — около 0,21 м) привлекают внимание не только завершенностью своих очертаний, но и какой-то присущей им основательностью и добротностью (табл. 37, е). Уверенность руки скудельника, создавшего эти вазы, обнаруживает в нем работника, обладавшего не только незаурядной личной одаренностью, но и большими специальными навыками.

Распространение монокромной протолаковой керамики (неолитический урфирнис) содействовало дальнейшему развитию системы росписи сосудов. Выполненный блестящим протолаком орнамент придавал вазам особую яркость и расцветченность⁶². Расписные сосуды этой категории (по Каскею — Neolithic Patterned Ware, later Fine Style) несут широкую ленту линейного орнамента, оставляющего свободным только самую нижнюю часть тулова и поддон вазы. Узоры, нанесенные темными жирными и бледными тонкими линиями, составлены из многочисленных вариантов полос, ромбов, зигзагов. В большом ходу было сетчатое заполнение фигур, обведенных густыми линиями.

При знакомстве со многими сосудами этого типа зритель получал впечатление большого разнообразия декора, хотя составлявшие узоры элементы немногочисленны. Столь значительный эффект не мог быть достигнут человеком, который брался бы за кисть от случая к случаю. Нет сомнения, что уже в изучаемое время нарядную посуду изготавливали люди, особо специализировавшиеся в этом деле: сила художественного воздействия их творений такова, что она обязательно предполагает наличие у мастера каких-то специальных знаний. Конечно, не каждый изготовитель простейшей глиняной утвари мог стать искусным скудельником. По-видимому, лишь особо одаренные от природы мастера могли добиваться таких успехов⁶³, и это обеспечивало им возможность преимущественно заниматься скудельным делом в пределах своей общины или даже небольшой области.

Отмеченное явление вело на протяжении V—IV тысячелетий к значительным изменениям не только материальных факторов в производстве, но и духовных представлений, связанных с производственной жизнью тогдашнего общества. Нет сомнений в том, что высокоодаренный мастер-скудельник выделялся среди своих сосе-

---

⁶² В. С. Титов отмечает, что если орнамент наносили на фон, уже покрытый урфирнисом, то узор получался черным; если же роспись клали на поверхность натуральной желтой или красной глины, то роспись выходила красноватой (В. С. Титов. Неолит Греции, стр. 36).

⁶³ Сошлемся на еще более ранний пример: шаровидная, без поддона, фессалийская ваза (из Лианоклады) орнаментирована простой красной краской по светлomu фону. Ее своеобразный линейный узор, который можно приблизить к очертаниям сплетенной из толстых прядей косы, обладает столь высокой художественной выразительностью (воспроизведение см. P. Demargne. Naissance..., p. 30, fig. 24, см. также p. 437), что не возникает сомнений в изготовлении ее особо искусным скудельником. Вряд ли такой художник только изредка работал кистью.

дей-общинников не только потому, что он изготовлял удобную обиходную посуду, но благодаря тому, что был творцом яркой и жизне-радостной керамики ⁶⁴, и этот опыт передавал следующему поколению мастеров. Все это делало его особо почитаемым среди соплеменников.

На протяжении всей эпохи неолита можно заметить растущее стремление тогдашнего земледельческого населения украсить окружающие человека предметы (орудия труда, оружие, утварь, одежду). Поэтому искусная обработка материалов и создание красивых обиходных предметов ставили мастеров уже в древнейшие периоды развития домашних ремесел в исключительное положение среди других общинников. И дело было не только в индивидуальной способности нести радость современникам, превращая обиходные вещи в художественно исполненные изделия ⁶⁵. Отвечая инстинктивному, часто даже неосознанному, стремлению к красоте и гармонии, эти искусники способствовали развитию более тонкого восприятия жизни во всем обществе.

Попутно заметим, что художественные и эстетические потребности неолитического человека были достаточно разнообразными, и возможно, что мы их недооцениваем. Селяне Греции того времени, будучи особенно тесно связаны с природой, силы которой они все лучше и лучше постигали, имели постоянно перед глазами ландшафты, монументальная красота которых стихийно служила как бы мерилom художественной ценности окружающих человека предметов. Помня это обстоятельство, можно понять тот большой вкус, который обнаруживают многие художественные произведения неолитических жителей юга Балканского полуострова.

Итак, уже во второй половине VI — начале V тысячелетия населявшие Грецию общины насчитывали в своей среде не только земледельцев, но и работников, трудившихся преимущественно над изделиями из камня, дерева, глины. Эти занятия современные исследователи обычно обозначают общим названием «домашние ремесла». Однако нам представляется совершенно необходимым в свете имеющихся данных выделить некоторые стороны этого общего понятия. Весьма плодотворна мысль В. М. Массона о делении эпохи производящего хозяйства, соответствующей эпохе варварства в схеме Ф. Энгельса — Л. Моргана, на три периода: архаическая экономи-

⁶⁴ В Афинском Национальном музее, в залах, посвященных неолитическим культурам Фессалии, поражает яркость и большая жизнерадостность глиняных изделий, вышедших из рук мастеров тех времен. Какая-то особенная сила присуща орнаменту этих ваз. Добавим, что эти художественные достижения сопровождались высоким подъемом всего скудельного мастерства. Даже простая глиняная посуда имела отличное качество, причем размеры этих сосудов становились уже весьма значительными (например, простые биконические сосуды достигали высоты в 0,80 м).

⁶⁵ Здесь мы не останавливаемся на магическом значении первобытной орнаментации, которая играла большую роль в сознании неолитического человека, о чем подробно писал А. А. Формозов (А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 193—200).

ка, экономика сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства и период ремесел. Последняя ступень непосредственно предшествует сложению раннеклассового общества⁶⁶. Построенная на материале из стран Ближнего Юга и Востока, эта периодизация представляется весьма полезной для изучения всех вообще обществ эпохи неолита, особенно в последние тысячелетия истории первобытнообщинного строя. Однако нам кажется, что наименование последней ступени следует дополнить определением «общинные». Как показывает изучение греческого неолита, на юге Балканского полуострова период общинных ремесел уходит в далекие времена, видимо, начинаясь где-то в V тысячелетии.

Складывание общинных ремесел заняло большой отрезок времени. Оно началось, как отмечалось выше, с появления среди общинников особых искусников в изготовлении бытовых предметов. Обоособление названной группы в производстве постепенно настолько усиливается, что этот слой внутри сельского населения начинает обозначаться особым термином. Как нам кажется, архаическое название «уметели» лучше всего характеризует представителей данной группы. Расширение уметельства вширь и вглубь пришлось на время наибольшего расцвета общинных установлений в протогреческом племенном мире. Деятельность уметелей разворачивалась в рамках общины, которая пользовалась их искусной работой и способствовала повышению производительности труда своих членов.

Работа уметелей определялась интересами общины, запросами всего коллектива в целом и отдельных его членов. В протогреческом племенном мире это нашло точное выражение в термине «дамиург» («работающий для народа»), которым обозначали труд каждого неземледельца. Появление этого термина было возможно лишь в условиях догосударственного быта ранних греков, в период, когда племя и община были основными общественными силами. Удачно определивший важное явление в жизни общества, этот термин в своем первоначальном значении употреблялся широко во II тысячелетии — сложное *δαμιο-Γεργός* постоянно встречается в гомеровском эпосе в форме *δαμιοΓεργός*. Правда, в записях XIII в. из дворцовых управ Пилоса, Микен и других царств этот термин еще не встречается, вероятно, потому, что в упомянутых документах шла речь о ремесленниках отдельных специальностей. В различных греческих диалектах I тысячелетия до н. э. демиургами именовали и ремесленников вообще и высших должностных лиц⁶⁷.

⁶⁶ В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка). — «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 150—166; *его же*. Становление раннеклассового общества на древнем Востоке. — ВИ, 1967, № 5, стр. 82—94.

⁶⁷ Демиурги известны как магистраты — эпонимы в Ахейском союзе (см. декрет от 222/21 гг. — SIG³, № 519) и как магистраты с другими функциями в различных полисах Эллады даже в римское время (в Дельфах — SIG³, N 830). Устой-

Приведенные выше археологические и лингвистические данные пока еще недостаточно освещают те глубокие корни, из которых выросло мощное ремесленное производство раннеклассовой Греции. Ниже мы остановимся лишь на некоторых отраслях, чтобы представить в общих чертах уровень знаний, достигнутый греками во II тысячелетии до н. э. Естественно, мы вовсе не претендуем при этом на исчерпывающую полноту.

Знание металлов пришло в результате огромного опыта обращения с камнем, которое накопило человечество за время неолита. Населявшие Балканский полуостров племена имели в своем распоряжении разнообразные каменные породы, среди которых попадались и самородки металлов. Ярко-желтый блеск самородного золота или разнообразные цвета минералов, содержавших медь⁶⁸, должны были рано привлечь внимание неолитических обитателей Греции. Действительно, из поздненеолитических отложений материковой и островной Греции известны подвески из самородного золота и топоры из такой же меди⁶⁹. Изготовление орудий из металлоносных минералов, возможно, было более широко распространено, чем известно ныне, так как непрочность естественного сырья приводила к быстрому износу подобных изделий.

Важно то, что поздненеолитические племена Балканского полуострова шли теми же путями, что и их современники в странах Центральной Европы⁷⁰ или в горных областях Малой Азии⁷¹. От использования самородных металлов до их выплавки было уже не так далеко⁷², ибо неолитические умелые люди давно знали могучую силу огня (см. ниже, стр. 165).

Недавно К. Ринфрю особо подчеркнул, что самым легким для выработки металлом является свинец, который плавится при 327° С, чивость этого термина, вероятно, отражает прочность понятия «демос» в политической жизни античной Греции.

⁶⁸ Дж. Чарльз приводит целую таблицу цветов разных медных соединений: малахит — зеленый, азурит — голубой, куприт — красный, халкопирит — золотисто-желтый и т. д. (*J. A. Charles. Early Arsenical Bronzes — a Metallurgical View.*— *AJA*, 71, 1967, p. 25).

⁶⁹ В Фессалии в поздненеолитических отложениях Сескло обнаружены 2 медных топора и вместе с ним 2 золотые подвески: Τσοῦντας. Αἱ Προϊστορικαὶ Ἀχρόπολεις Διμητρίου καὶ Σέσκλου. Ἀθήναι, 1908, σ. 350, 352. На Крите ниже поздненеолитического пола в Кноссе обнаружен медный топор (*Evans. P. of. M., IV, p. 14, fig. 3*). Раскопки поздненеолитического поселения Кефала на Кеосе также обнаружили следы употребления самородной меди (*J. L. Caskey. Excavations in Kea, 1963.*— «*Hesperia*», XXXIII, 1964, p. 314 sq.). В Фокиде, вблизи Элатьи, в Агиа-Марине, найдены медные наконечники копий или кинжалы (Μυλωνᾶς, σ. 61, εἰκ. 64).

⁷⁰ В конце неолита много поделок из карпатской самородной меди известно в Словакии (*L. Págo. Chemická charakteristika slovenské medene rudy...*— «*Slovenska Archeologia*», XVI-1, 1968, p. 245—254).

⁷¹ Употребление самородной меди в неолитическом Чатал-Гюйюке см. *J. Mel-laart. Excavations at Çatal Hüyük 1963.*— «*Anatolian Studies*», v. 14, 1964, p. 114. О находке булавы в Кан Хасане см. *D. French. Excavations at Can Hasan.*— «*Anatolian Studies*», v. 12, 1962, p. 33.

⁷² *C. Renfrew. Cycladic Metallurgy and the Aegean Early Bronze Age.*— *AJA*, 71, 1967, p. 4.

причем, как показали современные опыты, его можно выплавлять на открытом костре ⁷³. Свинцовые руды встречены на многих островах Эгейского моря. Ринфрю перечисляет Мелос, Кимолос, Антипарос, Фера, Анафи, Серифос, Миконос, Кеос и некоторые другие. Примечательно, что самые ранние изделия из свинца — скрепы для ремонта битой керамики ⁷⁴ — указывают на глубокое понимание пластических свойств этого металла первыми эгейскими металлургами.

Видимо, факт выплавки свинца произвел огромное впечатление на тогдашнее население Греции — с самого начала из нового металла стали отливать изображения сакрального назначения. Это человеческие фигурки типично кикладского облика и довольно многочисленные модели узких длинных лодок, аналогичных по очертаниям судам, изображенным на многих кикладских «сковородах», имевших по 12 пар весел ⁷⁵. Отливка этих поделок позволяет заключить, что уже в середине III тысячелетия население Греции верило в особое магическое значение свинца — воззрения, которые сохранились на протяжении почти 3000 лет без перерыва ⁷⁶.

Помимо свинца, островной и материковый греческий мир знал в III тысячелетии олово ⁷⁷, золото ⁷⁸ и в довольно широких размерах бронзу. Сразу же заметим, что бронза ценилась тогда очень высоко, как показывают находки вещей из этого материала: список их весьма краток ⁷⁹. Правда, в настоящее время известно не столь много литейных центров того времени, причем большая часть их засвидетельствована на островах ⁸⁰. Еще в слое Ферми II на Лесбосе встре-

---

⁷³ И в III тысячелетии население Греции употребляло самородное золото для украшений, как показывает находка золотой бусины в некрополе Фиррохес на Наксосе.

⁷⁴ По данным К. Ринфрю, такие скрепы были найдены в пяти поселениях раннеэлладского времени на материке и в одном (Халандриани на Сиросе) на Кикладах (*C. Renfrew. Cycladic Metallurgy...*, p. 4—5).

⁷⁵ *Ibid.*, p. 18, N 12—14.

⁷⁶ Даже в III—IV вв. н. э. раннехристианские обереги часто делались из свинца.

⁷⁷ В слое Ферми IV на Лесбосе, датируемом серединой III тысячелетия, найден браслет из чистого олова. Вопрос о месторождении раннегреческого олова весьма запутан. О. Дэвис предполагал разработки олова в раннеэлладское время близ Итеи в Фокиде (*O. Davies. Two North Greek mining towns.*— *JHS*, XII, 1929, p. 89), так же считал Г. Чайльд («У истоков европейской цивилизации», стр. 106), однако повторные изыскания не подтвердили это мнение (*S. Benton. No tin from Kirrha in Phokis.*— «*Antiquity*», XXXVIII, 1964, p. 138).

⁷⁸ О золотом соуснике из Гереи на Алфее, хранящемся в Лувре, упоминает Блеген (*C. W. Blegen. The Coming of the Greeks.*— *AJA*, 32, 1928, p. 149). Но до изготовления этого сосуда должно было пройти много поколений мастеров, постепенно узнававших качества этого металла.

⁷⁹ В упомянутой статье Ринфрю упомянуто лишь 3 клада бронзовых вещей из греческих земель. К. Брэннигэн приводит еще 4 клада раннебронзового периода из Кифоса, Евтрессиса, Петрулоны и Фив (*K. Branigan. Early Aegean Hoards of Metalwork.*— *BSA*, 64, 1969, p. 1—12).

⁸⁰ Это обстоятельство побудило Милонаса предположить, что знание металла пришло на материк с Киклад (*G. Mylonas. Aghios Kosmas*, p. 130, п. 64). Но вероят-

чены следы медного литья. На Сиросе в Халандриани найдены остатки медного шлака и форма для отливки из шифера; на Паросе в Ависсе также обнаружен медный шлак, равно как и в Филадельфии на Мелосе⁸¹. Из Полиохни происходит глиняная литейная форма⁸². Остатки меднолитейного производства в Арафене (или Аскетарионе, в 2 км к югу от Рафины, на берегу Аттики) в настоящее время являются свидетельством самого известного ныне центра металлургии в III тысячелетии⁸³. Там также были найдены литейные формы из шифера⁸⁴. Следует отметить, что очертания изделий в этих формах были выполнены с большой тщательностью.

Исследование остатков бронзового литья в III тысячелетии позволило К. Ринфрю и Дж. Чарльзу сделать ряд выводов о технологических процессах, известных протогреческим металлургам.

Состав бронзы на островах и на материке значительно отличается от того же сплава, изготовлявшегося в III тысячелетии в Троаде, где бронза включала в себя довольно большой процент олова. В греческих землях, как выяснил Дж. Чарльз, состав бронзы был иной: в сплав умышленно добавляли мышьяк. Получавшаяся мышьяковистая бронза поддавалась холодной ковке молотком гораздо лучше, чем бронза с одним лишь добавлением олова. Точно так же и горячая обработка такого металла становилась много легче⁸⁵. Изобретение мышьяковистой бронзы говорит о расширении экспериментальных знаний в области минералогии и неорганической химии на протяжении XXX—XX вв. Очевидно, что у обитавших тогда в Греции пеласгических и протогреческих племен появились специалисты-металлурги, энергично стремившиеся к улучшению продукции. Если вспомнить, что медь плавится при температуре +1083°С, то станет вполне ясно, что экспериментировавшие со сплавами ремесленники опирались на серьезную техническую базу, позволявшую делать такие эксперименты.

Не менее важен и другой вывод Дж. Чарльза: спустя 300 или 400 лет после изобретения мышьяковистого сплава этот вид бронзы постепенно был заменен менее вредным составом — сплавом меди и олова. Оловянистая бронза не только была менее опасной с точки зрения отравления для мастеров-металлургов⁸⁶, но также получалась более однородной по своему составу.

нее предположить более или менее одновременное развитие этого дела, поскольку контакт между мастерами-плавильщиками охватывал иногда большие территории — от Ирана через Кавказ и вплоть до Крита (*Ph. P. Betancourt. The Maikop Copper Tools and their Relationship to Cretan Metallurgy.*— *AJA*, 74, 1970, p. 351—358).

⁸¹ C. Renfrew. *Cycladic Metallurgy*. . . , p. 12.

⁸² L. Bernabo Brea. *Poliochni I*, 1964, Pl. XXXIV, d.

⁸³ Δ. Θεοχάρης. Ἀνασκαφὴ ἐν Ἀραφῆνι. — „Πρακτικά“, 1952, σ. 129—153, σκ. 3—4; 1954, σ. 104—113.

⁸⁴ Например, форма для отливки наконечника копья длиной в 0,125 м (*ibid.*, σ. 112).

⁸⁵ J. Charles. *Early Arsenical Bronzes*. . . , p. 20—26.

⁸⁶ Вредность ранней металлургии нашла яркое выражение в греческих мифах о богах-металлургах, которые враждебно относились к людям.

Приведенные данные из истории металлургии III тысячелетия указывают на большую и сложную традицию, унаследованную ремесленниками следующих столетий. Действительно, в XX—XII вв. литейное дело в Греции достигает огромного размаха. Многочисленные и очень разнообразные формы свидетельствуют о множестве видов металлических изделий. К. Ринфрю отметил, что еще в III тысячелетии металлургический кикладский район развивался своим путем. Здесь вырабатывались собственные, особые формы и типы орудий, не похожие на изделия соседних раннебронзовых цивилизаций⁸⁷. То же самое можно наблюдать и во II тысячелетии, хотя изредка в Грецию попадали формы орудий из других стран⁸⁸. Нет сомнений в том, что сложное и беспокойное ремесло литейщика, постоянно державшее его в напряжении из-за результатов каждой плавки, заставляло мастеров неукоснительно соблюдать основные правила, выработанные их предшественниками, работавшими с теми же рудами, что и они сами.

В додорийской Греции выплавляли основные металлы — медь, бронзу, олово, свинец, серебро и золото. Для бронзы и золота в письменности существовали специальные идеограммы, вопрос же об идеограмме для серебра еще окончательно не решен⁸⁹.

Обычно металлурги пользовались составными формами, по-прежнему резавшимися из стеатита. Известно и применение отливки изделий с помощью метода *cire perdue*⁹⁰.

Отлитая деталь подвергалась последующей обработке молотками, причем искусствоковки достигло высокого уровня. Особенно показательно мастерство кузнецов, работавших с бронзой. Уже в микенских царских погребениях XVII—XVI вв. были найдены вместительные бронзовые котлы, небольшие закрытые сосуды и разнообразное оружие, которые указывали на высокое искусство тогдашних ковалей.

В последующие столетия греческие ремесленники изготавливали более качественные предметы, причем не только роскошные изделия, но и обиходные вещи отличались рациональностью формы, прочностью и удобством в употреблении.

Бронзовое оружие — мечи, наконечники копий, кинжалы, ножи и наконечники стрел — представляется наиболее показательным. В раннее время мечи имели длинный клинок, достигавший 0,90—0,95 м, снабженный посередине продольной гранью, которая уменьшала ломкость бронзового лезвия. Около середины XIV в. появилась новая форма лезвия — без продольного утолщения; оно стало более коротким, но зато обоюдоострым. Столь же совершенны формы наконечников копий, имевших листовидную форму с ярко

⁸⁷ C. Renfrew. *Cycladic Metallurgy*. . . , p. 15.

⁸⁸ Например, топор из Италии (см. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, рис. 33а).

⁸⁹ Ventris—Chadwick. *Documents*, p. 351.

⁹⁰ Горячий металл расплавляет восковую модель изделия и заливает свободное место в форме.

выраженным продольным ребром и круглым втоком. Особо следует выделить такое массовое изделие, как наконечники стрел. Обычно длина их колебалась от 3 до 4 см (по данным из Дендры). Эти мелкие изделия отличаются рациональностью и изяществом формы, независимо от места их производства ⁹¹.

Орудия из бронзы столь же примечательны своими формами. Находки из разных мест ахейского мира представляют яркие тому доказательства. Например, массивный двулезвийный топор — лабрис — из окрестностей Додоны ⁹² или аналогичный ему по форме кельт с острова Керкира (урочище Гермон) ⁹³, равно как и не опубликованный еще полностью клад разнообразных орудий и оружия из Калидона ⁹⁴ — все эти изделия отличаются добротностью и качественным исполнением ⁹⁵.

Трудно перечислить все категории бронзовых орудий, так как в каждой отрасли производства во II тысячелетии были созданы разнообразные инструменты.

В целом набор орудий в то время уже включал все основные виды, существующие и поныне: топоры, молотки, тесла, пилы, сверла и т. д.

Работавшие с бронзой ремесленники носили специальное название, сохранившееся и в языке I тысячелетия, — медники. Судя по пиловским записям серии Jn, медники жили в различных местностях — ведь и в античное время, и в средние века в каждом большом селении должна была быть своя местная кузница.

Вопрос об отношениях медников с верховным органом власти на материале записей во дворце Пилоса в самом конце XIII в. служит предметом оживленной дискуссии ⁹⁶. Не останавливаясь подробно на этом, заметим лишь, что в последние годы существования Пилосского царства там особенно усилились централизаторские тенденции в связи с необходимостью быстро мобилизовать все ресурсы для отражения натиска более примитивных и более воинственных соплеменников — дорян.

Технологические приемы металлургов во II тысячелетии совершенствовались непрерывно. Это вызвало появление новых сплавов. Так, в XVII—XVI вв. в Микенах изготавливали электр, сплав золо-

⁹¹ В Микенах, Дендре, Асине, Каковатосе, Кноссе, Фивах, в Аргивском Гегейоне — всюду наконечники стрел сохраняют свои изысканные очертания.

⁹² "Ερϋον", 1959, σ. 76, σκ. 81.

⁹³ Работы Г. Донтаса (*G. Daux. Chronique des fouilles...* en 1967, p. 835, fig. 3).

⁹⁴ Вернее, из окрестностей города, так как клад был найден в урочище Псополи в 2,5 км от калидонского акрополя (*ibid.*, p. 849, fig. 1—2).

⁹⁵ Следует отметить, что эти орудия были довольно тяжелыми — топор Позднеэлладского-III периода из Мальты весит 984,2 г. (*M. N. Valmin. The Swedish Messenia Expedition. Lund, 1938, p. 366*).

⁹⁶ Начатое еще М. Вентрисом и Дж. Чадвиком (*Documents*, p. 352—356) обсуждение этого вопроса вызвало много статей. См., в частности, статью: *M. Lang. Jn Formulas and Groups.* — «*Hesperia*», XXXV, 1966, p. 397—412. Исследовательница предлагает новые группировки кузнецов, исходя из принципа локальной организации.

та и серебра⁹⁷. Уже тогда выработали прием покрытия одного металла другим — в обиходе появились позолоченные бронзовые изделия⁹⁸, число которых к XIII—XII вв. значительно возросло.

Знание металлов проникало и в другие отрасли ремесла — например, в XIV в. до н. э. получил распространение прием покрытия тонким листовым оловом простой керамики, которую ставили в погребения в составе заупокойного инвентаря⁹⁹.

И наконец, изделия из железа. Самородное железо было известно человечеству давно, и уже в III тысячелетии некоторые племена начали особо выделять его из других минералов¹⁰⁰. К среднеминойскому времени относится найденный в склепе № XVII в Мавро-Спелионе на Крите железный кубик¹⁰¹. В дальнейшем и на Крите, и в материковой Греции в ювелирном деле изредка применялось железо — как материал весьма драгоценный¹⁰². Особенно показательно употребление железной пластинки в кольцах (например, в трех перстнях из фолоса в Мидее — Дендре) вместе с пластинками из серебра, свинца и меди¹⁰³. Видимо, этот новый металл считался не только ценным, но и имеющим магические свойства.

Довольно частые находки железных колец, сначала в царских усыпальницах (Вафио, Каковатос, Дендра), а затем и в склепах и могилах зажиточного населения (Асина, Микены, Дендра — пуговица и амулет) свидетельствуют, что раннегреческие металлурги обращались охотно к новому металлу¹⁰⁴. Сравнивая число известных в ахейской Греции поделок из железа с упоминаниями этого металла в эпосе (например, в «Илиаде» о железе говорится в 24 местах, как подсчитал Плейнер), можно заметить совпадение в пропорциях. Уже в XI в. в Греции известны и железные мечи, и такие же наконечники стрел¹⁰⁵ — очевидно, в XIII—XII вв. произошел коренной сдвиг в производстве железа.

⁹⁷ V. Stais. *Mycenaean Collection of the National Museum*, vol. II. Athens, 1926, p. 14, n. 37.

⁹⁸ В среднеэлладской могиле № 61 в Димини Х. Цунта обнаружил две позолоченные бронзовые петли.

⁹⁹ Впервые это предположил А. Эванс при раскопках могил в Зафер-Папуре; позднее находки в Дендре, Афинах и других местах подтвердили его мнение (S. A. Immerwahr. *The Use of Tin on Mycenaean Vases*. — «Hesperia», XXXV, 1966, p. 381—396).

¹⁰⁰ Например, на севере Малой Азии, в Алаша-Гюйюке, самородное железо применили в поделке уже около 2300 г.

¹⁰¹ J. Forsdyke. *The Mavro-Spelio Cemetery at Knossos*. — BSA, 28, 1926—1927, p. 279.

¹⁰² Свод находок см. R. Pleiner. *Iron working in ancient Greece*. Praha, 1969, p. 1—12.

¹⁰³ A. W. Persson. *The Royal tombs...*, p. 56—57.

¹⁰⁴ Недаром греческая традиция сохранила в Паросской хронике (III в. до н. э.) дату начала плавки железа — 1432 г. (ее начали Дактили Дамнаменей и Кельмис).

¹⁰⁵ A. M. Snodgrass. *Iron age Greece and Central Europe*. — AJA, 66, 1962, p. 408—410. Автор высказал весьма убедительную мысль, что, поскольку в XI в. уже было известно железное оружие, гомеровские поэмы с их знанием этого металла могли возникнуть именно в XI, а не в VIII в., когда железо вытеснило бронзу почти полностью.

Уровень металлургических знаний и их рост на протяжении XXII—XII вв. находят полную параллель в развитии других областей производства.

* * *

Изготовление глиняной посуды отличается от многих других видов деятельности особой динамичностью. Изобилие местного сырья и хрупкость глиняной посуды ставили горшечников в некотором отношении в благоприятные условия, так как заставляли удовлетворять постоянно растущий спрос. Быстрота обновления кухонного инвентаря позволяла искусным скудельникам не только совершенствовать свое мастерство, но и сравнительно скоро вводить в широкий обиход свои изобретения.

Ныне известно, что гончарное дело возникло на Балканском полуострове раньше, чем в других странах древнейших неолитических цивилизаций¹⁰⁶. Естественно, что за несколько тысячелетий этот вид труда общинных умельцев создал сильную традицию. В период с XXX по XXIII в. гончары южных территорий Балканского полуострова достигли значительных успехов в изготовлении лепной посуды. Специализация мастеров-скудельников позволяла им вырабатывать не только обиходные сосуды разнообразных форм¹⁰⁷, но и очень сложную строго традиционную ритуальную посуду. К последней принадлежат так называемые «сковороды», покрытые врезным орнаментом, столь распространенные в областях развития Кикладской культуры. Искусство, достигнутое скудельниками, привело к распространению сосудов одинаковых форм и пропорций, однако изготовленных в соседних центрах гончарного ремесла. Так, в Коринфе найден лепной кувшин XVII в. до н. э., почти аналогичный такому же сосуду, найденному в Аргивском Герейоне, на расстоянии нескольких десятков километров¹⁰⁸. Особенно примечательно единство очертаний раннеэлладских «соусников», ручной посуды весьма сложной формы. Но, несмотря на распространение ряда общих типов посуды, во второй половине III тысячелетия во многих областях страны появились свои местные традиции в керамическом деле¹⁰⁹. Изобретение гончарного круга (известен и на материке уже в отложениях Лерна IV) в последней трети III тысячелетия открыло широкие возможности для совершенствования профессиональных скудельников¹¹⁰.

¹⁰⁶ Исследования радиоуглеродных дат показали, что в Неа-Никомедии раньше всего произошел переход от докерамического к керамическому неолиту. См. *Miodrag Crbić. Concordance du début du Néolithique céramique dans les Balkans et en Asie Antérieure.* — «Старинар», XIX, 1968. Београд, 1969, стр. 27—30.

¹⁰⁷ На материке, в поселении Агиос-Космас II (около 2100—1900 гг.) изготавливалось более 20 разных видов посуды (G. Mylonas, Aghios Kosmas, p. 22—26). Даже на маленьком острове Кеосе в раннеэлладских слоях поселения Агиа-Ирини обнаружен очень богатый ассортимент посуды (см. *Archaeological Reports for 1969—1970*, p. 24—25).

¹⁰⁸ C. Blegen. *The North Cemetery of Corinth*, p. 5.

¹⁰⁹ Wace — Blegen. *Pottery*, p. 133.

¹¹⁰ Рядом с гончарным ремеслом на протяжении II тысячелетия сохранилось и гончарное уметельство — посуду для повседневного обихода в деревнях, а так-

Самый ранний расцвет гончарного ремесла наблюдается на Крите. Критские гончары создали множество типов посуды. Особенно интересна дорогая, украшенная изысканными росписями керамика. Изделия критян победоносно вторгались в обиход населения многих стран Средиземноморья.

Греческий материк долгое время отставал в изготовлении высококачественной посуды. Между XX и XVI вв. гончары Греции сравнительно редко использовали достижения своих критских коллег, в чем проявляется довольно значительная разобщенность критян и жителей материковых областей в среднеэлладский период. Изучение характерной для этого времени матоворасписной керамики показало, что упомянутая посуда изготовлялась раннегреческими мастерами под воздействием гончарной традиции раннекикладского времени ¹¹¹. Р. Бак считает возможным говорить о близких параллелях в области форм, стиля орнаментации, декоративных мотивов и даже самих типов линий.

На протяжении нескольких столетий в гончарном ремесле материкового населения происходил быстрый рост и дальнейшее развитие основных видов керамики: матоворасписной и минийской. Было создано много новых форм сосудов и разработано большое количество узоров. Последние включали линейные и растительные узоры.

В конце XVII в. по всей Греции распространилась роскошная критская посуда, и на некоторое время изделия ахейских керамевсов как бы стушевались. Но уже с XV—XIV вв. местное гончарное производство вновь встает на самостоятельный путь развития. Отныне, особенно после упадка Крита (около 1450 г.), раннегреческие мастера заполняют не только материковые земли, но и весь островной мир своими изделиями.

Нас прежде всего интересует гончарная техника. Сформованные сырые сосуды окрашивались и расписывались. Если же делался врезной орнамент, то его наносили костяной иглой ¹¹². Далее сосуды ставили в обжигательные печи. Крупные изделия переносили на кусках грубой ткани (типа мешковины), следы которой часто находят отпечатанными на доньях больших сосудов ¹¹³. Обжиг посуды вели в печах различной вместимости. В Бербати, где изготавливались крупные сосуды, были открыты остатки обжигательных печей, однако конструкция их оставалась неясной. Гораздо лучше известны печи небольших гончарных мастерских.

же в городах лепили от руки. Находка в селении на месте Додоны (Эпир) лепного «микенизирующего» килика показывает, что деревенские уметели стремились подражать «модным городским формам». Здесь открыты остатки и очень простой печи гончара (G. Daux. *Chroniques des fouilles*. . . en 1967, p. 851—852, fig. 5, 7).

¹¹¹ R. J. Buck. *Middle Helladic Mattpainted Pottery*.— «Hesperia», XXXIII, 1964, p. 231—313.

¹¹² Такие иглы найдены в Мальти (M. N. Valmin. *The Swedish Messenia Expedition*, p. 362).

¹¹³ Ibid., p. 333.

Так, в Асине, в доме I открыты две овальные обжигательные печи. Под печи был вымощен галькой, скрепленной глиной, по краям укреплен рядом небольших камней. Стоящая на ребре черепица делила внутреннее пространство на две части. Свод печи был закрыт глиняной обожженной крышкой, в которой были проделаны три отверстия для воздуха ¹¹⁴. По соседству с печами в том же помещении обнаружены скопления золы и угля. Видимо, здесь была сравнительно небольшая мастерская.

В XV—XII вв. мастерство ахейских гончаров достигло своего апогея. Они изготавливали большие вместительные сосуды, вес которых благодаря тонким стенкам поражает и ныне своей легкостью ¹¹⁵. Они разработали технику покрытия внешней и часто внутренней поверхности сосудов светло-бежевой обмазкой, подчас очень жидкой (на сосудах попроще даже просвечивает фактура глины). Иногда же эта обмазка крайне плотная, очень тонкой отмученности и даже имеет несколько блестящую поверхность.

По плотному светлomu ангобу наносили росписи матовой краской, цвет которой колебался от ярко-красного до почти черного (так случается даже на одном и том же сосуде из-за неравномерности обжига).

Ассортимент гончарных изделий раннегреческих мастеров обширен. Помимо кухонной и столовой посуды изготавливали большие емкости — кратеры, амфоры, пифосы. Черепица и трубы, ванны и гробы (ларнаки), катушки, игрушки, статуэтки и статуи — все эти виды глиняных изделий были широко распространены в городах и селах Греции II тысячелетия. Нет необходимости подробно говорить о том, сколь разнообразным было потребление древесины в Греции XX—XII вв. Дерево шло на постройку судов, жилищ, на изготовление орудий труда и обиходных предметов ¹¹⁶.

Судя по указаниям эпоса, обработка дерева основывалась на детальном знании качеств той или иной породы. Так, древко копья изготавливали из ясеня, лучшее ярмо ездовых лошадей полагалось делать из бука (на колеснице царя Приама было *πόξινος ζυγόν*. — (II., XXIV, 269).

Широкое распространение бронзовых орудий позволило грекам значительно улучшить технологию обработки дерева. Плотничьи работы выполнялись разнообразными инструментами: топорами, пилами, стамесками ¹¹⁷.

---

¹¹⁴ Frödin — Persson. Asine, p. 67, fig. 66 (cp. G. E. Mylonas. The Neolithic Settlement. Excavation at Olynthus, I. Baltimore, 1929, p. 12 sq.).

¹¹⁵ Например, изящный микенский кратер (№ 42), изготовленный на Кипре между 1400 и 1230 гг., весит меньше современного глиняного кувшина емкостью в 2 литра.

¹¹⁶ Бедное население в XIV в. в Афинах хоронило своих покойников в деревянных гробах (E. Vermeule and J. Travlos. Mycenaean Tomb beneath the Middle Stoa. — «Hesperia», XXXV, 1966, p. 55—78).

¹¹⁷ H. Sultze. Die Zimmermansarbeit der mykenischen Bauten. — «Minoica», S. 394—401.

Многие источники говорят о значительном развитии столярного ремесла в додорийской Греции. Мебель, ларцы, шкатулки, блюда — все эти предметы изготовлялись мастерами самой высокой квалификации. Глиняные модели изделий мебельщиков свидетельствуют не только об умелом обращении мастера с сырьем и инструментом, но и о том, что ахейские ремесленники тщательно учитывали строение человеческого тела и стремились создать вещи, удобные для пользования¹¹⁸. Среди столяров существовала и группа, вероятно, немногочисленная, мастеров-краснодеревцев, изготовлявших изысканную мебель для ахейской знати. Пилосские записи содержат упоминания о столах, стульях и табуретках — в 13 документах серии Та перечислены изящные изделия краснодеревцев, украшенные инкрустацией из слоновой кости или расписанные¹¹⁹. Конечно, приемы инкрустации и применения вставок для украшения мебели были особенно развиты в городских столярных мастерских.

Следует особо остановиться на изобретении токарного станка, который, как полагают некоторые ученые, был известен ранним грекам уже в XVII—XVI вв. до н. э.¹²⁰ Основанием для этого предположения служит найденное в V могиле круга А в Микенах плоское блюдо из кипарисового дерева. В центре этого блюда сделано круглое точеное отверстие, позднее заткнутое пробкой. Широкое применение гончарного круга на островах и в материковой Греции вполне допускает применение какого-то приспособления с круговым движением для просверливания отверстий. Особенно важен такой прием при изготовлении круглых отверстий во втулках колес, где требовалась большая точность. Многие изображения показывают, что ахейские колесники выпускали весьма совершенные изделия этого рода. Поэтому нет оснований сомневаться в употреблении токарно-сверлильного станка, пусть в самой простейшей форме, в Греции эпохи поздней бронзы.

Прядение и ткачество имели столь же широкое развитие у ранних греков, как и у остальных народов на аналогичной ступени развития. Пряжа, льняная и шерстяная, изготовлялась с помощью веретен, на которые одевали пряслица¹²¹. Во всех поселениях и городах II тысячелетия глиняные и каменные пряслица встречаются в изобилии, причем в XV—XIII вв. форма их становится более округлой, сами же поделки получали теперь и орнамент¹²².

---

¹¹⁸ Таково, например, великолепное кресло с высокой спинкой, устойчивое и прочное. См. глиняную игрушку из детской могилы XIII в. до н. э. в Алики Глифадас («*Εργον*», 1957, σ. 17, *slx.* 16).

¹¹⁹ *Ventris—Chadwick. Documents*, p. 332—336.

¹²⁰ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 217.

¹²¹ Использование ротации веретена для ускорения прядильного процесса и для улучшения качества нити (благодаря равномерному вращению) относится к тем крупным техническим изобретениям, которые были сделаны еще неолитическим человеком.

¹²² Эволюция формы пряслиц хорошо видна на таблице находок в Асине (*Frödin—Persson. Asine*, p. 251, *fig.* 177).

С многих тысяч овец каждый год в стране настригали значительное количество шерсти. Как показали работы Киллена, в дворцовых управах Кносса и Пилоса это сырье строго учитывали. И хотя не всю шерсть обращали в пряжу, все же ее было много. Дальнейшая обработка шла на ткацком станке, видимо, вертикальном. Обычно нити на таком станке оттягивали с помощью грузил, образцы которых находили неоднократно. Ткацкие станки стояли во всех домах Греции — судя по эпосу, ткачество занимало большое место в деятельности женщин всех слоев населения, начиная от царицы и включая порабощенных невольниц. Руки искусных ткачих создавали нарядные красочные ткани, украшенные обильно узорами. Фрески второй половины II тысячелетия позволяют заключить, что технология ткачества была весьма совершенной — материи получались мягкими, пластично облегающими тело.

О сортах тканей пока ничего не известно, однако можно думать, что в ходу были и гладкие, и узорчатые материи ¹²³.

Часть пряжи перерабатывали путем вязанья. Великолепная вязаная шаль изображена на плечах женских фигур в знаменитой слоновокостной группе, найденной Уэйсом в Микенах ¹²⁴.

Краткий обзор позволяет сделать вывод, что в ахейской Греции производство материи, как тканой, так и вязаной, было рассчитано для удовлетворения не только каждодневных нужд, но и достаточно изощренных требований, особенно представительниц зажиточного и знатного населения. Рост роскоши способствовал некоторой специализации в производстве тех или иных тканей ¹²⁵.

Кожевенное дело представляет отрасль ремесла, одинаково необходимую и в городе, и в деревне. Технология обработки кож и шкур почти неизвестна, хотя в «Илиаде» подробно рассказано о ручном растягивании сырой кожи, которое осуществляет мастер со своими помощниками (XVII, 389—393). Потребление воловьей кожи было у греков весьма разнообразно — из нее изготовляли шлемы (II., X, 257—259), нагрудники, ремни, ею обивали щиты. Часть кожи шла на уключины весел. Особо тонкие сорта кожи выделялись для шитья нарядной обуви. Глиняная модель из Вулы в Аттике показывает ¹²⁶, что ахейская знать, особенно жившая в городах, пользовалась башмаками из тонкой, легко поддающейся шитью кожи. Скорняжное ремесло также занимало известное место в произ-

---

¹²³ Еще в III тысячелетии обитатели Греции искусно применяли различные приемы плетения, как показывают узорные оттиски на доньях грубой посуды (*Blegen. Zygouries*, p. 117, fig. 109). Можно не сомневаться в том, что в тканье применялись еще более разнообразные узоры.

¹²⁴ Подробное описание этой группы см. на стр. 91.

¹²⁵ Умение ахейок ткать и вязать было немаловажным их достоинством. Ахилл, например, отказывался брать в жены дочь обидевшего его Агамемнона, даже если бы она в рукодельях была подобна богине Афине (II., IX, 389). Видимо, некоторые области Греции славилась особым искусством женщин в рукоделье, например Лесбос (II., IX, 270).

¹²⁶ *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Abb. 236.*

водстве. Одежда из шкур животных упоминается в эпосе ¹²⁷, на фресках в Пилосском дворце изображено много фигур, одетых в шкуры животных ¹²⁸. Можно полагать, что в горных областях, где холода сильны и продолжительны, меховую одежду употребляли постоянно. Красильное дело развивалось в прямой связи с теми отраслями производства, где применялась полихромия. В языке тогдашних греков встречаются обозначения разных цветов ¹²⁹. Один из сильных растительных красителей, шафран, в большом количестве разводили на Крите еще в конце III тысячелетия, о чем говорит появление рисунка шафрана среди знаков письменности ¹³⁰. Сырье у красильщиков было и минерального, и растительного происхождения.

Любовь ранних греков к красочному окружению нашла отражение в многоцветных росписях стен ахейских дворцов. Здесь использовали красный, голубой, желтый, черный и другие цвета. Сначала на Крите, а затем и во всей остальной Греции широко применяли технику росписи фреской. Следовательно, уже тогда понимали, что сырая штукатурка, покрытая водной краской, может сохранять краску очень долго. Толстые канаты и тонкие веревки постоянно употреблялись и в хозяйственном, и в военном быту, а также в обиходе моряков и рыболовов. Веревки изготовляли с помощью самого простого станка, основанного на вращении, при котором скручивались вместе несколько прядей пакли. Никаких следов таких станков пока еще не обнаружено, но применение их в Греции II тысячелетия представляется нам бесспорным: великолепная сеть для поимки быков, изображенная на кубке из Амикл (Вафио), сплетена из толстого ровного каната, который мог быть сделан лишь с помощью этого несложного механизма. Поскольку здесь повторялся тот же принцип, что и при прядении нитей, нет никаких сомнений в существовании такого станка у ранних греков.

Рог и кость принадлежат к древнейшим известным человеку материалам. Доброкачественность ахейских изделий из этого сырья показывает, что греческие мастера II тысячелетия в полной мере владели технологической традицией, унаследованной ими от прежних поколений.

Использование рога до некоторой степени было ограничено следующим обстоятельством: бычьи рога очень рано получили сакральное значение как на Крите, так и в материковой Греции ¹³¹. Видимо, поэтому они редко употреблялись в качестве сырья для

¹²⁷ Правда, это одеяние приписано троянцу Долону, который накрывается волчьей шкурой и надевает шлем, обтянутый хорьковой шкурой (Il., X, 334—335).

¹²⁸ Pylos, II, p. 40 sq.

¹²⁹ Например *re-u-ko*, λευκός (Georgiev, in: «Minoica», S. 151).

¹³⁰ Evans. P. of M., IV, p. 718, fig. 703—704.

¹³¹ Культ быка вызвал к жизни изображения и модели бычьих рогов, которые очень часты в памятниках II тысячелетия. О распространенности и значении «рогов посвящения» см. ниже. Подробно рассмотрел находки сакральных изображений рогов М. П. Нильссон (M. P. Nilsson. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion². Lund, 1950, p. 165—193).

простых обиходных вещей. Иное дело — сакральные предметы или использование естественных рогов в качестве культовых символов в частных домах или в святилищах. Связь бычьих рогов с религиозным ритуалом ясно выступает в композиции серебряного ритона в форме головы быка из IV могилы круга А в Микенах (XVI в.). Этот фигурный сосуд украшен великолепными рогами, покрытыми листовым золотом ¹³².

Иное отношение ранних греков к рогам диких животных демонстрируют многие источники. Как свидетельствует эпос (II., IV, 105—113), рога дикой козы (или каменного козла) применялись для изготовления луков. В таком луке (сложном) главная сила натяжения приходилась на роговые части, что делало это оружие гораздо более эффективным, чем простой лук из чистого дерева. Видимо, с развитием военной экспансии ахейн возросла ценность сырого рога — в документах из Кносса, как уже давно отметил А. Эванс ¹³³, встречаются изображения рогов дикой козы, указывающие на строгий учет этого ценного сырья, хранившегося в царских кладовых. Примечательно, что в небольших городках или поселениях городского типа изделия из рога встречаются не так часто: например, в Мальти на протяжении более чем двух тысяч лет (от последней фазы неолита до конца эпохи бронзы) обнаружены лишь 10 роговых шильев. В отложениях среднеэлладского времени найдены два куса трубок из рога благородного оленя.

Если обработка рога велась на основе местных ресурсов ¹³⁴, то развитие костерезного ремесла шло по двум руслам: использование простой кости и изготовление дорогих поделок из импортной слоновой кости.

Простая кость шла на изготовление обиходных орудий — игл, булавок, крючков, изредка костяные пластинки употреблялись для пиксид (костяная коробочка была найдена в Дорионе). Незамысловатые формы костяных орудий обнаруживают достаточно простые приемы работы мастеров, изготовлявших эти вещи в селах и городах Греции II тысячелетия. Сравнительно редко из простой кости изготовляли небольшие фигурки ¹³⁵, гораздо чаще она встречается как материал для вставок и инкрустаций.

Употребление слоновой кости в островных землях хорошо известно в первой половине III тысячелетия — на Крит названное сырье поступало тогда из Африки благодаря коммерческим связям с Егип-

¹³² *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., S. 175.*

¹³³ *Evans. P. of M., II, 50; IV, 834.*

¹³⁴ Интересен рассказ о том, что знаменитый стрелок Пандар сам убил дикую козу, рога которой росли от головы на 16 ладоней, но отделявал эти рога и изготовлял лук специальный мастер-рогощик, *κερατοποιὸς τέκτων* (II., IV, 110).

¹³⁵ Уэйс называет костяной хранящуюся в Национальном музее Афин женскую фигурку инв. № 2578 (*E. Wace. Ivories from Mycenae 1939. I. The Ivory Trio: «The Ladies and Boy from Mycenae», p. 15*), тогда как В. Стайс перечисляет эту вещь без дополнительного определения среди изделий из слоновой кости (*V. Stais. Mycenaean Collection of the National Museum, vol. II. Athen, 1962, p. 93*).

том ¹³⁶. В материковой Греции этот материал получил широкое распространение лишь после XX в.

Находки в Като-Закро (Восточный Крит) показывают, что владельцы дворцов в XV в. до н. э. покупали целые бивни слонов и хранили их в своих кладовых наравне с другими ценными припасами ¹³⁷.

Бивни распиливали, и в дальнейшем мастера с помощью режущих инструментов придавали изделиям нужные очертания. Трудно перечислить все виды ахейских поделок из слоновой кости: статуэтки, печати, гребни, навершия для кинжалов, шкатулки (пиксиды), рукоятки ножей, оправы зеркал, вставки для украшения мебели, колесниц ¹³⁸, конской сбруи. Поверхность изделия обычно полировали — вероятно, мягкой кожей. Детали наносили нарезкой — острием ножа или шила. Иногда, как это заметно на некоторых пластинках из Спаты, фигура круга наносилась сначала острием циркуля, затем ее резали ножом.

Орнамент на слоновой кости делали не только врезным, но и рельефным, иногда изображения исполнялись в технике высокого рельефа, как, например, фигура воина на пластинке с Делоса ¹³⁹. Весьма искусны были мастера и в изготовлении круглых слоновокостных скульптур: группа из двух женщин с мальчиком, найденная Уэйсом в Микенах ¹⁴⁰, служит ярким образцом. Высокое профессиональное мастерство создателей этих скульптур обнаруживают находки в костерезной мастерской, открытой в служебно-жилом крыле кноссского дворца ¹⁴¹. Фрагменты слоновокостных миниатюрных фигурок гимнастов (наибольшая высота их 0,30—0,35 м) показывают, что круглые скульптуры изготовлялись из множества отдельных кусков, очень точно пригнанных друг к другу. Детали фигур скрепляли стержнями или шипами, для которых выдалбливали специальные пазы ¹⁴². Шипы иногда вырезывали как отросток той детали, к которой присоединяли следующую часть ¹⁴³.

Слоновокостные скульптуры украшали волосами из золотой фольги, которую прикрепляли металлическими шипами: на голове

---

¹³⁶ Редкие печати из слоновой кости, найденные Сигером на Мохлосе, у северного берега Крита (*R. B. Seager. Explorations in the Island of Mochlos. Boston—New York, 1912, p. 34, 54*), относятся еще к Раннеминойскому-II периоду, около 2800—2500 гг. В 2500—2000 гг. слоновая кость получает большое распространение на Крите, где тогда изготовляли из нее статуэтки и печати (*Evans. P. of M., I, p. 117—123*). А. Эванс указывал на африканское происхождение ввозимых на Крит бивней.

¹³⁷ Раскопки Н. Платона в Като-Закро в 1963 г.

¹³⁸ В списках царского имущества из Пилоса и Кносса неоднократно упомянуты украшенные вставками из слоновой кости предметы, например табуретки для ног (PY, Ta 722), колесницы (KN, Sa 0401) и много других.

¹³⁹ *H. Gallett de Santerre. Delos..., Pl. 23, fig. 54.*

¹⁴⁰ *A. J. B. Wace. Mycenae..., p. 83—84, fig. 101, 103.*

¹⁴¹ *Evans. P. of M., III, p. 428—433.*

¹⁴² *Ibid., p. 433, fig. 300 b.*

¹⁴³ Такой прием замечен на правой фрагментированной руке более молодой женщины в микенском слоновокостном трио. На этом срезе очень хорошо видны следы пилы.

акробата из Кносса виден правильный ряд круглых отверстий для закрепления локонов ¹⁴⁴.

В особых случаях мастера использовали целый бивень (или его большую часть) для изготовления драгоценного сосуда — такой роскошно орнаментированный ритон был найден Х. Цунтой в одном из микенских склепов ¹⁴⁵. Афинские пиксиды и коробочка из фолоса Мирсинохори свидетельствуют, что для изготовления дорогих туалетных сосудиков мастера прибегали к поперечной распилке бивня.

Изделия из слоновой кости были всегда предметом большой роскоши. Полезно сравнить насыщенность слоновой костью культурного слоя в Микенах (там открыты в нижнем городе целых два больших здания, где велась обработка кости, — «Дом Сфинксов» и «Дом ищитов»), Пилосе или Фивах с частотой слоновокостных изделий в небольших поселениях или городках Греции изучаемого времени. Отсутствие изделий из названного импортного материала в средне- и позднеэлладских отложениях скромных селений Кирры, Кораку или Зигуриеса вполне соответствует редкости этого вида кости в Дорионе.

Характерно, что в Дорионе известны только две слоновокостные находки: подвеска-амулет и навершие кинжала ¹⁴⁶.

На материке ограниченность применения слоновой кости связана и с хронологическими границами: элфантинные поделки известны лишь с XVII в., следовательно, с того времени, как быстро растущая ахейская знать стала энергично накапливать материальные ценности.

Развитие этой отрасли ремесла в Греции в XVI—XII вв. достигло высокой ступени. Примечательно, что изделия микенских мастеров вывозились тогда даже в те страны Восточного Средиземноморья, где были собственные давние традиции обработки слоновой кости ¹⁴⁷.

В заключение следует упомянуть о приеме окраски слоновокостных вставок для конской сбруи — по свидетельству эпоса, женщины Меонии (Лидии) и Карии красили эти детали пурпуром (II, IV, 141—145). Возможно, что и ахейские мастера применяли подкраску слоновокостных изделий — ведь полихромия была широко тогда распространена.

¹⁴⁴ *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., fig. 96.* Такая же хрисозелфантинная техника обнаружена на фигурке куропатки, найденной в той же мастерской в Кносе в 1960 г. (FA, XV, 1726).

¹⁴⁵ Впервые воспроизведен: *G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age, p. 196, fig. 143.*

¹⁴⁶ Эта головка была найдена в среднеэлладской могиле с останками ребенка, причем Н. Валмин отмечает, что сохранность костяного предмета и его положение в могиле ясно указывают, что оно попало в захоронение как ненужный предмет, отданный ребенку в качестве игрушки (*M. N. Valmin. The Swedish Messenia Expedition..., p. 361*).

¹⁴⁷ *H. J. Kantor. Ivory Carving in the Mycenaean Period.— «Archaeology», XIII, 1960, p. 14—25.* Особенно интересны наблюдения исследовательницы относительно слоновокостных пластинок с изображением грифов в сокровищнице Мегиддо, которые она считает микенским импортом (*ibid., p. 18—19, fig. 9*).

Что касается янтаря, то по сравнению с другими видами сырья греки II тысячелетия меньше пользовались этим приятным по цвету и по фактуре душистым материалом (добавим, что легкий вес украшений из ископаемой смолы должен был увеличить ее привлекательность). В греческие земли янтарь привозили с севера — химический анализ указывает на балтийское происхождение сукцини-та, который обрабатывали ахейские ювелиры¹⁴⁸. По-видимому, другие древние месторождения — в Румынии и в Сицилии — не были тогда известны. Обработка янтаря состояла в том, что ножом вырезали изделие нужной формы и затем полировали с помощью пемзы или какого-либо другого материала. Хрупкость ископаемой смолы и наличие природных изъянов часто затрудняли работу мастеров.

Самой распространенной формой украшения из янтаря были бусы (в виде уплощенных чечевиц) и плоские пронизи. Последние примечательны системой многих параллельных канальцев для нитей, просверленных так, что они соединены в толще пронизи маленькими канальцами, встречающимися под углом¹⁴⁹. Относительно места изготовления пронизей со сложной системой просверлин возникла большая дискуссия¹⁵⁰. Поскольку аналогичные пронизи встречены в южногерманских землях и в Англии в поселениях того же времени, то возникли предположения, что эти изделия были привезены в Грецию с севера, из германских или британских земель. Недавно В. Милойич выдвинул убедительное, на наш взгляд, предположение, что пронизи из могилы Омикрон в Микенах были сделаны в Греции и что европейские находки также созданы руками ахейских мастеров¹⁵¹. Тонкость сверлильной работы и изощренность замысла указывают, как нам кажется, на производство этих пронизей именно в греческих землях.

Янтарные бусы обнаружены, начиная с XVI в. до н. э., во многих местах материковой¹⁵² и несколько позже — островной¹⁵³

¹⁴⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 261—265; D. E. Strong. Catalogue of the Carved Amber in the Department of Greek and Roman Antiquities. London, 1966, p. 5—10; G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age, p. 104.

¹⁴⁹ Такие пронизи встречены в микенском погребальном круге Б (могила Омикрон), в более позднем фолосе А в Каковатосе и в фолосе 2 Перистерии (возле Пилоса).

¹⁵⁰ Подробно изложена Г. Кларком («Доисторическая Европа», стр. 264—265) и Д. Стронгом («Catalogue. . .», p. 16—17). Первый склоняется к тому, что северные мастера заимствовали у микенских технические приемы, стиль и форму, тогда как Стронг полагает, наоборот, что эти украшения попали в Грецию из Центральной Европы.

¹⁵¹ V. Milošić. in: «Germania», XXXIII, 1955, p. 316. Следует отметить, что С. Маринатос в 1963 г., говоря о находках в Перистерии (BSN, 87, 1963, p. 787), связывал плоские пронизи с Уэссексом (Англия).

¹⁵² Самые ранние находки — в Микенах, в могиле Омикрон круга Б и в могилах I, III, IV и V круга А. Если в могиле Омикрон ожерелье состояло из 119 бус, то в могиле V круга А найдено 1290 бусин. В Каковатосе в фолосе А помимо янтарных бус были два кольца-подвески и два восьмеркообразных щита. Подобная поделка из янтаря была найдена и в Микенах.

¹⁵³ Примечательно, что крיתия начали употреблять янтарь лишь в Позднеминойский-III период, после 1400 г. (D. E. Strong. Catalogue. . ., p. 19).

Греции. Первоначально янтарные украшения были доступны лишь высшим ахейским кругам, только в XV—XII вв. зажиточное население Греции стало употреблять поделки из ископаемой смолы. После 1400 г. появилось много новых видов бус: мастера отказались теперь от прежних, несколько бесформенных очертаний, и янтарные бусы получали такие же правильные формы, что и другие изделия ювелиров. Иногда бусины украшали продольными желобками. Изредка янтарь применяли для изготовления резных печей¹⁵⁴.

Все же сукцинит нельзя отнести к разряду широко распространенных материалов. Некоторое подтверждение этому дает эпос: τὸ Ἰάντρον упоминается лишь два раза в «Одиссее» (XV, 460; XVIII, 296). Такое отношение к янтарю, видимо, точно отражает ахейскую действительность — в последодорийские времена янтарь продолжал оставаться в обиходе сравнительно широкого круга населения не только на материке, но и на Крите¹⁵⁵. Правда, в больших массах он встречается в Греции уже в VIII—VII вв., как отмечает Д. Стронг¹⁵⁶. Проблема дорог в Греции с достаточно пространной сухопутной территорией очень рано должна была стать острой. Для перевозки грузов пользовались массивными телегами на четырех колесах, причем такие повозки были известны уже между 2200 и 1700 гг., как показывает глиняная модель из Палайкастро на Крите¹⁵⁷. Четкое различие конструкции легкой военной колесницы (известной по рельефам уже в XVI в. в Микенах) и тяжелых телег говорит о том, что греки уже в начале II тысячелетия до н. э. выполняли несколько различных типов повозок, имевших каждая определенные функции.

Развитие государственного хозяйства сопровождалось улучшением сети дорог. Сначала на Крите из Кносса на юг были протянуты мощенные камнем дороги¹⁵⁸, затем и в материковой Греции ряд важных путей получил каменное покрытие. Особенно детально ахейские дороги XV—XIII вв. изучены в Пелопоннесе¹⁵⁹. Здесь открыты и прочные каменные мосты, обеспечивавшие возможность сообщения в любое время года.

Заботы ахейских династов о мостах и дорогах доказывают, что проблема устройства наилучших путей сообщения рассматривалась как один из важных вопросов государственного хозяйства.

Пока известны пять находок янтарных украшений на Крите: в Амуре, в Кноссе (в склепе Двойного топора и из некрополя Верхних Гипсид), в Фесте и в Кидонии. На Родосе янтарные бусы также известны лишь в XIII в., тогда как на Делосе кольцевидные бусы известны еще в XV в.

¹⁵⁴ Из склепа 518 в Микенах и из могилы в Пеллене (Лакония).

¹⁵⁵ J. Boardman. The Cretan Collection in Oxford. Oxford, 1961, p. 154.

¹⁵⁶ D. E. Strong. Catalogue..., p. 22.

¹⁵⁷ S. Hood. The Home of the Heroes. London, 1967, p. 56—57, fig. 44.

¹⁵⁸ Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 303.

¹⁵⁹ Об устройстве мощеных дорог за много столетий до дорийского завоевания свидетельствуют глубокие колеи, выбитые на плитах. Такие колеи видны и у Львиных ворот в Микенах (где автор видел их в 1960 г.) и на равнинных дорогах (G. Mylonas. Mycenaean and the Mycenaean Age, fig. 78).

Обеспечение связи между жителями многочисленных островов Эгейского моря осуществлялось не только по морю. Как свидетельствует эпос, островитяне имели обыкновение в случае нападения врага на город ночью зажигать *πύρροι ἐπὶ τριτοί* («огни, следующие один за другим») и таким образом вызывать соседей на помощь (II., XVII, 207—213). Эта система частых огневых сигналов, возведших об опасности, была весьма важна в тот период, когда на море было развито пиратство.

Вполне возможно, что огневая сигнализация возникла у островитян еще во время, предшествовавшее критской талассократии, следовательно, еще в III тысячелетии, так как тогда особенно сильны были взаимосвязи островного населения.

* * *

Искусство строителей во II тысячелетии достигло высокой ступени. И в этой области ремесленной деятельности в полной мере сказывалось многообразие общественной жизни ранних греков. Так, если в городах в XX—XIII вв. уже сложилась мощная архитектурная традиция, то в отдаленных деревнях и в конце эпохи бронзы пользовались весьма архаическими строительными приемами¹⁶⁰.

Изобилие строительных материалов открывало огромные возможности перед мастерами. Дерево, камень, сырая и обожженная глина были известны очень давно. Строительные растворы применялись уже в конце III тысячелетия в островном мире и на материке (например в Лерне).

Конечно, критяне в период между XXII и XVI вв. вырвались далеко вперед в строительном деле, но в дальнейшем мастера, работавшие на материке, не только догнали критских собратьев, но и значительно продвинулись в своем искусстве.

Дерево в строительстве применялось широко. Обработанное топором, а в нужных случаях и зубилом¹⁶¹, оно шло на каркасы домов, на стропила и перекрытия каменных зданий¹⁶², а также на

¹⁶⁰ Например, в сельском поселении на месте Додоны в XIII в. возводили небольшие дома, деревянные столбы которых укрепляли очень просто: их обкладывали внизу камнями (G. Daux. *Chronique des fouilles*. . . en 1967, p. 852—853, fig. 4).

¹⁶¹ Уже в знаках ранней критской письменности встречалось изображение этого инструмента (Evans P. of M., I, p. 282).

¹⁶² Широкое употребление бревен для перекрытий царских могил в XVII—XVI вв. заставляет предполагать, что этот способ сооружения перекрытий был присущ строительной технике по всей стране. Так делали и в Микенах, как показала система царских могильных курганов В и А (G. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 91, 98—99), но особенно хорошо прослеживается конструкция в могиле Эpsilon круга В (G. Mylonas. *AM*, p. 140) и на западном побережье Мессении. В 1964 г. в Волимидии, окрестности Пилоса, раскрыто раннее царское погребение в урочище Кефаловрис: грунтовая могила имела обложенные неровно камнем стены, поверх которых находилось перекрытие из бревен, накрытых плоскими плитами камня (G. Daux. *Chronique des fouilles*. . . en 1964, p. 738, fig. 11—13).

всякого рода строительные детали, например колонны, двери или обрамления. Весьма важную функцию выполняли деревянные балки и прокладки, введенные в толщу массивных каменных кладок, — таким приемом ахейские строители добивались высокой сейсмостойкости крупных зданий. Тщательное изучение кладок в Кноссе, Тиринфе и Пилосе показало, что правила антисейсмизма аккуратно соблюдались на протяжении всего изучаемого периода¹⁶³.

С развитием монументального строительства в городах основным сырьем стал камень. Изобилие каменных пород в стране¹⁶⁴ позволило использовать не только обычные известняки, но и цветные породы, в том числе и мраморы.

При обработке камня применяли различные способы. Ломка пород уже в начале изучаемого периода велась таким образом, что добывали не только камень с грубыми рваными очертаниями, но сразу выламывали крупные плоские плиты¹⁶⁵. Орфостатная кладка из таких плит нашла широкое употребление. Однако по большей части ломали камень грубых очертаний, который шел на кладку стен¹⁶⁶.

Очень рано в Греции появилась техника кладки из штучного камня, изготовление которого стало возможным после того, как камнетесы применили массивные бронзовые топоры и зубила¹⁶⁷ в качестве инструментов. Великолепные дворцовые сооружения в Кноссе, Фесте, Маллии, Като-Закро и других местах были возведены при помощи тесаных плит уже в начале II тысячелетия. В дальнейшем штучный камень нашел повсеместное применение — от Фессалии¹⁶⁸ до Милета и Пилоса.

Точность, которой достигали строители эпохи развитой бронзы, вызывает удивление. Швы между рядами кладки и сейчас сохра-

---

¹⁶³ C. W. Blegen. Architectural Notes from Pylos. — Χρηστήριον εἰς Α. Κ. Ὁρλάνδων, I. Ἀθήναι, 1965, σ. 117—125. Милонас полагает, что эта конструктивная особенность возникла еще в период всеобщего употребления сырцового кирпича (G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age, p. 48).

¹⁶⁴ Сохранилось предание, будто царь Кадм в Фивах устроил каменоломни (Plin., NH, VII, 57: Lapidinas [invenit] Cadmus Thebis), но, вероятно, на самом деле это были не простые каменоломни, а мастерские по обработке прямоугольных плит, так как вряд ли ахейский династ в XIV—XIII вв. специально занимался бы организацией обычной ломки камня.

¹⁶⁵ Например, в Кирре во второй половине XVII в. плитовые гробницы возводили из больших плоских плит, которые обтесывали лишь с одной стороны. Длина таких грубо ломаных плит достигала 1,20 м (могила № 51), 1,60 м (могила 51), 1,45 м (могила № 54) (L. Dor, J. Jannoray, H. et M. van Effenterre. Kirrha. Etude de Préhistoire Phocidienne. Paris, 1960).

¹⁶⁶ Система кладки иногда была столь аккуратной, что, даже применяя рваный камень, среднеэлладские мастера добивались сохранения рядов (Frödin—Persson. Asine, p. 59).

¹⁶⁷ Следы лезвий зубил имеют ширину в 2 см (C. Renfrew. The Emergence..., p. 349).

¹⁶⁸ Например, в Воло была найдена золотая бляшка с изображением святыни, сооруженного из тщательно отесанных камней (M. P. Nilsson. The Minoan—Mycenaean Religion, p. 174, fig. 79).

няют горизонтальность на протяжении десятков метров (в кносском дворце). Широкие лестницы во дворцах на Крите (особенно в Фесте) до сих пор, спустя почти четыре тысячи лет, состоят из строго параллельных ступеней. Качество строительного материала следует оценить высоко еще и потому, что работники того времени пользовались сравнительно небольшим набором инструментов. Это отвес, линейка, угольник, циркуль, изображения некоторых из них сохранились в ахейской письменности¹⁶⁹. Большое значение имел рычаг, помогавший передвигать тяжести и обеспечивавший точную постановку на место крупных плит. В эпосе рычаг, *ροχλος*, упоминается довольно часто как орудие при спуске или вытаскивании на берег кораблей (например, *Od.*, X, 332).

Следует отметить, что раннегреческие строители не всегда стремились пользоваться тесаным камнем. Мастера применяли рваный камень даже в таких сложных постройках, как царские купольные гробницы — фолосы. Эти круглые сооружения обычно выводили из многих рядов столь аккуратно подобранных нерегулярных камней, что стены с внутренней стороны имели довольно гладкую поверхность. Правда, в XIV—XIII вв. самые богатые династии возводили усыпальницы из штучного камня (например, в Фивах, в Микенах).

Особо надо сказать о применении рваного камня при строительстве оборонительных сооружений. Стены ахейских крепостей в XV—XIV вв. сооружались из довольно крупных, иногда даже грубо отесанных камней, тогда как в XIII в. фортификационные линии стали возводить из огромных глыб. Самым ярким примером служат укрепления Тиринфа. Киклопическая кладка этих стен свидетельствует о высоком искусстве ахейских строителей, сумевших в сравнительно короткий срок организовать ломку огромных глыб¹⁷⁰, их доставку и чрезвычайно эффективно употребить, чтобы быстро укрепить тот невысокий холм, на котором располагались дворцовые здания.

Сырцовый кирпич, простой и недорогой материал, применяли чаще в сельской местности для жилищ небогатых слоев населения. Городские жители отводили сырцу роль вспомогательного материала — в виде постели фундаментов стен¹⁷¹ или в качестве прокладки между фундаментом и кладкой стены. Например, дворец в Тиринфе был возведен так, что основания стен (сложенные из камня, скрепленного известью) были покрыты слоем сырцовых кирпичей, поверх которых шла кладка стен. Иногда сырцом заделывали ямы¹⁷². На Эвбее, в Левканди, недавно найден целый сырцовый кирпич,

¹⁶⁹ На Крите уже между 2000 и 1800 гг. (Среднеминойский-II) появились пиктограммы с изображением орудий. См. *Evans. P. of M.*, I, fig. 214; Дж. Пендл-бери. Археология Крита, стр. 160.

¹⁷⁰ Некоторые глыбы, уложенные в стены Тиринфа, весят и ныне, несмотря на длительную эрозию под влиянием стихий, около 10—12 тонн (*G. Mylonas. Musesaeae and the Musesaeae Age*, p. 12).

¹⁷¹ Например в Среднеэлладский период в Асине (*Frödin—Persson. Asine*, p. 62).

¹⁷² Этот прием известен в Микенах.

высота которого равна 0,10 м¹⁷³. Видимо, с начала II тысячелетия размеры сырцовых кирпичей уменьшились почти вдвое по сравнению с предшествующим временем (тогда в Зигуриесе делали кирпичи примерно 0,15 × 0,20 × 0,30 м).

Блестящих результатов добились раннегреческие мастера в области строительных растворов.

Традиция применения глиняных обмазок известна на Балканском полуострове еще в эпоху среднего неолита¹⁷⁴. В III тысячелетии это покрытие употребляли и на материке (например, в Агиос-Космесе или Лерне, где в «Доме черепиц» обнаружены двуслойные обмазки), и на Крите¹⁷⁵.

После XXI—XX вв. появился новый, специально изготавливавшийся материал, состав которого в основном одинаков по всей стране — тонкий песок смешивали с раствором извести¹⁷⁶. При затвердевании образовывалась столь твердая и прочная водонепроницаемая масса, что спустя 35 веков она во многих случаях не утратила ни фактуры, ни других своих качеств. Таким раствором обмазывали полы, цистерны, водопроводы, водостоки. Применение раствора позволяло покрывать значительные площади сравнительно быстро и при не столь больших затратах. Помимо стен ахейане штукатурили алтари, очаги, каменные скамьи.

В зависимости от достатка домовладельцев оштукатуренные поверхности окрашивали однотонно или расписывали полосами, а позднее — полихромными фресками. Сохранившиеся куски этих росписей указывают на высокий расцвет фресковой живописи во II тысячелетии, особенно в столичных городах.

Наивысший расцвет строительного мастерства на Крите приходится на XIX—XV вв., в материковой же Греции — на XVI—XIII вв. В эти столетия на акрополях раннегреческих городов возвышались великолепные дворцовые комплексы, включавшие обширные парадные залы, комфортабельные жилые комнаты, многочисленные кладовые, подсобные помещения и связывавшие их воедино пространные внутренние дворы и длинные коридоры¹⁷⁷. В этих комплексах нашли применение самые передовые методы тогдашней строительной техники. Критские и ахейские зодчие с успехом решали сложные строительные задачи, что позволяет утверждать, что уже во II тысячелетии существовала богатая архитектурно-строительная

¹⁷³ G. Daux. *Chronique des fouilles...* en 1966, p. 747. На Крите в XXV—XXIII вв. изготавливали сырцовые кирпичи в 0,20 × 0,16 × 0,10 м (R. Warren. *Myrtos: an Early Bronze Age Settlement in Crete*. Oxford, 1972, p. 257).

¹⁷⁴ В Болгарии фрагменты глиняной обмазки обнаружены в селище Азмак I—II и в слое Караново VI (V и IV тысячелетия до н. э.)

¹⁷⁵ N. Warren. *Myrtos...*, p. 305—314.

¹⁷⁶ G. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 46.

¹⁷⁷ Один из недавно открытых — Пилосский дворец, раскопанный К. Блегеном в 1939—1971 гг., — мы попытались описать в кн.: Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 121—146. С тех пор, после появления монументального издания Pylos, I—III, подготовленного К. Блегеном и его коллегами, представления об этом дворцовом комплексе значительно расширились.

традиция, в устной форме передававшаяся в течение многих веков. Локальные отличия отдельных школ (заметные при сравнении критской и материковой архитектуры дворцов) еще больше подчеркивают наличие этих строительных традиций¹⁷⁸. Наличие общих инженерных канонов обнаруживается при сравнении потайных систем водоснабжения, возведенных во второй половине XIII в. в ряде крепостей. Закрытые источники водоснабжения сооружали в городах еще в среднеэлладское время. Так, на Кеосе в XVI в. в Агия-Ирини¹⁷⁹, у внешней стороны оборонительной стены, была устроена каменная лестница в 13 ступеней. По ней спускались в подземный колодец, выбитый в материковой скале. Над самим колодцем было устроено перекрытие из больших блоков. Воду доставали через отверстие в 0,40 × 0,60 м.

Искусство сооружения подобных систем водоснабжения особенно проявилось в то время, когда ахейские династы готовили свои укрепленные резиденции к длительной осаде (возможно, дорянами) и в Микенах, Тиринфе, Афинах были приняты меры к обеспечению каждой крепости водой из подземного источника. Выбитые внутри скалы удобные подземные лестницы (в Микенах она состояла из четырех маршей и более чем из 50 ступеней) красноречиво свидетельствуют о смелости и точности расчетов ахейских строителей. Знание основных законов гидравлики позволило соорудить подземный резервуар в Афинах, открытый в 1937—1938 гг. О. Брониром¹⁸⁰. Ахейские строители использовали глубокую природную расщелину. Соорудив восемь маршей лестницы, они на глубине 34,5 м достигли уровня подземного резервуара, в котором обильно скапливалась вода.

Размещение царских резиденций на крутых склонах и вершинах холмов привело к развитию террасной планировки, одним из лучших образцов которой является комплекс на микенском акрополе.

Зрелость и самостоятельность архитектурной мысли ахейян сказываются не только в великолепных ансамблях внутри крепостей¹⁸¹. Она выражается и в облике раннегреческих деревень и городов.

¹⁷⁸ Значение местных строительных традиций в сложении критской дворцовой архитектуры убедительно прослежено Дж. Грэхэмом (*J. Graham. The Palaces of Crete. Princeton, 1962*). Недавно Л. Пресс привела дополнительные аргументы в пользу этой мысли (*L. Press. On the Origin of Minoan Palatial Architecture. — «Archeologia», XXIV, 1973, p. 1—11*).

¹⁷⁹ *Caskey. Investigations in Keos, I, p. 365—367, fig. 6.*

¹⁸⁰ *O. Broneer. A Mycenaean Fountain in the Athenian Acropolis. — «Hesperia», VIII, 1939, p. 317—433.* Использовали это сооружение недолго, как показало исследование керамики из засыпи этого колодца (*J. Bérard. Le mur pélasgique de l'Acropole et la date de la descent Dorienne. — «Studies pres. to D. M. Robinson», I, p. 135—159*). Возможно, что поврежденное даже незначительным землетрясением сооружение было заброшено последующими поколениями, поскольку миновала угроза дорийской осады.

¹⁸¹ Полезно перечислить еще раз все известные ныне памятники этого типа, датируемые второй половиной II тысячелетия. На Крите после 1450 г. был восстановлен один лишь дворец в Кноссе. На других островах известен дворец династа Кеоса, на материке — резиденции царей в Микенах, Каковатосе, Пилосе,

Деревенское строительство отличалось добротностью, прочностью и некоторым консерватизмом — например, в Элевсине еще в XVIII—XVII вв. длинные, отдельно стоящие дома сохраняли апсидальную стену, по одной из коротких сторон, тогда как на противоположном конце дома часто был открытый портик¹⁸². Эта среднеэлладская деревня состояла большей частью из однокомнатных домов, самые пространственные здания были разделены поперечной стеной на главную и меньшую, вторую, комнату.

Строительство в деревне велось одинаковыми приемами на протяжении всего II тысячелетия. Как показали раскопки в Кирре, здесь принципы строительного дела оставались неизменными от раннеэлладского времени. Дома имели каменный фундамент, кладка которого состояла из одного-двух рядов камней, скрепленных глиной. Каменные основания завершались ровной горизонтальной поверхностью, на которой возводили верхнюю часть стен из сырцовых кирпичей. Примечательно, что до XVII в. селяне Кирры обычно делали каменные цоколи стен на высоту 0,40—0,50 м (при средней толщине 0,40 м), тогда как в Среднеэлладском-III В периоде каменные кладки основания достигали 0,90—1,20 м при ширине в 0,50 м¹⁸³. Кирряне возводили прямоугольные дома мегаронного типа, разделенные на 2, иногда на 3 горницы. В середине большей комнаты обычно устраивали очаг.

Гораздо более сложные архитектурные формы встречаются в городском строительстве ранних греков.

Вопрос о существовании города в додорийской Греции еще до недавнего времени вызывал ожесточенные споры. Решение его связано с анализом широкой проблемы развития городской жизни в обществах эпохи бронзы.

Следует отметить, что в последнее десятилетие усилился интерес ученых к ранним формам города¹⁸⁴. Известный исследователь Ю. Неуступный, прослеживая возникновение городских начал на территории Чехословакии, указывает, что первые различия между открытыми и укрепленными поселениями относятся еще к эпохе позднего неолита: открытые поселения располагались среди полей, а укрепления — на высоких местах, вдали от пашен. Это означает, что если в первых жили земледельцы, то население укреплений было занято деятельностью иного рода¹⁸⁵.

Тиринфе, Афинах, Фивах, Гла, Иолке, а также в Асине, Мидее. Особое место занимает Муриатада (Трифилия), где дворец местного небольшого династа вместе с домами его подданных умещался на вершине плоского холма (*Sp. Marinatos*, in: «Εργον», 1960, σ. 149—152).

¹⁸² G. Mylonas. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961, p. 30.

¹⁸³ L. Dor, J. Jannoray, H. et M. Effenterre. Kirrha..., p. 36.

¹⁸⁴ Вопрос о доримском городе в Италии был предметом специальной конференции на тему *La Città Etrusca e Italica preromana* в Болонье и Ферраре в 1966 г. В 1969 г. вышел сборник «*Siedlung, Burg und Stadt*», посвященный древнейшей истории урбанизма в Европе.

¹⁸⁵ J. Neustupný. Zu den urgeschichtlichen Vorformen des Städtewesens.— «*Siedlung, Burg und Stadt*». Berlin, 1969, S. 38—39.

Изменение характера населенных пунктов в связи с различными занятиями отдельных групп населения прослеживается и в греческих землях довольно рано. Укрепленные центры появились здесь также в эпоху развитого неолита. Во второй половине IV тысячелетия на акрополе Димини (Фессалия) были возведены простые по конструкции, но шестирядные, круглые в плане оборонительные сооружения. Вскоре Сескло (другой центр) было укреплено четырехрядной каменной стеной. Эти фессалийские крепости, возвышавшиеся лишь на 16—20 м над окрестными поселениями, надо признать начальными вехами ¹⁸⁶ того длительного пути, который прошло развитие городских начал в Греции в доахейский период. Как известно, город в развитом виде выполнял многообразные функции, являясь политическим, административным, экономическим и культурным центром той или иной территории. На самых первых порах ¹⁸⁷ возникновения поселений городского типа, когда общественное разделение труда еще не зашло далеко, в этих протогородах были развиты отнюдь не все стороны городского быта. Часто ремесленная слобода располагалась в наиболее удобных для производства местах (например, возле воды ¹⁸⁸ или глинищ), а военно-административные центры возникали на труднодоступных высотах. Понадобилось много веков для того, чтобы протогорода ¹⁸⁹ того или иного типа превратились в полноценные городские центры.

И в III тысячелетии по всей Греции продолжалось возведение укрепленных поселений. Яркие памятники такого рода известны на Кикладских островах в 2600—2400 гг. до н. э. Цитадели этого времени открыты на Сиросе (Кастри, возле Халандриани), Делосе (Кинфос), Керосе (Даскалейон), Наксосе (возле Панорма). Строители применяли различные приемы, возводя крепостные стены и жилые постройки. Кладка оборонительных линий велась насухо, тогда как в стенах домов в качестве связующего материала использовалась глина ¹⁹⁰. Глиной же обмазывали внутренние стены домов.

¹⁸⁶ Нам представляется, что выступавший на XIII Международном конгрессе исторических наук проф. А. Гарсия-и-Бельидо слишком категорично относил Димини к разряду городов.

¹⁸⁷ В последние годы открыто еще несколько укрепленных центров, стены которых были возведены впервые в IV тысячелетии. Это Одзаки, Аргисса, Арапи, Суфли (*В. С. Титов. Неолит Греции*, стр. 133). В окрестностях Велестины, в селении Магула Висвике, открыто большое здание мегаронного типа, также защищенное укреплениями (*Prehistory and Protohistory*, p. 80).

¹⁸⁸ Примером может служить городище Раннеэлладского-II периода с остатками керамического производства, открытое на берегу озера Вулиагмени в Коринфии в 1973 г.

¹⁸⁹ Понятие «протогород» для поселений Греции эпохи ранней бронзы было выдвинуто нами еще в 1966 г. (*Т. В. Блаватская. Ахейская Греция*, стр. 43, 116). Целесообразность такого термина вполне подтвердилась — уже в 1972 г. К. Ринфрю широко оперирует наименованием the proto-urban «towns» of the early bronze age, говоря о Ферми, Полиохни и других аналогичных центрах (*C. Renfrew. The Emergence...*, p. 238, 399—403). Нам кажется удачным и термин «протогородское население» (proto-urban settlement), которым пользуется Ринфрю.

¹⁹⁰ *Chr. Doulas. Notes on Early Cycladic Architecture.*— AA, 1972, S. 151—170.

Сходные приемы встречаются и на Крите — в поселении Миртос сырцовые стены домов, лежавшие на каменных кладках фундаментов, обмазывали изнутри глиной, иногда покрытой красной краской¹⁹¹.

Различие сырья обусловило раннее возникновение локальных строительных традиций: жители Киклад и Крита имели в своем распоряжении камень-плитняк и поэтому не знали системы кладки «елочкой», которая широко применялась в Аттике (в Агиос-Кос-масе).

Протогорода эпохи ранней бронзы известны во многих областях страны. В островной Греции можно назвать Филакопи I на Мелосе¹⁹². Полиохни на Лемносе, на Эвбее вырос Левканди¹⁹³, где уже в первом слое найдена керамика, изготовленная на гончарном круге. Примечательно, что Крит несколько отставал в области развития протогородских начал. Лишь в Василики, где в раннеминойское время были сооружены массивные большие дома¹⁹⁴, можно видеть эмбрион города. Для остальных критских поселений самым типичным пока остается Миртос с его характерным деревенским обликом.

На территории материковой Эллады во второй половине III тысячелетия встречаются протогорода различного характера. Некоторые представляли собой рядовые укрепленные пункты с развитым ремеслом, например Аскетарион, Рафина, Маника. Другие, подобно Лерне III в Арголиде или городищу на Эгине, были обнесены мощными стенами, укрепленными выступами и башнями. Наличие царского дома, «Дома черепиц» в Лерне говорит о том, что здесь возник военно-административный центр, господствовавший над значительной территорией. Именно такие укрепленные резиденции царей, уже тогда славившихся своими сокровищами¹⁹⁵, явились начальной формой будущих столичных городов II тысячелетия. Но эти же протостолицы в первую очередь подверглись захвату и раз-

¹⁹¹ P. Warren. Myrtos..., p. 257, 305—314.

¹⁹² Ринфрю считает Филакопи I настоящим городом (The Emergence..., p. 186), однако имеющиеся данные не дают достаточных оснований для подобной характеристики.

¹⁹³ Происходящий с Эвбеи уникальный золотой сосуд с вдавленным линейным орнаментом (Prehistory and Protohistory, p. 104) указывает на то, что в изучаемое время металлургия эвбейцев включала и ювелирное дело, служившее запросам богатого населения.

¹⁹⁴ Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 77.

¹⁹⁵ Известно, что в Раннеэлладский-II период в стране появилось довольно много украшений из золота и серебра и даже золотые и серебряные сосуды. Помимо разрозненных находок известны даже крупные клады. Например, в плодородной Фиреатидской равнине, в области Кинурия (Восточная Лакония), был найден богатый комплекс раннеэлладских драгоценностей, весьма близкий к кладу из Трои II. Клад этот издан в каталоге: A. Greifenhagen. Schmuckarbeiten in Edelmetall. I. Fundgruppen. Berlin, 1970, S. 1 ff. Грейфенхаген датировал фиреатидский клад около 2000 г., однако Р. Хиггинс считает более достоверной датой 2300 г. (JHS, XCIII, 1973, p. 270). Другим ярким примером является клад золотых изделий из Полиохни IV (L. Bernabò-Brea. Poliochni, città preistorica nell' isola di Lemnos. I, 1 — Testo; I, 2 — Tavolo. Roma, 1964).

граблению, когда в XXIII—XXII вв. во многие области Пеласгин вторглись переселявшиеся греки. Гибель Лерны III и других однотипных и современных ей протогородов показывает, что данное направление градообразования местами было тогда насильственно остановлено.

Правда, очень скоро появились новые эмбрионы городов, возникновение которых, видимо, было обусловлено не столько военно-политическими, сколько производственными факторами.

Уже на рубеже III и II тысячелетий на материке выросли поселения городского типа, в которых ремесленная деятельность носила явно недеревенский характер. Назовем в Пелопоннесе Нихорию, открытую недалеко от современного Ризомило на северо-западном побережье Мессенского залива. Около 2000 г. здесь было развито интенсивное металлургическое производство, о чем свидетельствуют найденные обломки глиняных тиглей с остатками меди и бронзы, шлаки и тонкая серая зола¹⁹⁶. На северо-западе Эгины около 2000 г. существовала ремесленная слобода, в которой гончары уже пользовались глиняными дисками для быстрого вращения изготавливаемого сосуда. Диск, выставленный в музее Эгины, имеет с нижней стороны отверстие для насаживания на вращаемую рукоятку¹⁹⁷.

Наряду с протогородами ремесленного характера в некоторых важных военно-стратегических пунктах вновь стали вырастать укрепленные центры, теперь быстро превращавшиеся в ранние города.

Эта эволюция хорошо прослежена Н. Валмином в Дорионе. Здесь около 2200 г. на месте разрушенного раннеэлладского Дориона II выросло среднеэлладское поселение Дорион III, видимо, включившее часть предшествующего населения, которое сохранило и развило многие черты жизни эпохи Ранней бронзы¹⁹⁸. Дорион III представлял собой густонаселенный поселок, просуществовавший недолго. Очень скоро он был перепланирован и укреплен массивными оборонительными стенами с мощными башнями¹⁹⁹ — теперь здесь высился сильный город-крепость Дорион IV, правитель которого господствовал над значительной территорией.

Крепости того же времени известны в Аттике на месте Браврона, в Аргосе на месте Аспида. Видимо, и в Микенах тогда же появились первые укрепления — на северной окраине акрополя открыт участок каменной стены, сходной по типу с оборонительной стеной Дориона IV, что позволяет предполагать в ней следы ранних микенских стен²⁰⁰. И на Эгине город среднеэлладского времени

¹⁹⁶ Archaeological Reports for 1972—1973, p. 17.

¹⁹⁷ P. Warren. An Early Bronze Age Potter's Workshop in Crete.— «Antiquity», XLIII, 1969, p. 224—227; idem. Myrtos..., p. 214.

¹⁹⁸ M. N. Valmin. The Swedish Messenia Expedition, p. 52—53.

¹⁹⁹ Ibid., p. 404—406.

²⁰⁰ K. K. Rowe. Mycenae 1939—1953. III. A possible Middle Helladic Fortification Wall.— BSA, 49, 1954, p. 248—253.]

был укреплен стенами, причем здесь частично были использованы оборонительные сооружения предшествующего времени ²⁰¹.

В островном мире Эллады в начале II тысячелетия шло более интенсивное градостроительство. Только некоторые острова оказались в сфере военных или переселенческих конфликтов, как, например, Полиохни на Лемносе. Во многих местах переход от высоко развитой культуры ранних Киклад к эпохе Средней бронзы происходил без каких-либо катастрофических явлений, что в соединении с расширяющимся мореходством обеспечило более интенсивный рост форм городской жизни. Так шел исторический процесс на острове Паросе, где открыт небольшой, но хорошо спланированный городок Паройкия (Фрурион), развившийся непосредственно из раннекикладского поселения ²⁰².

На Мелосе поселение Филадельфии I, испытывавшее небольшое разрушение, возможно, из-за землетрясения ²⁰³, было сразу же восстановлено, и очень скоро здесь вырос город Филадельфия II, существование которого восходит еще в XXI в. Этот мелосский центр, защищенный мощными стенами из грубо обработанных камней, был снабжен водосточными каналами, что свидетельствует о систематическом надзоре за городским благоустройством ²⁰⁴. В XVIII—XVII вв. Филадельфия II приобрел ярко выраженный характер столичного города, в котором возвышался царский дворец.

На Кеосе, в урочище Агия-Ирини, с 1960 г. ведутся раскопки еще одного города эпохи Средней и Поздней бронзы ²⁰⁵. Здесь в III тысячелетии существовало поселение, жители которого занимались не только земледелием, но и ремеслом. Об этом свидетельствует небольшая гончарная печь. Уже в конце раннекикладской эпохи здесь было возведено массивное каменное здание. По мнению исследователя Агия-Ирини Дж. Кэскея, переход от Ранней бронзы к Средней происходил без каких-либо насильственных событий ²⁰⁶. Следовательно, на Кеосе среднекикладский город явился непосредственным преемником поселения III тысячелетия.

Агия-Ирини расположен на возвышенном полуострове, с трех сторон омываемом морем. Еще в самом начале среднеэлладского времени, около 2100—1900 гг., город был защищен массивными каменными стенами. Примечательно, что башни здесь имели такие

²⁰¹ C. Renfrew. The Emergence..., p. 186. 398; Prehistory and Protohistory, p. 136.

²⁰² O. Rubenson. Die prähistorischen und frühgeschichtlichen Funde auf dem Burghügel von Paros.— «Athenische Mitteilungen», Bd. 42, 1917, S. 1—98; C. Renfrew. The Emergence..., p. 190—191.

²⁰³ Prehistory and Protohistory, p. 140.

²⁰⁴ T. D. Atkinson, J. W. Crowfoot, C. C. Edgar, R. C. Bosanquet, D. Mackenzie and G. Smith. Excavations at Phylakopi in Melos. London, 1904, p. 60—65.

²⁰⁵ Предварительные отчеты опубликованы Дж. Кэскеем в «Hesperia», 31, 1962, p. 263—283; 33, 1964, p. 314—335; 35, 1966, p. 363—376. Общие работы: J. L. Caskey. Recent Excavations in Keos.— «Atti e memorie», I, p. 68—72; *idem*. Investigations in Keos, I, p. 359—396; II, p. 357—401.

²⁰⁶ J. L. Caskey. Recent Excavations in Keos, p. 68—69.

же апсидальные очертания, как и башни раннекикладских крепостей в Лерне III, Арголиде и Кастри на острове Сиросе. Видимо, строители Агия-Ирини следовали старинной традиции пеласгических времен. Одна из башен «W», выступавшая наружу почти на 5 метров, имела внутреннее помещение. Дж. Кэскей особо подчеркнул великолепное качество кладки ранней фортификации Агия-Ирини. Зодчие, возводившие эти линии, предусмотрели также меры по сбросу дождевых вод — под стеной местами были устроены дренажные отверстия.

Среди ранних построек особого внимания заслуживает здание храма, также возведенного в начале эпохи Средней бронзы ²⁰⁷. Дома горожан того времени иногда включали небольшие полуподвальные помещения (или погреба), причем их стены имели лицевую поверхность, обращенную внутрь. Все эти особенности указывают на заботу тогдашних горожан об охране всего города и о длительном сохранении припасов, хранившихся отдельными хозяевами.

В XIX—XVIII вв. город продолжал расти, и в последней фазе Средней бронзы вокруг Агия-Ирини была возведена новая оборонительная стена, охватывавшая большую территорию. Эти поздние стены имели массивные прямоугольные башни. В северо-восточном углу крепости к башне примыкал бастион, в котором находились коридор и две прямоугольные комнаты ²⁰⁸. Эти нижние помещения, как отметил Дж. Кэскей, являлись кладовыми, над которыми находились комнаты со стенами, украшенными фресками. Кладка всей фортификационной линии XVII в. велась насухо из крупных блоков, тщательно выломанных и подогнанных ²⁰⁹.

В восточной части укреплений находились ворота, для которых в крепостной стене был сделан проем около 3 м шириной. От ворот внутрь города шел мощеный проход.

Сам город Агия-Ирини достиг наивысшей степени процветания также в конце Среднеэлладского периода. В это время внутри крепостных стен находились монументальные многокомнатные дома, некоторые из которых имели вторые этажи. Особенно примечателен дом А, расположенный вблизи городских ворот. В нижнем этаже этого здания располагалось 39 помещений различных размеров — кладовые, коридоры, лестницы. Точное назначение этого сооружения еще неизвестно. В его верхнем этаже (или этажах) находились комнаты, стены которых были расписаны фресками с изображением птиц, дельфинов, охоты на оленя и других сюжетов ²¹⁰. В ряде других домов также были стены, расписанные фресками или окрашенные одной краской.

²⁰⁷ Archaeological Reports for 1972—1973, p. 24.

²⁰⁸ Caskey. Investigations in Keos, I, p. 374—376, fig. 9.

²⁰⁹ Высокое качество кладок видно на фотографиях: «Hesperia», XL, 1971, Pl. 70 b, c; Pl. 71, b—e; Pl. 72, a. b.

²¹⁰ K. Coleman. Frescoes from Ayia Irini, Keos, I.— «Hesperia», XLII, 1973, p. 284—300.

Как и раньше, в Агия-Ирини городское благоустройство под-держивалось тщательно: вдоль улиц и переулков тянулась разветв-ленная система крытых водостоков, заканчивавшаяся специальны-ми выводными каналами под стенами города ²¹¹.

Два сильных землетрясения подорвали благосостояние города. Первое произошло в конце Позднээладского-II периода, между 1450 и 1425 гг., второе — около 1400 г. Население Агия-Ирини сильно пострадало от этих бедствий, выпавших на долю двух поко-лений. В XIV—XIII вв. в городе было мало жилых домов. Основ-ным центром оставалось лишь святилище, о котором подробно бу-дет сказано ниже (см. стр. 155).

Градостроительство самого большого острова — Крита — в конце III — начале II тысячелетия переживало стремительный подъем. Около 1900 г. в Кноссе, Фесте, Маллии и Като-Закро ²¹² были возведены первые дворцы. Остатки этих ранних комплексов свидетельствуют о высоком уровне строительного мастерства. К сожалению, рядовой город того времени почти неизвестен. Из небольших раскопок вокруг Феста, Маллии и Кносса, а также в Палайкастро, Гурнии и других местах совершенно очевидно, что качество городских построек было также весьма высоким. Это подтверждают и данные последних раскопок в Маллии ²¹³, где к западу от дворца раскрыта часть квартала, разрушенного в конце XVIII в. Здесь находилось большое многокомнатное здание. В его подвальном и первом этажах многие помещения служили кладовыми. Как отметил Ж. Пурса, все сооружение возведено по единому пла-ну, учитывающему правила симметрии. Примечательно, что зод-чий этого здания имел в своем распоряжении недорогие строитель-ные материалы: весь дом был сооружен из кирпича и битой глины, связанных местами горизонтальными деревянными балками; камень употреблен лишь в особо важных местах, например в осно-ваниях лестниц. Стены и полы были покрыты штукатуркой. Это некоторое несоответствие архитектурного мастерства и материаль-ных возможностей строителя в какой-то мере отражает, как нам кажется, те сложные социальные процессы, которые происходили тогда в критском обществе. Быстрый рост имущего населения по-родил спрос на обширные городские сооружения, которые стреми-лись возводить в возможно сжатые сроки при наличии достаточных, но не избыточных средств.

Около 1700 г. Маллия испытала, как и другие критские цент-ры ²¹⁴, землетрясение, после которого была восстановлена и просу-ществовала до XIII в. (Позднеминойский-III В период). В это время Маллия продолжала оставаться процветающим городом, где

²¹¹ Caskey. Investigations in Keos, I, p. 389—391.

²¹² Archaeological Reports for 1971—1972, p. 25.

²¹³ J.-Cl. Poursat. Decouvertes nouvelles à Mallia (Crète): un quartier du Mi-ноен Moyen.— RA, 1969, N 1, p. 189—191.

²¹⁴ Evans. P. of M., I, 299; Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 165.

сохранялась центральная площадь для городских собраний²¹⁵ и было много солидных домов²¹⁶.

Сейсмическая катастрофа на рубеже XVIII—XVII вв. отчасти способствовала дальнейшему подъему строительного мастерства критян: необходимость быстрого восстановления многочисленных зданий заставляла мастеров совершенствовать все приемы зодчества. Резко возросшая тяга царей и знати к роскоши вынуждала имущие слои тратить все большие средства на монументальное строительство. В этих условиях архитектурная мысль критян и их строительное мастерство сделали большой шаг вперед²¹⁷.

Достижения критских зодчих были перенесены критянами на подвластные им острова — Киферу, Феру и некоторые другие.

Ряд приемов критских строителей нашел применение на других островах и на материке, где с XVI—XV вв. появляется большое число городов. Помимо крупных центров, прославленных в греческой традиции (Иолк, Фивы, Орхомен, Микены, Тиринф, Аргос, Пилос), теперь стали известны многие другие. Назовем в Пелопоннесе города у современных Каковатоса, Вафио, Тейхос Димайон (Ахайя), где возвышался мощный город²¹⁸. В Фессалии раскрыт город у современной Филии²¹⁹.

Исследования мелких пунктов типа Бербати²²⁰ показали, что тогда существовали и небольшие городки-слободы, в которых основным занятием жителей было одно или несколько видов ремесла. Примечательно, что Бербати было мирно оставлено жителями в середине XIII в., видимо, из-за упадка спроса на производившиеся здесь гончарные изделия или истощения глиниц.

Известен еще один тип городов на материке — столицы базилеев средней руки. Такова была в Мессении Нихория, которая в XV—XIII вв. превратилась в процветающий город²²¹. Жители его строили тогда добротные дома из толстых каменных стен (в 0,55—0,60 м). Размеры плиты, служившей порогом одного из домов: 1,30 × 0,50 × 0,10 м, что указывает на крупный дверной проем.

Расположенный на холме город имел несколько террас, которые поддерживались солидными подпорными стенами²²². Одна из таких стен была возведена еще в 1500—1450 гг.

²¹⁵ H. et M. van Effenterre. Fouilles exécutées à Mallia. Le centre politique. I. L'Agora (1960—1966). Paris, 1969.

²¹⁶ O. Pelon. Fouilles exécutées à Mallia. Explorations des maisons et quartiers d'habitation (1963—1966), III fasc. Paris, 1970.

²¹⁷ Мы не останавливаемся на дворцовом строительстве на Крите, так как данная огромная отрасль зодчества является предметом обширной специальной литературы. См., например, J. W. Graham. Palaces of Crete.

²¹⁸ «Ἡρόων», 1966, σ. 156—158.

²¹⁹ G. Daux. Chronique des fouilles... en 1966, p. 703—707. Этот город переживал подъем в Позднеэллинистический-III период.

²²⁰ Åke Åkerström. A Mycenaean Potter's Factory at Berbati near Mycenae.—«Atti e memorie», I, p. 48—52.

²²¹ W. A. McDonald. Excavations at Nichoria in Messenia: 1969—1971.—«Hesperia», XLI, 1972, p. 218—273.

²²² Ibid., p. 255—256.

Нихория была ремесленным и административным центром. Правившая здесь между 1400 и 1300 гг. династия имела немалые доходы, судя по дарам, положенным в царскую усыпальницу ²²³.

Степень комфортабельности жизни в небольших центрах материка известна еще мало. Некоторые свидетельства, как, например, терракотовая ванна в обычном доме в городке Палайохорафе ²²⁴ (в 15 км к северо-востоку от Пилоса), позволяют говорить о том, что в те времена заботились о гигиенических удобствах.

Пиратство в Эгейском бассейне наложило печать на градостроительство островной Греции. Для него характерно возведение хорошо укрепленных городов. На Эгине под основаниями храма Афродиты открыты стены и башни крупной ахейской крепости. На Наксосе обнаружены руины большого города у современного Наксоса ²²⁵, другой ахейский город стоял на месте современной Лигаридии ²²⁶. Город Агиос-Андреас на острове Сифносе защищала мощная цитадель с 8 башнями и тремя воротами ²²⁷. Наличие стольких ворот указывает на весьма интенсивное движение и перемещение многих групп горожан и сельчан.

Особое внимание было уделено укреплениям Милета, основанного на берегу Малой Азии еще критянами, но с XV в. ставшего ахейским городом.

Даже краткое перечисление известных ныне ахейских городов показывает, сколь интенсивным было градостроительство во II тысячелетии. Многочисленность этих центров говорит о важных изменениях, происшедших в общественной жизни. В сфере материального производства это свидетельствует о подъеме производительности сельского хозяйства: труд земледельцев доставлял столько продукции, что уже значительная часть общества могла совершенно отойти от обработки земли. Происходил сложный процесс дифференциации сельского и городского населения. Различие интересов земледельцев и ремесленно-торгового населения городов не достигало еще особой остроты, но все-таки уже наблюдалось некоторое обособление среди этих двух групп свободных в силу далеко зашедшего разделения труда.

Скопление большого числа жителей в городах ставило особые задачи перед ахейскими зодчими. Градостроители должны были думать об упорядочении дорог возле городов, искать способы наилучшей планировки и размещения домов на пересеченной и сравнительно ограниченной территории. В крупных городах, таких, как Микены, в центральных кварталах нижнего города дома или имели смежные стены (например, Дом сфинксов и Дом маслоторговца),

²²³ В полуразрушенном фолосе под Нихорией найдены добротные бронзовые сосуды, оружие и различные драгоценности (Archaeological Reports for 1972—1973, p. 16, fig. 30).

²²⁴ G. Daux. Chronique des fouilles... en 1961, p. 730, fig. 15.

²²⁵ Archaeological Reports for 1967—1968, p. 18—19 (работы Н. Контолеона).

²²⁶ G. Daux. Chroniques des fouilles... en 1967, p. 959.

²²⁷ Archaeological Reports for 1972—1973, p. 25, fig. 54.

или были разделены узкими переулками (между Домом маслоторговца и Западным домом тянется проход шириною около 1,5 м). На окраине, судя по дому I, раскопанному в 1962 г., дома стояли более свободно ²²⁸.

Нам уже приходилось писать об искусных расчетах зодчих, которые обнаруживает планировка акрополей в столицах ахейских царств в XIV—XIII вв. Эти комплексы возводили лучшие мастера своего времени, которых в пределах каждого поколения насчитывалось, вероятно, не больше четырех-пяти десятков на всю страну. Но сколь бы ни были гениальными эти одаренные инженеры, они не могли бы поднять строительное искусство на такую высоту, если бы во всей Греции не работало тогда значительное число, пусть более скромных, но все же очень умелых строителей. Именовавшийся обычно *τέκτων*, такой мастер, судя по эпосу, пользовался большим уважением современников. Примечательно, что, сравнивая борцов в «Илиаде», поэт пользуется образом, навеянным практикой строителей. Одиссей и Эант схватили друг друга так крепко, словно стропила, которые в кровле высокого дома спланивает прославленный строитель, противоборствуя силе ветров (II, XXIII, 712—713). Видимо, эта картина была особенно близка слушателям аэдов, ценившим искусство строителей. Хотя в эпосе упоминаются два вида крыши, плоская и двускатная, все же поэт обратился к седловидному перекрытию, более сложному по конструкции. Вообще, в эпосе сюжеты, связанные со строительством, излагаются всегда с большой обстоятельностью и любовью, причем им уделено много места.

По проектам рядовых мастеров (часто и с помощью их собственных рук) в селах и небольших городках возводили свои жилища люди среднего достатка и более бедные слои. Частые землетрясения на юге Балканского полуострова заставляли предъявлять особые требования к прочности домов, оборонительных сооружений, улиц и даже дорог. Как показывают раскопки многочисленных селищ и городищ, рядовой ахейский строитель успешно справлялся с этими задачами.

Чтобы иметь более ясное представление о градостроительстве широких слоев населения, полезно остановиться на описании ставшего недавно известным небольшого прибрежного городка в Лаконии.

²²⁸ Судьба этого микенского дома детально прослежена археологами. Расположенный довольно далеко от входа на акрополь (в 50 м к северу от Большого фолоса, так называемого Атрея), дом, судя по инвентарю в нем, принадлежал среднему горожанину. В его главной комнате (5,25 × 4,40 = 23,1 м²) пол был покрыт толстым слоем строительного раствора. В середине на 0,20 м от пола возвышался круглый очаг, имеющий диаметр в 0,70 м. Над очагом в крыше здания было отверстие для дыма, проходившего через толстую цилиндрическую трубу из обожженной глины, — приспособление, охранявшее крышу от опасности пожара. Вокруг очага лежала разбитая посуда — простая кухонная и более изящная, столовая (расписная). Дом I погиб во время землетрясения около 1250 г. Все жители успели покинуть его, кроме одной женщины, которая на пороге была придавлена обрушившейся стеной (G. Mylonas. *Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 83, fig. 70—73).

Городище расположено на южном берегу полуострова Малая, на окраине плодородной долины Ватика ²²⁹. Так как за прошедшие три тысячи лет уровень воды в Средиземном море поднялся почти на 4 метра, то ныне низменные районы городка оказались под водой, а более возвышенная южная часть его образует в настоящее время островок Павлопетри, отделенный от материка полосой мелководья шириною около 200 м.

Лежащий в 700 м к югу от современного берега материка гористый остров Элафонисос также был в древности частью суши — в I тысячелетии он составлял полуостров Онугнаф, «Ослиная челюсть» ²³⁰. Таким образом, исследуемый ахейский городок лежал в глубине большого залива (современный Ватикский залив). Защищенность этого места от бурь и штормов весьма высокая, как показывает хорошая сохранность остатков домов на глубине всего лишь 2—3 м, видимо, сюда не доходили даже сильные волны ²³¹.

Еще В. Лиик, побывавший на месте в 1806 г., видел древние могилы, вырубленные на склоне известняковых скал ²³², омываемых морем. Движущиеся песчаные дюны в значительной мере закрывают теперь этот прибрежный некрополь.

Городище Павлопетри прослеживается в основном на затопленной морем площади, начинаясь приблизительно в 50 м к юго-западу от линии современного берега. При этом восточная часть объекта плохо доступна обозрению, так как и здесь происходит образование песчаных наносов. Строительные остатки четко выступают на площади около 300 × 100 м., но все городище было значительно больше (исследователи полагают, что оно достигало 10 га).

В основном городок располагался на низменной местности, но гористый участок современного островка Павлопетри был также заселен. На нем были найдены черепки начиная от Раннеэладского времени ²³³. Примечательно единство форм и техники изготовления посуды III тысячелетия в Павлопетри и приемов керамического дела на островах — на ближней Кифере и на Сиросе ²³⁴.

---

²²⁹ A. Harding, G. Cadogan, R. Howell. Pavlopetri: an Underwater Bronze Age Town in Laconia.— BSA, 64, 1969, p. 113—142, Pl. 24—23. Все приведенные ниже сведения о городке почерпнуты из этой весьма обстоятельной публикации.

²³⁰ О мысе Ослиная челюсть упоминают Страбон (VIII, 5, 1), Птолемей (III, 16, 9) и Павсаний (III, 22, 10), так что отделение его от суши произошло за два последние тысячелетия. Глубина моря в проливе сейчас достигает трех метров.

²³¹ Удачный выбор места для приморского городка показывает, что ахейские градостроители придавали большое значение рациональному расположению населенного пункта.

²³² W. M. Leake. Travels in Morea, I, 1830, p. 509.

²³³ A. Harding, G. Cadogan, R. Howell. Op. cit., p. 127.

²³⁴ Ibid., p. 133. Указанные исследователями параллели ведут не только в области Кикладской культуры. Аналогичная керамика была найдена и в Мессении, на урочище Элленика (в районе древней Фурии), отстоящей не меньше чем на 10 км от берега моря (W. A. McDonald, R. Hope-Simpson. Prehistoric Habitation in Southwestern Peloponnese.— AJA, 65, 1961, p. 250—251, N 78, fig. 14). Этот факт представляется весьма важным для более глубокого выяснения единства культуры материка и островов в III тысячелетии.

Подъемный материал эпохи Средней бронзы повторяет посуду среднеэлладского времени из двух областей Лаконии, с острова Кифера и ряда Кикладских островов²³⁵. Все эти данные о заселении территории Павлопетри в III — первой половине II тысячелетия указывают на длительную традицию обитания. Поэтому весьма важно отсутствие каких-либо следов особо монументальных сооружений XVI—XIII вв. на самой возвышенной части всего урочища (судя по цифрам на рис. 3, островок достигает 36 м в высоту над современным уровнем моря, следовательно, в ахейские времена он возвышался приблизительно на 40 м). Данный факт позволяет предполагать, что в таком небольшом приморском городке не существовало членения на акрополь и нижний город. Иными словами, здешнее административное звено ахейской государственной системы было столь незначительным, что оно не требовало выражения посредством особых градостроительных форм.

Предварительное изучение сохранившихся под водою руин показало, что во второй половине II тысячелетия городок состоял из многих кварталов. Главная улица (№ 1), тянувшаяся с юго-запада на северо-восток, имела в среднем ширину в 3 м. Под прямым углом к ней подходили улицы № 2 и 4. В южном конце улица № 1 делает изгиб, и здесь под углом в 30° к ней подходит улица № 3, частично мощеная²³⁶. В других частях городища прослеживаются следы еще нескольких улиц. Таким образом, городок состоял из четко обозначенных кварталов.

Дома были сложены из солидных стен шириною до 0,60 м, причем мастера так хорошо подбирали камень, что нет никакой разницы между кладкой внутренних и внешних стен.

Здания стоят довольно свободно, при двух домах (II и VIII) имеются дворы, обнесенные каменной оградой.

Жители ахейского Павлопетри заботились об удобном жилье — хотя дома здесь не имели строго прямоугольного плана, однако они были пространные (в 225, 192, 130, 220, 140, 160 кв. м.) и многокомнатные. В некоторых случаях заметно, как по мере надобности к дому пристраивали новые помещения. Примечательно, что мегаронная планировка здесь почти отсутствует (лишь здание VII имеет помещение, сходное с мегароном). Все 13 домов изучаемого времени сходны по характеру, что указывает на примерно одинаковый уровень благосостояния их владельцев. Здания Павлопетри значительно крупнее, чем дома того же времени в поселении Кора-

²³⁵ A. Harding, G. Cadogan, R. Howell. Op. cit., p. 135.

²³⁶ Ibid., p. 123. Исследователи заметили, что в двух местах улицы были перегорожены косыми стенками так, что лишь в одном конце их оставался проход шириною около 1 м. Археологи полагают, что это субструкции пандусов или лестниц, ведущих на первые этажи примыкавших домов. Если принять это объяснение, то необходимо сделать вывод: в мелком ахейском городке не все улицы были рассчитаны на колесное движение, некоторые были доступны лишь пешеходам и всадникам. Правда, и в средневековых городах Европы наблюдалась та же практика.

ку, где большинство жилищ имело 2—3 комнаты и лишь дом Р насчитывал 6 помещений²³⁷. Очевидно, это зависело от разницы в материальном достатке сельчан и горожан.

Даже беглое знакомство с планировкой столь небольшого городка, как ахейский Павлопетри, показывает, что тогдашние градостроители с успехом применяли свои знания для создания наиболее благоприятных условий не только в столицах, но и в скромных центрах, заселенных ремесленниками, моряками и отчасти земледельцами. Вместе с тем характер жилищ в этом окраинном городке резко отличается от более строгих очертаний частных домов столичных городов, таких, например, как Микены²³⁸.

В эпоху Поздней бронзы ряд необитаемых ранее мест был заселен ахеянами. Выше названы такие пункты в Мессении. И на островах происходили аналогичные процессы. Например, новое поселение возникло с XIV в. на острове Итака у современного Трис Лангадас²³⁹.

Итак, изучаемый период был наполнен напряженной созидательной деятельностью. В XXIII—XIII вв. значительно продвинулись вперед познания в одних областях производства, а в других — возникли совершенно новые отрасли знаний. Отмеченный процесс нашел яркое отражение в мировоззрении ранних греков. Впервые в истории человеческой мысли они сформулировали идею о том, что человек добывается знаний и овладевает стихийными силами природы лишь своей силой и смелым дерзанием. Образ Прометея, давшего людям познание и мастерство ценою собственных мучений, выражает глубокую веру греков эпохи бронзы в могущество разума и труда.

---

²³⁷ C. W. Blegen. Korakou, a prehistoric Settlement near Corinth. Boston — New York, 1921, p. 79—99.

²³⁸ Интересно, что в деревнях, как показывает план Кораку (C. W. Blegen, Korakou..., Pl. VIII), регулярная планировка отсутствовала.

²³⁹ S. Benton and H. Waterhouse. Excavations in Ithaca: Tris Langadas.— BSA, 68, 1973, p. 1—24.

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУК: СЧЕТ, ПИСЬМО, ГЕОГРАФИЯ, МЕДИЦИНА

Предыстория ахейской грамотности уходит в эпоху неолита на Балканском полуострове. Еще в раннем неолите в Фессалии вошли в употребление печати из камня¹ или глины преимущественно с геометрическими рисунками². Узоры этих штампов, называемых пинтадерами, являлись условными знаками. В среднем неолите в Фессалии известны нанесенные на посуду отдельные символические знаки, например знак трезубца. А в Сескло была найдена³ четырехсторонняя глиняная табличка с вырезанными на ней различными знаками (черточки, крестики и др.).

В IV тысячелетии в соседних с Грецией землях население стало шире употреблять знаки, вырезанные или оттиснутые на сырой глине. Например, в поздненеолитическом поселении Ситагры (Македония) были найдены глиняные штампы — цилиндры с нарезным орнаментом⁴. Уже в середине или во второй половине IV тысячелетия племена, населявшие северо-западные области современной Болгарии, имели пиктографическую письменность, знаки которой являлись точными или схематичными рисунками предметов, означавших отдельные понятия. Свидетельством этому является глиняная табличка с четырехстрочной надписью, найденная в 1969 г. в халколитическом слое селища Градешница во Врачанском округе в Болгарии⁵. Табличка из Градешницы хорошо датирована временем между 3500 и 3000 гг. Она открыла важнейший факт в древнейшей истории культуры — оказалось, что на Балканском полуострове письменность возникла много раньше, чем на Крите, где пиктографическое письмо известно лишь со второй трети III тысячелетия⁶. Весьма важно и то, что, как отметил В. Георгиев,

¹ A. J. B. Wace and M. S. Thompson. Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912, p. 149 (пинтадера из Цани).

² V. Milojević. Zur Frage der Herkunft des Mäanders. — «Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz», XI, 1964. Mainz, 1965, S. 64—65.

³ G. Daux. Chronique des fouilles... en 1965, p. 862, fig. 3.

⁴ C. Renfrew. Sitagroi, radiocarbon and the prehistory of south-east Europe. — «Antiquity», XLV, 1971, p. 275—282; *idem*. The Emergence..., p. 411.

⁵ Б. Николов. Глиненa плочка с писмени знаци от с. Градешница, Врачански окръг. — «Археология». София, 1970, № 3, стр. 1—7; В. Георгиев. Писмеността върху глинената плочка от с. Градешница. — *Ibid.*, стр. 7—9.

⁶ Evans. P. of. M., I, p. 68; Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 68, 88.

некоторые знаки таблички Градешницы имеют аналогии в более позднем критском пиктографическом письме.

Племенной мир Балканского полуострова в конце IV — начале III тысячелетия пользовался пиктографическими знаками довольно часто, как свидетельствуют знаки, вырезанные на сосудах, относящихся к культуре Винча — Тордош (Югославия — Румыния — Болгария), и на найденной недавно печати из Караново (Болгария)⁷ Три таблички из Тэртэрии⁸, датируемые второй половиной III тысячелетия, дополняют картину. Примечательно разнообразие знаков на табличках, указывающее на сильную традицию пиктографии в землях Семиградья.

Перечисленные находки показывают, что балканский массив индоевропейских племен создавал свою самостоятельную письменность почти в то же самое время, что и шумеры в Месопотамии, у которых древнейшее письмо известно в середине IV тысячелетия. Что касается египетской пиктографической системы, созданной во второй половине IV тысячелетия, то она одновременна с балканской пиктографией. Тем самым окончательно устраняется давно уже устаревшая гипотеза о появлении письменности в Греции под воздействием Египта. Более правдоподобно, что письмо эпохи Ранней бронзы возникло в Элладе на основе пиктографии, созданной племенами Балканского полуострова еще в эпоху халколита.

В III тысячелетии употребление разных меток и пиктограмм засвидетельствовано во многих местах. Интересным примером монументального рисуночного письма являются петроглифы, открытые на Наксосе. Там на выходе мраморных скал около XXIV—XXIII вв. были выбиты молотком рисунки, рассказывающие об охоте на дикого козла, о танцах охотников и плавании на судне⁹.

О постепенном усложнении письменности говорят памятники глиптики эпохи Ранней бронзы. Первоначально печати имели геометрические узоры, в которых преобладали мотивы меандра, спирали, петли, лабиринта. Весьма показательна серия 150 оттисков печатей из «Дома черепиц» в Лерне¹⁰, которая свидетельствует о высоком мастерстве резчиков печатей. Они искусно использовали небольшое число геометрических мотивов для создания многообразных тонких рисунков¹¹. На Крите в Раннеминойском-III периоде

⁷ В. Миков, Г. Ил. Георгиев, В. Георгиев. Надписът върху кръглия печат от Караново. — «Археология». София, 1969, № 1, стр. 4—13.

⁸ N. Vlassa. Chronology of the neolithic in Transilvania in the Light of the Tărtăria settlement's stratigraphy. — «Dacia», n.s., VII, 1963, p. 485—495. Датировка Н. Влассы была уточнена: E. Neustupny. The Tărtăria Tablets: a Chronological Issue. — «Antiquity», XLII, 1968, p. 32—34.

⁹ Раскопки Хр. Думаса в урочище Корфутъ Арониу см. Archaeological Reports for 1966—1967, p. 17—18, fig. 28.

¹⁰ M. C. Heath. Early Helladic Clay Sealings from the House of the Tiles at Lerna. — «Hesperia», XXVII, 1958, p. 81—121, Pl. 19—29.

¹¹ Печати с геометрическими узорами были найдены в Зигуриесе (Blegen. Zygouries, p. 189, Pl. XXI, 4), в Асине (Frödin—Persson. Asine, p. 234—239),

(в XXV—XXIII вв.) на печатях начали вырезать фигуры людей и животных, что означало дальнейшее распространение системы идеографического письма, при котором рисунок — идеограмма — передавал определенное понятие. Уже в XXI—XX вв. на критских печатях можно видеть сложные композиции из рисуночных знаков. Тогда же продолжали употреблять и совершенно условные знаки типа трезубца, креста, звезды¹². Со временем пиктограммы писали все более схематично, так что знаки упростились и приобрели весьма суммарные очертания. Такие схематические пиктограммы, состоящие только из линий, А. Эванс назвал линейными¹³. Линейное пиктографическое письмо отражает активную деятельность использовавшего его общества, направленную на совершенствование этого вида связи. Теперь были изобретены вспомогательные знаки, обычно черточки и крестики, которые указывали начало или направление письма, а также отмечали использование пиктографического знака в значении только идеограммы¹⁴.

Тогда же была выработана очень стройная система числовых знаков, основанная на десятиричном счислении. Счет единицам, десяткам, сотням и тысячам велся при помощи удобных и ясных знаков. Видимо, в конце III — начале II тысячелетия население Эллады придавало большое значение точности и скорости числовых записей. Отмеченная тенденция вполне соответствует тем процессам внутри общества, которые находили выражение в росте протогородов периода Ранней бронзы и возвышении некоторых царств.

Письменность применялась не только высшими слоями общества, но и представителями ремесленного населения. Например, в раннекикладском городе Филакопи I на Мелосе в XXIII—XXII вв. изготовители обиходной посуды оттискивали на сосудах разнообразные знаки-метки и числовые обозначения¹⁵.

Появление ранних государств сначала в островной, а затем и в материковой Греции привело к дальнейшему усовершенствованию грамоты. Письменность была упорядочена и приведена в систему, причем ввели новый принцип употребления знаков: пиктограммы, обозначавшие раньше целые отдельные слова (понятия), приобрели значение только начальных слогов этих слов. Напри-

в Агиос-Космасе (*G. Mylonas. Aghios-Kosmas*, p. 28—30, 157—159). Ринфрю полагает, что в Лерне, Тиринфе и Зигуриесе были найдены оттиски одной и той же печати со спиральным орнаментом (*C. Renfrew. The Emergence...*, p. 579, Pl. 23, 1a — c), однако на фотографиях заметна разница штампов. Правда, орнамент всех трех оттисков одинаков.

¹² *Evans. P. of M.*, I, p. 639.

¹³ Древнейшее письмо Крита было детально исследовано А. Эвансом (*P. of M.*, I—IV и «*Scripta Minoa*, I»). По сходству принципа рисуночного письма Крита и Египта Эванс назвал критские пиктограммы иероглифами, выделив две ступени — А и Б.

¹⁴ Памятники этой фазы письменности были найдены во многих местах Крита, но особенно важны надписи, обнаруженные в Фесте в слое «Древнего дворца», датируемого 1900—1700 гг. (*L. Pernier, L. Banti. Il Palazzo Minoico di Festos*, I. Roma, 1935, p. 399—429).

¹⁵ *C. Renfrew. The Emergence...*, p. 412, fig. 19.2.

мер, как показал А. Эванс¹⁶, знак секиры означал гласный звук *a*, так как по-гречески секира называлась *ἄξινη*. Таким образом возникло слоговое письмо, называемое обычно силлабарием. Наряду со слоговыми знаками в письме было сохранено несколько десятков идеограмм, особенно полезных в счетных записях. Так как очертания самих знаков приобрели теперь весьма схематический характер, то, как уже говорилось, А. Эванс и назвал этот вид письмен линейной письменностью, выделив более раннюю ступень — линейное письмо А и более позднюю — линейное письмо Б. Как силлабарий А явно ведет свое происхождение из пиктографической письменности¹⁷, так и более позднее, линейное письмо Б родственно линейному А¹⁸. Создававшееся в период активного взаимопроникновения ранних греческого и пеласгского языков¹⁹, линейное письмо А представляет большие трудности для его понимания. До сих пор лингвисты не смогли установить фонетического значения многих из главных 85 слоговых знаков этого письма. Часть силлабограмм находит убедительное объяснение при помощи греческого языка²⁰, некоторые знаки получили объяснение в параллелях из индоевропейского языка, на котором говорили лувийцы²¹. Следует помнить, что слоговая письменность А была создана в очень ранний период сложения греческой народности²², когда существовали архаические языковые формы, позднее полностью исчезнувшие. К тому же употребление силлабария А на обширной территории — на Крите, других островах²³ и в материковой Греции²⁴ — должно было породить множество локальных особенностей.

Даже при нынешнем состоянии изучения текстов, написанных линейным письмом А, эти источники сообщают много важных данных. Известны короткие надписи на предметах, связанных с религиозными обрядами. Весьма интересны счетные записи из дворцов в Кноссе, Фесте и Маллии. Как справедливо подчеркнул Н. Платон²⁵, собрания этих документов впервые представляют настоя-

¹⁶ Evans. *Scripta Minoa*, I, p. 195.

¹⁷ Evans. *P. of M.*, I, p. 612.

¹⁸ Например, около 50 знаков письма Б взяты из линейного А.

¹⁹ Не говоря о взаимодействии с локальными языками других мелких племенных групп, которые были ассимилированы греками (например, на Крите греки застали этеокритян).

²⁰ Vl. Georgiev. *Les deux langues des inscriptions cretoises en linéaire A*. Sofia, 1963.

²¹ D. Davis, *The Minoan Pictographic (Hieroglyphic) and Linear A deciphered.* — «*Atti e memorie*», I, 395—400.

²² Самые ранние записи линейным письмом А найдены в 1950-х годах в Фесте в слое около 2000 г. (*Ventris-Chadwick. Documents*, p. 31).

²³ На Кеосе недавно найден сосуд, на котором до обжига был вырезан знак линейного письма А (*Archaeological Reports for 1966—1967*, p. 17, fig. 25). Много знаков этого письма встречается в сосудах, найденных на Фере и Мелосе (в слоях Филакопи II и III).

²⁴ На медном сосуде из могильного круга А в Микенах (*J. Mylonas. Mycenaean and the Mycenaean Age*, p. 93).

²⁵ *Prehistory and Protohistory*, p. 217.

щие архивы. Теперь для записей стали употреблять прямоугольные таблички, которые покрывали письменами с одной или двух сторон. Любопытно, что тогдашнее население Греции выработало направление письма слева направо и последовательными строками сверху вниз — этот прием сохранило и современное европейское письмо.

Линейное письмо А просуществовало около 500 лет. Наряду с ним на Крите сохранялось пиктографическое письмо, которое применяли, по-видимому, лишь для сакральных записей²⁶. Однако пиктограммы, бывшие в ходу в XVIII в., сильно отличались от старинного рисуночного письма²⁷.

Употребление критянами в XVII в. двух систем письма, одна из которых, пиктографическая, предназначалась специально для сакральных текстов, позволяет нам высказать некоторые соображения об упоминании письма в «Илиаде» (VI, 168—170). Знаменитое послание Пройта, с которым он послал Беллерофонта в Ликию, было написано на свернутой табличке (ἐν πίνακι πτυκτῷ), возможно, бронзовой, «гибельными знаками» — σῆματα λυγρά. Беллерофонт не знал этих писмен, да и в эпосе о них говорится с оттенком страха и отвращения. Данное место обычно толковалось как свидетельство полной неграмотности ахейских героев и, следовательно, как аргумент в пользу того, что эпос возник лишь тогда, когда была полностью забыта ахейская письменность²⁸. Между тем логичнее предположить, что Пройт и его тесть пользовались для сообщений старинной пиктографией, уже незнакомой всем жителям Греции в годы жизни Беллерофонта, жившего, судя по эпосу, за два поколения до Троянской войны²⁹.

В Греции в XVII—XVI вв. шло интенсивное формирование различных институтов государственной жизни. При этом господствующие слои энергично использовали все достижения того времени, в том числе и силлабарий А, для укрепления своего авторитета. Но это было время, когда критская талассократия уже вызывала враждебное отношение в тех землях, которые были захвачены критскими династиями или могли испытать агрессию Крита. По-видимому,

²⁶ Самый яркий памятник — глиняный диск из Феста, покрытый надписью, сделанной оттисками печатей с рисунчатыми знаками. Текст этот до сих пор не расшифрован. А. Эванс высказал убедительное предположение, что это — надпись священного гимна (P. of M., I, p. 661).

²⁷ По-видимому, в XVII в. критская пиктография имела установленные формы. Об этом позволяет заключить сходство знаков на диске из Феста и на votивном бронзовом двойном топоре из Аркалохори, находящемся на расстоянии более 40 км от Феста. Один из знаков фестского диска отнесен также на глиняном комке из Феста (I. Pini. Zum Diskos von Phaistos. — «Kadmos», IX, 1970, S. 93).

²⁸ Например, Лоример предлагает датировать рассказ Беллерофонта VIII в. (H. Lorimer. Homer and the Monuments. London, 1950, p. 474).

²⁹ В этой связи следует вспомнить рассказанное Плутархом предание о письменах, найденных в могиле Алкмены и понятных только египетским жрецам (Plut. De gen. Socr., 5). Вполне логично предположить, что в этом известии сохранились воспоминания о пиктографическом письме, известном в Греции II тысячелетия только лицам, связанным с тайнами ахейских религиозных текстов.

эта отрицательная реакция оказала воздействие на пути развития слоговой линейной письменности: в двух регионах творческая энергия грамотных людей оказалась направленной на изменение основных принципов и некоторых форм линейного письма А, чтобы приспособить их к локальным наречиям.

Так произошло на Кипре, где в XVI в. уже появился местный вариант критского силлабария А, употреблявшийся киприотами на протяжении тысячи лет.

Нам кажется, что аналогичное явление имело место и в материковой Греции. Там после 1400 г., как показали недавние находки в Фивах ³⁰, вошел в употребление новый и много более совершенный вариант линейного письма. А. Эванс, впервые встретивший таблички с этими письменами в Кноссе в слое около 1400 г., назвал эту систему линейным письмом Б. Так как силлабарий Б употреблялся на Крите только в Кноссе ³¹ в краткий период правления там ахейской династии около 1450—1400 гг., то А. Эванс предположил, что это письмо было выработано кносскими писцами для греческого языка, на котором говорила захватившая Кносс ахейская династия ³². Многочисленные находки, сделанные после 1939 г. в Пилосе, Микенах, Фивах и других местах, показали, что между 1400 и 1200 гг. по всей Греции было распространено линейное письмо Б, близко родственное силлабарии А, но в то же время значительно более совершенное. Это обстоятельство позволяет нам высказать следующее предположение: в период обострения политического соперничества между династиями материковой Греции и могущественного тогда Крита, что должно было иметь место в XV в., в одном из ахейских государств группа высококвалифицированных писцов переделала линейное письмо А, улучшив его знаки. Одновременно были добавлены новые знаки, причем некоторые письмена взяли из старинных пиктографических систем. Общий характер линейного письма Б указывает на введение твердо установленных правил письменности, соблюдавшихся писцами различных, иногда весьма отдаленных друг от друга земель Греции. Такая реформа и унификация письма находятся в полном соответствии с общей тенденцией ахейской культуры к единству. Из материковой Греции линейное письмо Б было привезено в Кносс.

Быстрое распространение линейного письма Б можно объяснить тем, что выработавший новый вариант письмен культурный центр славился своим искусством каллиграфии в остальных ахейских царствах. Возможно, что создатели системы линейного Б имели много учеников, разнесших новые письмена по всей стране. Устойчивость шрифта в течение долгого времени (1400—1200 гг.) позволяет заключить, что новые каноны письма были введены едино-

³⁰ Ventris — Chadwick. Documents, p. 387.

³¹ В Фесте и других местах Крита продолжали писать линейным А (Дж. Пендл-бери. Археология Крита, стр. 237).

³² Evans. P. of M., IV, p. 684.

	01 da		16 qa		31 sa		46 je		61 o		76 ra₂
	02 ro		17 za		32 qo		47		62 pte		77 ka
	03 pa		18		33 ra₃		48 nwa		63		78 qe
	04 te		19		34		49		64		79
	05 to		20 zo		35		50 pu		65		80 ma
	06 na		21 qi		36 jo		51 du		66 ta₂		81 ku
	07 di		22		37 ti		52 no		67 ki		82
	08 a		23 mu		38 e		53 ri		68 ro₂		83
	09 se		24 ne		39 pi		54 wa		69 tu		84
	10 u		25 a₂		40 wi		55 nu		70 ko		85
	11 po		26 ru		41 si		56		71 dwe		86
	12 so		27 re		42 wo		57 ja		72 pe		87
	13 me		28 i		43 ai		58 su		73 mi		88
	14 do		29 pu₂		44 ke		59 ta		74 ze		89
	15 mo		30 ni		45 de		60 ra		75 we		90 dwo

Табл. 1. Транскрипция syllabogram линейного письма Б, установленная в Вингс-преде в 1961 г. согласно шрифту из Пилоса (1-й вариант).

временно и активно распространялись профессиональными писцами. Возможно, в этом проявилось культурное соперничество материковых и критских специалистов.

Следует отметить, что перемены в письменности осуществлялись людьми, постоянно и непосредственно работавшими с документами. Например, теперь была введена разметка табличек прямыми линейками, для заголовков писали знаки более крупного размера ³³.

³³ Введение линеек в многострочных записях, видимо, было навеяно давней традицией — еще на лицевой стороне таблички из Градешницы были проведены 4 горизонтальные линии, по которым шла надпись.

a 08	ka 77	o 61	ra 60	ta 59	18 86
a ₂ 25	ke 44	pa 03	ra ₂ 76	ta ₂ 66	19 87
ai 43	ki 67	pe 72	ra ₃ 33	te 04	22 88
da 01	ko 70	pi 39	re 27	ti 37	34 89
de 45	ku 81	po 11	ri 53	to 05	35
di 07	ma 80	pte 62	ro 02	tu 69	47
do 14	me 13	pu 50	ro ₂ 68	u 10	49
du 51	mi 73	pu ₂ 29	ru 26	wa 54	56
dwe 71	mo 15	qa 16	sa 31	we 75	63
dwo 90	mu 23	qe 78	se 09	wi 40	64
e 38	na 06	qi 21	si 41	wo 42	65
i 28	ne 24	qo 32	so 12	za 17	79
ja 57	ni 30		su 58	ze 74	82
je 46	no 52			zo 20	83
jo 36	nu 55				84
	nwa 48				85

Табл. II. Транскрипция силлабограмм линейного письма Б, установленная в Вингспреде в 1961 г. согласно шрифту из Кносса.

Уровень каллиграфии заметно повысился, хотя различия между почерками писцов даже в пределах одного города иногда были весьма значительными.

Линейное письмо Б состоит из слоговых знаков, представляющих гласные, двугласные и слоги, и из идеограмм, обозначающих предметы.

Выработка специальных знаков для пяти гласных звуков — а, е, и, о, у — и для нескольких двугласных показывает, что ахейне,

a 08		e 38		i 28		o 61		u 10		a ₂ 25		ai 43	
da 01		de 45		di 07		do 14		du 51		dwe 71		dwo 90	
ja 57		je 46				jo 36							
ka 77		ke 44		ki 67		ko 70		ku 81					
ma 80		me 13		mi 73		mo 15		mu 23					
na 06		ne 24		ni 30		no 52		nu 55				nwa 48	
pa 03		pe 72		pi 39		po 11		pu 50		pte 62		pu ₂ 29	
qa 16		qe 78		qi 21		qo 32							
ra 60		re 27		ri 53		ro 02		ru 26		ra ₂ 76		ra ₃ 33	
sa 31		se 09		si 41		so 12		su 58				ro ₂ 68	
ta 59		te 04		ti 37		to 05		tu 69					
wa 54		we 75		wi 40		wo 42						ta ₂ 66	
za 17		ze 74				zo 20							
18		19		22		34		35		47		49	
56		63		64		65		79		82		83	
84		85				87		88		89			

Табл. III. Транскрипция силлабограмм линейного письма Б, установленная в Вингспреде в 1961 г. согласно шрифту из Пилоса (2-й вариант).

создавая линейное письмо Б, сделали большой принципиальный шаг в усовершенствовании письменности. Употребление букв для гласных звуков обогащало передачу ахейской речи графическим путем. Язык передавался точнее, и это делало обучение силлабарию Б гораздо более легким. Так появилась тенденция к выработке алфавитного буквенно-звукового письма, которое вошло в употребление в Восточном Средиземноморье уже в начале I тысячелетия до н. э.

 100 VIR	 108 ^f SUS ^f	 118 L	 130 OLE um	 151 CORN u
 101	 108 ^m SUS ^m	 120 GRA num	 130+A OLE+A	 152
 102 MUL ier	 108+KA SUS+KA	 120+PE GRA+PE	 130+PA OLE+PA	 153 PEL lis
 103	 108+SI SUS+SI	 121 HORD eum	 130+PO OLE+PO	 154
 104 CERV us	 23-109 MU-BOS	 122 OLIV a	 130+WE OLE+WE	 155
 105 EQU us	 109 ^f BOS ^f	 122+A OLIV+A	 131 VIN um	 156 TURO,
 105 ^f EQU ^f	 109 ^m BOS ^m	 122+TI OLIV+TI	 132	 157
 105 ^m EQU ^m	 109+SI BOS+SI	 123 AROM a	 133 AREPA	 158
 21-106 QI-OVIS	 110 Z	 KO+123 KO+AROM	 134	 159
 106 ^f OVIS ^f	 111 V	 124+QA	 135 MERI	 159+KU
 106 ^m OVIS ^m	 112 T	 124+123	 140 AES	 159+PA
 106+TA OVIS+TA	 113 S	 125+KU CYP+KU	 141 AUR um	 159+PU
 22-107 CAP ra	 114	 125+O CYP+O	 142	 159+TE
 107 ^f CAP ^f	 115 P	 125+PA CYP+PA	 145	 159+ZO
 107 ^m CAP ^m	 116 N	 127 KAPO	 146	 160
 85-108 SUS	 117 M	 128 KANAKO	 150	 161

Табл. IV. Транскрипция идеограмм линейного письма Б, установленная в Вингспреде в 1961 г. (а, б)

Добавим также, что более легкое обучение делало линейное письмо Б доступным для широких кругов населения.

Выше приведены таблицы знаков линейного письма Б в форме, принятой на международной конференции лингвистов в Вингспреде³⁴ в 1961 г. Здесь представлены три образца шрифтов: *a* — из Пилоса, *b* — из Кносса, *c* — из Пилоса. Для удобства на табл. I силлабограммы расположены согласно присвоенным им ныне номерам.

³⁴ «Mycenaean Studies». Wingspread, 1961, p. 255—259.

 162	 172+KERO	 190	 141+213 AUR+LANX	 233
 162+KI	 173 LUNA	 191 GAL ea	 214	 234 GLA dius
 162+QE	 174	 200	 215 CAL ix	 240
 162+RI	 175 FIC us	 201 TRI pus	 216	 241
 163	 176	 202	 217	 242 CAPS us
 164	 177	 203	 218	 243 ROTA
 165	 178	 204	 219	 243+TE ROTA+TE
 166	 179	 205	 220	 244
 166+WE	 180	 206 HYD ria	 225 ALV eus	Signa 299 incerta X
 167	 181	 207	 226	
 168	 182	 208 PAT era	 227	Numeri vacantes (vel *deleti)
 168+SE	 183	 209 AMPH ora	 228 LIG ula	119, *126, 129, 136-139, *143, 144, 147-149, *186, *187,
 169	 184	 210	 229	192-199, 221-224, *235, 236-239, 245-298
 170	 185	 211	 230 HAS ta	
 171	 188	 212 SIT ula	 231 SAG itta	
 172	 189	 213 LANX	 232	

Табл. IV (окончание)

Табл. II построена в условном алфавитном порядке, тогда как на табл. III слоговые знаки размещены в соответствии с последовательностью их фонетического значения. Во всех трех вариантах нерасшифрованные силлабограммы обозначены лишь порядковыми номерами. Табл. IV содержит идеограммы, встречающиеся в линейном письме Б.

Создание более совершенной и более гибкой системы письменности находится в полном соответствии с той активной интеллектуальной творческой деятельностью ахейцев, которая оставила заметный след во многих сферах жизни Греции в XV—XIV вв.

Следует заметить, что хотя линейное Б было выработано, как отметил еще А. Эванс, искусными профессионалами, вероятно, составившими узкий круг, однако оно распространилось по всей Греции очень быстро. Этому должно было способствовать многообразие орудий и средств для письма.

Остриями типа шила выцарапывали силлабограммы и другие знаки на глиняных табличках, которые затем сушили на солнце³⁵. В тех случаях, когда табличек набиралось много, как, например, во дворцах, их хранили, подобрав по сериям. Иногда их складывали в корзины или перевязывали в пачки³⁶, иногда же складывали в деревянные ящики³⁷. Ящики или корзины также обвязывали веревкой и запечатывали глиняной печатью, что говорит о бережном отношении к документам, содержащим записи о материальных ценностях³⁸. Более короткие записи часто встречаются на сосудах. Обычно их наносили кистью и краской³⁹.

Можно полагать, что применявшиеся еще в XVII—XVI вв. чернила из жидкости каракатицы⁴⁰ использовались и в последующих столетиях.

Окончательная дешифровка линейной письменности Б была произведена в 1953 г. английскими учеными М. Вентрисом и Дж. Чадвиком, бесспорно установившими, что писавшие этими силлабограммами люди говорили на ахейском диалекте греческого языка⁴¹.

Это открытие положило начало работе многих лингвистов по изучению ранних форм греческой письменности, что нашло отражение в многочисленных публикациях и исследованиях⁴².

* * *

Еще в III тысячелетии энергичные кикладские мореходы затра- тили немало усилий, чтобы получить представление об очертаниях многочисленных островов и скал в Эгейском море. С этих времен началась в Греции та тяга к описанию земли (географии), которая была всегда присуща эллинской науке.

³⁵ Отметим, что первоначально глагол *γράφω* означал «царапаю». Повсюду таблички изготавливали различным образом. В Пилосе сырьем служила хорошо размешанная тонкая глина, как указал Блеген (PT, II, p. VII). В Микенах брали простую глину, но поверхность таблички покрывали со всех сторон тонкой глиняной обмазкой, по которой вырезали знаки (MT, II, p. 13).

³⁶ Pylos, I, p. 97—98.

³⁷ Evans. P. of M., IV, p. 668.

³⁸ Так делали не только дворцовые эконо- мы, но и зажиточные горожане, как показывают находки в «Доме щитов» в Микенах.

³⁹ J. Raison. Les vases a inscriptions peintes de l'âge mycénien et leur contexte archéologique. Roma, 1968, p. 12—14.

⁴⁰ Prehistory and Protohistory, p. 217, fig. 143 — надпись, сделанная линейным письмом А на сосуде (музей Ираклиона).

⁴¹ Ventris — Chadwick. Documents, p. 28—66.

⁴² Появились новые журналы: «Kadmos», «Minos». Весьма полезен издаваемый Э. Беннеттом библиографический журнал «Nestor». См. также: E. Grumach. Bibliographie der kretisch-mykénischen Epigraphik. München und Berlin, 1963; Supplement I (1962—1963). München, 1967.

Известную роль играли давние сухопутные связи с севером Балканского полуострова, которые надежно засвидетельствованы для периода между XXX и XX вв.⁴³

В первой половине II тысячелетия знакомство с северными землями расширилось, так как связи неуклонно росли. Тогда особенно четко вырисовывались северо-западное их направление, шедшее по янтарному пути в страны Центральной и Северной Европы (о притоке янтаря в Пелопоннес в XVII—XVI вв. см. стр. 93), и северо-восточное, охватывавшее земли вплоть до Нижнего Дуная⁴⁴. Позднее в обиходе северных соседей ранних греков появилось довольно много вещей, изготовленных ахейскими мастерами⁴⁵, что позволяет предполагать дальнейшее расширение связей и географических знаний.

Но гораздо более детальными были сведения о заморских странах, лежавших к югу и юго-востоку от Греции. Постоянные контакты критян с Египтом и с сирийским побережьем, приведшие к возникновению критского подворья в Угарите уже около XVII в. и к широкой волне минойского влияния в Египте в XIV в., сопровождались углублением знакомства с этими странами. Конечно, знания ахейян, касавшиеся прибрежных земель Египта и Передней Азии, во многом ограничивались субъективными восприятиями мореходов, но все же из них складывалось какое-то более общее географическое знание. Ахейяне в свою очередь рассказывали о своем мире и, видимо, этим нужно объяснить то, что в Египте знали о многих островах и городах Греции, что засвидетельствовано надписью около 1400 г., которая недавно найдена⁴⁶.

⁴³ Так, например, в Кэшиореле (Румыния) во второй половине III тысячелетия найдены глиняные статуэтки «фессалийского» типа и ритоны, указывающие на связи с Эгейским бассейном (*Vi. Dumitrescu. Museum National de Antichități. Bucarest, 1968, fig. 6—9*). Эти находки показывают, что связи внутри массива племен, говоривших на близкородственных языках, могли распространяться на многие сотни километров. Вопрос только в том, сколь постоянными были эти контакты и какую роль они играли в жизни населения Балканского полуострова. Связи севера Балкан с отдаленными землями осуществлялись, вероятно, через промежуточные звенья, а не прямо, как полагает Н. Власа (*Kulturelle Beziehungen des Neolithikums Siebenbürgens zum Forderen Orient.— «Acta Musei Napocensis», VII, 1970, p. 3—40*).

⁴⁴ В поселении Кукутени II имеется «минийская» керамика, которая могла быть привезена тогда из Греции, как полагает Милонас (*G. Mylonas. Aghios Kosmas, p. 129, p. 58*).

⁴⁵ Упомянем, к примеру, великолепный микенский меч, найденный в Меджидие (Добруджа). См. *M. Irimia. Das mykenische Bronzeschwert aus Medgidia.— «Dacia», XIV, 1970, p. 389—395*. О торговых связях ахейян с карпатскими областями в XVI—XI вв. подробно пишет Маккей (*G. Makkay. Remarks to the Archaeology of the Relations between Crete, Mycenae and Central Europe.— «Atti e memorie», I, p. 91—98*).

⁴⁶ Это надпись на базе статуи Аменофиса III, на которой издатель прочел названия: Крита (Кефтиу) и его городов: Кносса, Феста, Амниса, Кидонии и Ликта; Родоса (Тинэ?), Киферы. Из материковых центров египтяне знали тогда Микены, Навплию, Дерес (?) и Мессению (?). См. *W. S. Smith. Influence of the Middle Kingdom of Egypt in Western Asia, especially in Byblos.— AJA, 73, 1969, p. 227—281*.

Расширение коммерческих связей в XV—XII вв., о котором красноречиво свидетельствуют изделия раннегреческих мастеров, находимые в далеких землях⁴⁷, шло не только в южном и юго-восточном, но и в западном направлениях. Для ахейских мореходов Италия и Сицилия были легко достижимы. Активное проникновение ранних греков в центральносредиземноморские территории сопровождалось не только ввозом туда микенской керамики, но и возникновением многих легенд об ахейских героях, перекочевавших в те или иные области будущей Великой Греции. Конечно, некоторые предания могли возникнуть как поздний повтор сравнительно небольшого числа древнейших мифов, но все же наличие первоначального ядра бесспорно засвидетельствовано материальными находками⁴⁸.

Итак, географический кругозор ахейян во второй половине II тысячелетия был достаточно широк, хотя глубина и достоверность знаний о тех или иных территориях была далеко не одинакова. Так, представления об островном мире Эгейского моря были весьма полными. Сведения об островах, сообщаемые в «Илиаде» (II, 671—680), позволяют сделать вывод, что поэтическая традиция довольно точно отразила политическую географию Додеканезского архипелага в микенские времена (вернее, в последний период, когда мелкие острова могли стать независимыми от более крупного Родоса)⁴⁹.

Менее точными были знания о дальних землях. Однако все берега⁵⁰ Восточного Средиземноморья достаточно известны — это следует из того, что в XIV в. из Фессалии (из Иолка) отправилась большая морская экспедиция в Колхиду, на восточном берегу Черного моря. Перенесение операций в черноморские воды показывает, что тогда ахейские династы хорошо представляли экономические и политические условия в близких странах Средиземноморья. Обстановка здесь была такова, что устраивать поход Аргонавтов в эти земли не имело никакого смысла. Появление легенды о походе

⁴⁷ О многочисленности этих источников можно судить на основании богатого материала, собранного Ф. Стаббингсом (*F. H. Stubbings. Mycenaean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951*).

⁴⁸ Сведения о появлении греков на юге Италии во II тысячелетии тщательно проанализированы Ж. Бераром (*J. Berard. La colonisation grecque de l'Italie Méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité. Paris, 1957, p. 12—31*). Нужно сказать, что данные В. Тейлора (*W. Taylour. Mycenaean Pottery in Italy and adjacent Areas. Cambridge, 1958*) заставляют с большей осторожностью подходить к мифам об ахейцах в Италии, чем это делает Ж. Берар. Правда, сохранение в Лукании до VI в. мотива, восходящего к микенскому прототипу, говорит о значительной силе традиции эпохи бронзы.

⁴⁹ *R. Hope-Simpson, J. F. Lazenby. Notes from the Dodecanese. — BSA, № 57, 1962, p. 154—175.* Правда, нам кажется, что независимость мелких островов от Родоса могла сохраняться и много раньше — ведь земли ахейской Греции задолго до похода на Трою, как отметил Фукидид, сохраняли свою разобщенность.

⁵⁰ И не только берега. В эпосе упоминаются пигмеи (II, III, 6). Знакомство с этими низкорослыми племенами говорит о проникновении в глубины Африканского материка. Об этом же свидетельствуют и изображения негров критскими художниками еще в первой половине II тысячелетия.

Аргонавтов может служить ясным свидетельством того, что в XV—XIV вв. в Греции бытовали рассказы о богатствах колхидских земель.

Менее ясны общие взгляды ранних греков на строение Земли. В эпосе господствует представление о том, что все земли обтекает Океан, мировая река (II., XVIII, 606—607) — такое понимание было наиболее логичным для ахейских мореходов.

* * *

Медицинские знания всегда особенно тщательно передавались из поколения в поколение. Судя по некоторым данным, врачебное дело в ахейской Греции стояло на большой высоте. В этом убеждают, например, следы великолепно произведенной в XVI в. до н. э. трепанации черепа, которые обнаружены у костяка молодого человека (№ 4) в могиле Гамма в Микенах⁵¹. Использование лечебных трав, таких, как мята, засвидетельствованное ахейскими документами, указывает, что наряду с хирургическими методами развивалось и терапевтическое лечение внутренних болезней.

Весьма интересны данные ахейского эпоса, согласно которому один из фессалийских царей, Махаон, династ обильной конями Трикки, был искусным врачом ран⁵². Вместе с братом своим Подалирием Махаон получил познания в медицине от отца, бога-врачевателя Асклепия. Обоих братьев как искусных врачей неоднократно упоминает эпос⁵³.

Даже раненые боги Аид и Арей должны обратиться к врачу, и Пеон их исцеляет (II., V, 401, 899). Можно полагать, что описанные в «Илиаде» способы лечения (например, рану посыпают чем-то) более или менее точно соответствуют приемам врачевания во II тысячелетии до н. э.

Весьма интересно упоминание в «Илиаде» еще об одном, сведущем в медицине, — кентавре Хироне, наставнике Асклепия и Ахилла. Он не только владеет искусством врачевания, но также обладает даром прорицания. Образ кентавра в эпосе о Троянской войне представляется нам заимствованным из былин гораздо более древних времен. Но интересна та связь, которую обнаруживает этот миф, между лекарским делом и прорицанием. Близость обеих профессий, видимо, существовала в Греции в очень раннее время.

То внимание, которое ахейские аэды и рапсоды уделили врачеванию и искусным в этом деле героям, лишь в небольшой степени отражает роль медицины в быту ранних греков.

⁵¹ Mylonas. AM, p. 138.

⁵² За ним посылал Агамемнон, когда был ранен Менелай (II., IV, 192—219).

⁵³ II., I, 512, 613; II, 732; VI, 200; XII, 506, 598, 651, 833.

БЫТ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Прогресс в области знаний, естественно, привел к тому, что за тысячу лет после XXIII века раннегреческое общество претерпело серьезные изменения во всех сферах жизни. Параллельно происходили и сдвиги в быту.

Многие стороны тогдашней жизни остаются пока неизвестными. Но все же какое-то общее представление о культуре быта можно составить.

Изучая общественные настроения того времени, можно с большой уверенностью говорить о явном жизнелюбии и оптимистическом восприятии действительности. Такой «настрой» раннегреческого общества вполне закономерен — человек тогда умело пользовался крупными достижениями в производственной сфере и овладевал некоторыми ранее непонятными силами природы. В то же время медленная социальная дифференциация, которая наталкивалась на сопротивление греческой общины, и сравнительно слабый гнет молодой государственности не оказывали еще подавляющего воздействия на человеческий ум. Отсюда то особое жизнеутверждающее настроение, которое пронизывает весь быт ранних греков. Оно сказывается и в том, какими глазами смотрели люди на окружающий их мир¹. Однако в конце изучаемого периода в умонастроениях греков появились иные тенденции. Росписи та-нагрских ларнаков XIII в. показывают, что даже рядовые мастера проникновенно передавали трагические эмоции изображаемых людей.

По массовости раннегреческая керамика занимает первое место среди имеющихся источников. Общий характер ее убеждает, что яркая и красочная посуда была неизменным атрибутом быта ранних греков. Конечно, роскошные вазы стиля «камерес» (Крит, Среднеминойский-I период) были доступны наиболее зажиточным слоям критского населения, равно как и великолепные большие амфоры «дворцового стиля», которыми владели ахейские ба-силеи и знать в XV—XIV вв. Но даже довольно простая с незначительной росписью посуда, изготовленная рядовыми гончарами,

¹ Удивительным благожелательством проникнут беглый рисунок на плече пифоса дома в Аскетарионе (Рафина), исполненный острием на сырой глине: перед нами — задорная, веселая собака конца III тысячелетия (Prehistory and Proto-history, p. 99). Вспомним столь же жизнерадостное изображение ежей на фрагменте сосуда позднееэлладского времени из Асины (Frödin — Persson. Asine, p. 406, fig. 267).

веселит взор своей полихромией и пластичностью формы, удобной в повседневном обращении ².

И другие обиходные вещи, вышедшие из рук раннегреческих мастеров, свидетельствуют, что их продукция потреблялась людьми, которые прежде всего ценили полезные и удобные в употреблении предметы. Иными словами, от ремесленников требовали изделий, облегчавших жизнь и делавших ее возможно более приятной. Надо сказать, что представления греков II тысячелетия об удобствах жизни были весьма разносторонними и достаточно разработанными. Как и ныне, в Греции эпохи бронзы чрезвычайно ценилась чистая свежая вода. Из хороших источников воду вели по трубам в населенные пункты. Великолепный образец ахейского водопровода раскрыт на акрополе Пилоса — туда подвели воду из источника, отстоящего на 1,7 км от дворца ³. Ложе водопровода было частью выбито в материковой скале, частью сложено из пиобразных терракотовых труб. Сооруженный в XIII в. до н. э., этот акведук свидетельствует о сильной традиции в области водного обеспечения населенных пунктов ⁴.

С ростом городской жизни связано и появление ванных. Ванные комнаты известны во дворцах Тиринфа, Микен и Пилоса ⁵. В домах средних слоев населения не было столь вместительных комнат для мытья, но все же и там встречаются ванны из обожженной глины ⁶, удобная форма которых свидетельствует об опыте изготовлявших эти бассейны гончаров. Население с более скромными доходами ограничивалось небольшими, легко переносимыми терракотовыми ваннами. Все это вполне соответствует тем данным о роли омовения в жизни героев, которые содержит ахейский эпос ⁷.

Рациональное устройство быта заметно во многих деталях. Так, и во дворцах (Пилос), и в частных домах (Микены, дом I) над открытым очагом устраивали дымоход в виде терракотовых труб. В жилищах всех слоев раннегреческого общества очаг располагали в главной комнате дома. Очаг, служивший для приготовления и обогрева жилища, очень рано приобрел и культовое значение: в Лерне, в последней трети III тысячелетия на очаге в Доме BG

² См. расписные килики из «Дома гончара» в Зигуриесе, относящиеся к концу XIV в. (*Blegen. Zygouries*, p. 143—147, Pl. XVI—XVIII).

³ *C. Blegen, M. Lang. The Palace of Nestor. Excavations of 1958.*— *AJA*, 63, 1959, p. 123—124.

⁴ Самые ранние остатки системы водоснабжения в греческом мире были открыты еще в Кноссе в Среднеминойском-I периоде (около 2200—2000 гг.). Под полом некоторых помещений дворца проходил водопровод из глиняных труб. Каждая труба имеет около 0,75 м в длину и заканчивается узкой шейкой, входящей в следующую трубу. Место стыка покрывали строительным раствором (*Evans. P. of M.*, I, p. 141).

⁵ В районе Пилоса в Кукунаре (*Archaeological Reports for 1961—1962*, p. 10, fig. 8); в Иклайне («*Практика*», 1954, с. 311, рис. 8).

⁶ *Blegen. Zygouries*, p. 142, fig. 134.

⁷ *Od.*, X, 357—364.

было сделано углубление⁸ в форме священного топора, лабриса⁹. Сакральное значение очага несколько не мешало тому, чтобы он выполнял свое основное назначение. Набор кухонной посуды ахейн показывает, что во второй половине II тысячелетия практика пользования открытым очагом для приготовления пищи была уже разработана с большой предусмотрительностью. На огне ставили специальные котлы с полусферическим туловом на трех ногах, обычно не очень большие. Эти сосуды у народа победнее были из простой глины¹⁰, знать заказывала себе даже бронзовые¹¹.

Изобретение таких кастрюль на высоких ножках значительно улучшало качество приготовляемой пищи: теперь легко было избежать сгорания, которое часто случалось в горшках, ставившихся дном прямо на раскаленный под очага или даже на горящие поленья¹². Появление треногих кастрюль, свидетельствующее о внимании к способам приготовления пищи, достойно упоминания, потому что отражает общую тенденцию к устроенности быта, о которой согласно свидетельствуют и предметы домашнего обихода¹³, и ахейский эпос. Например, во время жатвы на обширном поле крупного землевладельца для работников готовилась обычно пища, и Гефест изображает на щите Ахилла рядом со жнецами (II., XVIII, 558—560):

κῆρυκες δ' ἀπάνευθεν ὑπὸ δρυῖδαῖτα πένοντο.
 βοῦν δ' ἐρεῦσαντες μέγαν ἀμφεπον αἱ δὲ γυναικες
 δεῖπνον ἐρίθουσιν λεῦκ' ἀφίττ'α πολλὰ πάλυον

Во многих местах эпоса обстоятельно рассказано о заботах хозяина, ревностно угощающего своего гостя. Даже когда Приам приехал к Ахиллу за телом убитого Гектора, хозяин и гость вку-

⁸ J. L. Caskey. Activities at Lerna, 1958—1959.— «Hesperia», XXVIII, 1959, p. 206, Pl. 42a.

⁹ О культовом значении этого изображения см. M. P. Nilsson. Minoan-Mycenaean Religion..., p. 194—235.

¹⁰ Один из таких котлов воспроизведен нами в кн.: «Ахейская Греция» (рис. 59b).

¹¹ Например, в Асине, в богатом склепе I : 5, в наборе обиходной бронзовой посуды обнаружен такой котел (высота тулова 0,35 м, диаметр — 0,32 м) (Frödin—Persson. Asine, p. 393—394, fig. 257). В отличие от глиняных собратьев этот котел имеет две ручки.

¹² Еще в конце III тысячелетия в Греции употребляли такие простые кухонные сосуды, как, например, в Кораку (C. W. Blegen. Korakou..., p. 12—13, fig. 14—15). Но уже в XVII—XVI вв. появились треножки. См. находки бронз в круге А в Микенах (V. Stais. Mycenaean Collection of the National Museum, II. Athers, 1926, p. 111, N 2768). Зажиточное население употребляло для кастрюль изящные, красиво орнаментированные подставки — треноги, в нижние части которых нагребали уголь. Такая подставка, датируемая концом XVI в., найдена в Зигуриесе (Blegen. Zygouries, p. 149, fig. 138).

¹³ Интересно, что ранние греки употребляли ложки такой же формы, какая принята и ныне. Сначала их делали из глины, затем появились металлические и деревянные. Глиняные ложки известны в довольно большом количестве еще в последней трети III тысячелетия (в Зигуриесе — Blegen. Zygouries, p. 96—97, 107; в Асине — Frödin — Persson. Asine, p. 224—225; fig. 164. 4; в Арафене — Θωχάρης.— «Πρακτικά», 1953, σ. 115, εἶκ 11. Эти ложки, как и типичные для ранне-

шают вместе мясо и хлеб (II., XXIV, 621—627). Несомненно, что гостеприимство в раннегреческом обществе было важным свойством, отличавшим каждого полноценного человека.

Стремление к благоустроенности заметно не только в кухонном инвентаре. Терракотовые изображения мебели, равно как воспроизведения ее на фресках и резных камнях, а также указания в записях дворцовых управителей в Пилосе говорят о существовании легкой, богато изукрашенной мебели — стульев, кресел¹⁴, табуреток для ног, столов и столиков.

Судя по разнообразным находкам, забота о внешнем виде человека требовала немалых усилий. Еще в конце III тысячелетия жители Греции употребляли краски¹⁵, которые продолжали наносить в небольшом количестве и в XIV—XIII вв., как показывают рисунки на щеках терракотовых статуэток¹⁶ и знаменитой микенской головы из алебаstra¹⁷.

Прически женщин состояли из пышно взбитых на голове локонов, иногда на плечи спускались косы. Мужчины перевязывали волосы лентой так, что на лоб спускались короткие завитки. Усы и бакенбарды в XVII—XVI вв. чисто выбривали, оставляя большую бороду¹⁸. Для бритья употребляли бронзовые бритвы — хороший образец этого инструмента найден недавно в Аргосе¹⁹. О расчесывании волос гребнями свидетельствуют многочисленные образцы, в том числе и роскошные гребни из слоновой кости.

Одежде в ахейской Греции придавалось также немалое значение. Памятники искусства представляют мужчин часто лишь в очень коротких штанах с широким поясом. Но, вероятно, в повседневной жизни были и другие одеяния. Рисунок на обороте пилосской таблички показывает, что грек XIII в. имел удобный костюм.

Одежда женщин, особенно из богатых слоев общества, отличалась сложностью. Правда, о характере женской одежды приходится судить на основании одеяний богинь и парадных платьев ахейнок. Надо думать, что будничная одежда гречанок II тысячелетия отличалась простым покроем, удобным во время работы²⁰. На это

элладского времени «соусники», являются хорошо продуманными орудиями кухонного труда.

¹⁴ Женская фигура сидит в настоящем кресле (терракота из Микен) (*G. Mylonas. Musesae and the Musesaeon Age*, fig. 109).

¹⁵ Для растирания красок применяют небольшие каменные пестики (высотой в 2,5—4,8 см) и такие же дощечки. Упомянутые предметы найдены в Филакопи, Зигуриесе, Евтресисе и Асине (*Frödin—Persson. Asine*, p. 244, fig. 175.5).

¹⁶ Особенно интересна раскраска лица статуэтки, найденной в 1962 г. в Микенах (*Т. В. Блаватская. Ахейская Греция*, рис. 108).

¹⁷ *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Kreta und das Mykenische Hellas*, Taf. XLI—XLII.

¹⁸ *Mylonas. AM*, fig. 49.

¹⁹ *G. Daux. Chronique des fouilles...* en 1965, p. 933.

²⁰ Помимо домашних работ современного типа на женщинах лежали и обязанности, обусловленные участием в домашних ремеслах — прядении, ткачестве, приготовлении муки. Как свидетельствует эпос, представительницы высших социальных кругов выполняли многие из перечисленных работ собственноручно,

указывает рациональность мужской производственной одежды у ахейян. Напомним изображения воинов на расписной стеле из Микен: перед нами вереница одетых в короткие хитоны и туго подпоясанных фигур²¹. Такой же удобно облегающий тело костюм и на ахейцах, представленных на знаменитом Кратере Воинов из Микен²² и на некоторых других памятниках²³.

Парадные одежды мужчин и женщин поражают пышностью и сложностью. Уже в XVII—XVI вв. одеяния микенских династов украшались золотыми нашивками, иногда орнаментированными тисненым орнаментом. Для того, чтобы парадная одежда сохраняла свою форму, ее укрепляли специальными проволоками из свинца, которые выполняли одновременно роль и каркаса, и грузил²⁴.

Праздничные одежды женщин составляли пышные юбки, стянутые поясом в тонкой талии, и облегающие грудь блузки. Различные складки, сборки, воланы и другие ухищрения были хорошо известны портным и портнихам раннегреческого общества.

Сложная и изощренная мода, разработанная сначала на Крите, а затем распространившаяся по всем греческим землям, отражает огромную тягу к роскоши, которая охватила имущее население страны.

Вообще любовь к вещам и к обладанию ценностями обнаруживается в Греции очень рано. В XXIII—XXI вв. обитатели поселения Агиос-Космас додумались уже до того, что для погребального инвентаря вовсе не обязательно применять утварь лучшего качества²⁵.

То же стремление к показному богатству являет элевсинское погребение XVII в., в котором найдены бронзовые кольца для волос, покрытые листовым золотом²⁶. Эти пока еще обрывочные источники свидетельствуют, что развитие роскоши в Греции II тысячелетия шло различными путями. Династы каждого небольшого царства ко-

---

несмотря на наличие в доме рабынь. Таковы особенности раннеклассового общества.

²¹ Во время напряженного труда воины и селяне сбрасывали всю одежду, кроме пояса и коротких штанов (см. фигуры на микенском клинке № 394 и на амиклейских кубках).

²² Судя по жестким очертаниям этой одежды, она могла быть из кожи.

²³ Например, на фрагменте сосуда, хранящемся в Гейдельберге (*G. Becatti. Interrogativi sul vaso dei guerrieri di Micene «Studi. . . L. Banti».* Roma, 1963, Tav. III с.).

²⁴ Такие проволоки найдены в богатом склепе I : 7 в Асине позднеэллинистического времени (*Frödin — Persson. Asine*, p. 421). Аналогичные находки были сделаны в Дендре (*A. W. Persson. The Royal tombs... p. 89—90, fig. 62*) и в одном из склепов в Бербати.

²⁵ Милонас отмечает плохое качество посуды из могильника по сравнению с утварью, найденной в жилых домах, а также то, что среди даров для загробной жизни ставили даже необожженную посуду (*G. Milonas. Aghios Kosmas*, p. 128). Видимо, в это время количество сосудов считалось главным критерием при определении качества погребения (в одной могиле было поставлено 47 ваз). Интересно, что посуда для погребений имела гораздо больше черт кикладской керамики, чем обиходные сосуды из поселения.

²⁶ «*Πρακτικά*», 1955, σ. 67—68.

пили ценности в своих дворцах (запасы продовольствия, металлы, глиняную и металлическую посуду, парадное и боевое оружие, ткани, колесницы, мебель). Все эти предметы роскоши и предметы первой необходимости служили внешними атрибутами их власти.

Во второй половине изучаемого тысячелетия ахейские верхи проявили особое усердие в стремлении к утонченным и пышным формам быта. К сожалению, в настоящее время быт анакта или знатного ахейнина известен лучше, чем быт купца или крестьянина. Однако можно полагать, что в среде широких масс населения роскошью являлись не только подлинные или поддельные драгоценности, но также и ряд жизненных благ, в том числе обильная мясная пища ²⁷.

* * *

Музыкальная культура раннегреческого общества представляет весьма многообразной. Танцы, песни и музыка имели большое распространение, хотя характер музыкальной культуры претерпел значительные изменения. В начальный период музыкальное творчество принадлежало всему народу, причем направленность этой деятельности имела по преимуществу религиозно-производственный характер. С появлением великолепных царских дворцов на Крите, Фере и других островах и в материковых царствах развились новые виды музыкальной культуры, рассчитанные на потребление социальных верхов. Эта музыка могла иметь даже сугубо светский характер, предназначенная веселить династов и их ближайшее окружение.

В самых древних пластах греческой мифологии встречается образ бога-музыканта. Во II тысячелетии таким богом был не Аполлон, а сын его Лин, певец и покровитель музыкантов. Живая сцена сбора винограда, изображенная Гефестом на щите Ахилла (II., XVIII, 561—572), включает и пение молодого певца, аккомпанирующего себе на форминге. Что подразумевали аэды и рапсоды под «прекрасным Лином», показывают многочисленные изображения ²⁸. Так, в III тысячелетии в областях расцвета кикладской культуры божественный музыкант изображался с инструментом, напоминающим по форме позднюю лиру ²⁹. На Крите аналогичный инструмент схематически представлен в руках терракотовых фигурок ³⁰ и подробнее уже около 1400 г. — в росписях на стенах саркофогов ³¹. Среди фресок Пилосского дворца встречается изображение играющего на семиструнной лире: музыкант сидит на каком-то

²⁷ Интересны детальные описания мясных трапез героев, которые столь часто можно встретить в ахейском эпосе.

²⁸ Детальное изложение вопроса см. *G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age*, p. 168.

²⁹ *Chr. Zervos. L'Art en Grèce. Paris, 1934, fig. 17.*

³⁰ Хороводная группа из Палайкастро (*M. P. Nilsson. The Minoan—Mycenaean Religion*, p. 109—110).

³¹ Из Палайкастро (*ibid.*, p. 428—437).

возвышении, поблизости — движущаяся процессия³². Игра на лире считалась достойным занятием для всех слоев — например, в царском погребении в Мениди (Аттика) найдена роскошная, исполненная из слоновой кости лира³³.

Другим распространенным музыкальным орудием оставалась флейта. Сравнительно простой, этот инструмент был доступен самым широким кругам населения, и его находят часто как на Крите³⁴, так и в материковых землях Греции³⁵. Оба инструмента, лира и флейта, были унаследованы поколениями, жившими после дорийского завоевания.

По-видимому громкий звук флейты не требовал аккомпанемента, тогда как лирники обычно были также и певцами. Судя по словам Евмея (Od., XVII, 385), певцы составляли особую группу среди ахейского населения. Их приглашали в богатые дома за плату. Таким образом, работа певца-рапсода должна быть отнесена к разряду древнейших наемных профессий.

Помимо ремесленников-певцов, искусство пения поддерживалось самыми широкими кругами. Культ богов, особенно связанных с производящей природой, требовал исполнения молитвенных и благодарственных песен. На знаменитой стеатитовой вазе из Агия-Триады вырезано шествие крестьян, дружно и энергично исполняющих такие песнопения³⁶. Возможно, что сцены процессий на других памятниках раннегреческого искусства также передают шествие с хоровым исполнением.

О танцах и их значении в сакральных действиях ранних греков можно судить на основании многочисленных источников. Большею частью это сцены, вырезанные на щитках перстней или представленные на фресках. Судя по изображениям, это были сложные танцы, полные эмоций и динамики. Они отличаются разнообразием движений, многие из которых нельзя назвать грациозными. Напротив, они поражают зрителя угловатостью поз и резкостью, равно как и силой и ловкостью исполнителей³⁷. Можно думать, что в этих танцах имело место сложное сочетание ритма и музыки.

Вместе с тем несколько исгупленный характер многих ритуальных танцев³⁸ показывает, что уже во II тысячелетии в Греции су-

³² C. W. Blegen. The Palace of Nestor Excavations 1955.— AJA, 60, 1956, p. 95—102, Pl. XLI, fig. 3.

³³ H. G. Lolling. Das Kuppelgrab bei Menidi. Berlin, 1880, S. 31, Taf. VIII.

³⁴ Evans. P. of M., III, p. 39—40, fig. 23, 24. Судя по изображению на саркофаге из Агия-Триады, музыканты обычно играли на двух флейтах попеременно.

³⁵ Г. Шлиман сообщает о находке фрагментов флейт в Микенах (G. Schliemann. Mykenae, S. 88, Abb. 130).

³⁶ Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Abb. 104. Интересно описание этого шествия у Дж. Пендлбери («Археология Крита», стр. 232), подметившего пьяную распушенность, царящую в этой группе. Это вполне возможно: ведь праздники урожая в античном мире всегда справляли, обильно употребляя вино.

³⁷ Особенно это относится к акробатическим танцам с быками, которые исполняли и юноши и девушки (Evans. P. of M., III, p. 428; см. там же рис. 61 на стр. 110).

³⁸ Критские перстни дают богатые сведения о таких танцах (Evans. P. of M., III, p. 142—143). Из материковых источников следует назвать в первую очередь

ществовали оргиастические пляски, получившие большое развитие позднее, в дионисическом культе последорийской Эллады.

Однако наряду с экстатическими плясками в Греции эпохи бронзы хорошо известны и более спокойные танцы, состоявшие из плавных телодвижений. Судя по данным эпоса, такие танцы исполняли юноши и девушки, шедшие в едином круге хоровода (II., XVIII, 593—605). По-видимому, знаменитые хороводы устраивались у дворцов критских династов³⁹, так как, по мнению аэдов, Гефест представил сцену хоровода на щите Ахилла на площадке, сходной с площадью в Кноссе⁴⁰, устроенной Дедалом для Ариадны (II., XVIII, 591).

* * *

Ахейский эпос представляет богатейший свод сведений о нравах общества во второй половине II тысячелетия. Аэды и рапсоды тонко подмечали различные черты своих современников. Но запечатленные в «Илиаде» и «Одиссее» настроения, представляют определенный завершающий этап длительного предшествующего развития, во многом нам неизвестного.

Отмечавшийся выше разносторонний прогресс общества неизбежно вел к коренной переработке духовного мира каждого человека. Это было время сложения индивидуальной личности, так как нараставшее в XXII—XII вв. имущественное неравенство с неумолимой логикой отодвигало в тень древние принципы коллективизма и единства членов родовой общины. В обществе нового типа вырабатывались иные установления и отмирали старые понятия и критерии. Но часть моральных ценностей, созданных еще племенным строем, выдерживала проверку временем и вливалась в тот свод общественных норм, которыми руководствовалось раннегреческое классовое общество.

Бросающееся в глаза культурное единство греческих земель, особенно усилившееся после XVI—XV вв., служит ярким свидетельством тому, что данные установления успешно отвечали духовным запросам тогдашнего населения страны. Вместе с тем это позволяет заключить, что общество эффективно руководило психическим развитием личности, направляя его по нужному пути.

сцену на золотом перстне из склепа в Микенах (*Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Abb. 206*): под ветвями священного дерева стройная мужская фигура представлена в порывистой, энергичной пляске, тогда как танцующая рядом женская фигура движется более плавно. Эту сцену Нильсон объяснял как один из сакральных ритуалов культа деревьев (*M. P. Nilsson. Op. cit., p. 274—275*).

³⁹ Вообще в эпосе Крит настолько славится танцами, что враги даже укоряли критян за это умение. Так, Мериона в пылу битвы Эней обозвал плясуном (II, XVI, 617).

⁴⁰ В этом мифе опять выступает идея могущества ума и искусства человека, который создает столь прекрасное место для танцев, что бог лишь повторяет его творение. Такое сопоставление Дедала и Гефеста еще раз подчеркивает ту свободу мышления, которая отличала раннегреческое общество от мировоззрения соседних народов, у которых человек был безмерно унижен перед божеством.

Важную роль играла выработка четких понятий о том, каким именно должен быть тот или иной человек. Например, памятники искусства XVI—XII вв. неоднократно рисуют идеализированный образ мужчины-воина, основные черты которого совпадают с чертами героев ахейского эпоса. Несомненно, что в кругах сельского и городского населения вырабатывались свои специальные требования к представителям соответствующего социального слоя.

Наряду с нормами поведения воина, селянина или горожанина существовал огромный неписанный кодекс обычного права. Нормы обычного права отражают сложившуюся систему отношений между обществом и личностью. Они определяют их взаимные права и обязанности, позволяющие существовать и единице, и всему целому.

В ахейском обществе установления обычного права были уже достаточно детальными. Они регулировали различные внутренние взаимоотношения.

Обособление отдельных семей внутри больших родовых общностей вело к выработке специальных норм семейного права. Эпос сохранил сведения о длительном сохранении устойчивых связей по линии матрилинейного родства (миф о Мелеagre.— II., IX, 529—605). Но ко времени Троянской войны семейное право уже прочно стояло на патриархальной основе. Власть отца над детьми огромна. Ясно выступает она в вопросе о браках: Агамемнон предлагает Ахиллу в жены любую из своих дочерей, Тиндарей по своему усмотрению выбирает из состязающихся женихов мужа для Елены.

Правда, в ответ на неограниченную *patria potestas* появилась особая форма брака в виде похищения невесты. Иногда при несогласии девушки похищение оказывалось неудачным (например в мифе о похищении Елены Тесеем брата Диоскуры отбили сестру). Но мифы о Ясоне и Медее, о Тесее и Ариадне свидетельствуют, что при единомыслии похитителя и похищаемой такие браки были довольно реальными.

Власть мужа, отца и даже сына над женской половиной дома весьма значительна. Немолодая хозяйка дома Пенелопа внимает распоряжениям своего юного сына. Но подчинение главе дома не всегда выдерживало испытания. Тяжелая семейная драма развернулась в доме Аминтора, сына Ормена, внука Эола, и она завершилась уходом из отчего дома его сына Феникса, ставшего впоследствии воспитателем Ахилла (II., IX, 447—480).

Особенно интересны сведения эпоса о нормах, регулировавших положение человека в обществе. Представления о долге человека перед его народом (Гектор и троянцы), о долге перед другом (Ахилл — мститель за Патрокла), о долге в силу взятых на себя обязательств (клятвы ахейян и троянцев перед поединком их героев.— II., III, 1 сл.; клятвы Геры.— II., XIV, 277—280) — все эти моральные установления свидетельствуют о высокоразвитом чувстве ответственности каждого человека.

Эта ответственность не абстрактна, она вытекает из социального положения личности. Например, отличавшиеся силой и доблестью

воины получали от народа лучшие наделы земли (Мелеагр в Этолии.— II., IX, 573—580; в Трое — возможность для Энея получить лучшее поле для пашен и стад.— II., XX, 184—186; Сарпедон говорит об обязанностях ликийских басилеев стоять первыми в рядах войска.— II., XII, 311—328). Взамен военная аристократия несла главное бремя военных трудов. В моральных установлениях ахейского времени взаимосвязь размеров земельного надела и бранных трудов выражена чрезвычайно ясно. Рапсоды постоянно подчеркивали это.

Обычное право своими неписаными установлениями строго регулировало жизнь, особенно в случаях, когда возникали острые конфликты. Так, убийство наказывалось денежным штрафом, причем вопрос решали и старейшины в отдельном совете, и народ в народном собрании (II., XVIII, 497—508). Но, видимо, не всегда родственники убитого были готовы удовлетвориться выкупом. Так, молодой Патрокл, сын Менетия, играя в кости, поссорился со своим партнером и нечаянно убил его. После этого Менетий привел Патрокла из родного Опунта в Фессалию, к отцу Ахилла (II., XXIII, 87—91). Данный случай можно истолковать как спасение Патрокла от мести Амфидамаса, отца убитого, или как добровольный уход в изгнание, положенное за нечаянное убийство.

Хотя установления обычного права не были еще записаны, однако повиновение этим правилам было неукоснительным. У ахейян, судя по эпосу, было сильно развито представление о законе⁴¹, связанное с понятием справедливых и несправедливых деяний. Не случайно, так много бед принес ахейянам гнев Ахилла, несправедливо лишенного полагавшейся ему по закону части военной добычи. Твердая уверенность в том, что за содеянное зло воспоследует жестокое возмездие, что загробный суд рассматривает всю деятельность человека⁴², привела к созданию мифов о страшном Тартаре, куда сначала Зевс заключал своих божественных противников (II., VIII, 13—16 и 481).

Мысль о справедливости в известной мере нашла отражение в «Илиаде»: поэт говорит о бедствиях не только ахейян, но и троянцев, хотя страдания греческого войска занимают, естественно, главное место.

Вместе с тем греки эпохи развитой бронзы хорошо представляли, как много горя несут людям установившиеся в обществе порядки. Эпос много раз напоминает о том, что властолюбивые и алчные династы попирали законы и притесняли слабых. Традиция о хитро-

⁴¹ Можно полагать, что особенно разработаны были правила относительно пользования землей и выделения наделов различных размеров. В эпосе упоминаются строго разграниченные земельные наделы (например спор соседей о меже.— II., XII, 421—423.) В пилосских и кносских документах серии Е перечислены группы лиц, связанных с различными видами наделов, которые носят общее наименование *kotona*. Термин этот сохранился и в классическом языке в форме *κτονα*. Истолкование записей из Кносса и Пилоса, однако, пока еще спорно. См. Ventris — Chadwick. Documents, p. 232—274.

⁴² С. Трубецкой. Метафизика в Древней Греции. М., 1890, стр. 106.

умном Одиссее, внуке изобретательного в обманах Автолика, говорит об осуждении, которому народ подвергал нарушавших общепринятые нормы династов.

Устойчивость понятий о справедливости в ахейском обществе нашла выражение и в том, как проникновенно рассказывали аэды о горькой доле попавших в плен женщин и детей: плач Андромахи (II., XXII, 477—514 XXIV, 725—745) или Брисеиды над телом Патрокла (II., XIX, 287—300, 22).

Глубокое понимание психологии, нашедшее отражение в эпосе, позволяет составить некоторое представление о сложной духовной жизни дополисной Греции ⁴³.

---

⁴³ Следует отметить еще и большее внимание эпоса к эмоциональной жизни героев. Гнев, ненависть, любовь, мужество, страх, тоска — все эти переживания обрисованы очень тонко и в «Илиаде», и в «Одиссее».

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Религия принадлежала к одной из особенно развитых сторон общественного сознания ранних греков. Многообразие и сложность действительности обусловили богатство религиозных воззрений раннегреческого общества — ведь религия, как известно, отражает в иррациональной форме условия реальной жизни. Религиозные представления пронизывали всю сферу духовной деятельности тогдашнего человека, и в силу этого религия играла огромную роль в общественно-историческом опыте людей. Говоря это, необходимо подчеркнуть качественное отличие древнейших греческих религиозных воззрений от христианского мировоззрения, которое известно лучше всего и поэтому часто служит для нас как бы «моделью религии».

Для христианской религии основной мудростью считалась способность постичь символ веры, все остальные знания представлялись несущественными, а иногда даже и вредными (особенно ярко это видно у Тертуллиана). Отсюда — враждебное отношение к познанию конкретного мира, отчетливо обнаруживающееся в трудах теоретиков христианства. Напротив, греческая религия, обожествлявшая природу, по самой своей сути не препятствовала попыткам человеческого ума проникнуть в тайны природы. Древнейший грек мыслил богов как олицетворение и обобщение природных стихий, боровшихся между собой или с ним самим, человеком. Отсюда та любознательность и пытливость в отношении природных явлений, которые развились в раннегреческом обществе и не встречали препятствий со стороны религиозных канонов. Даже напротив: познание вечно меняющихся и в то же время стабильных законов природы отвечало душевным движениям верующего человека той эпохи, так как тем самым он приближался к пониманию своих божеств, этих олицетворенных сил природы. Таким образом, религиозные верования II тысячелетия не ставили препон в развитии и расширении опыта отдельного человека и всего общества в целом. Мифологическое мировоззрение не отвергало практических знаний, способствовавших рационалистическому подходу и миропониманию.

Почитание природы наложило особый отпечаток на греческие космогонические представления — они пронизаны идеей борьбы и столкновений. Огромный динамизм господствует во всех древней-

ших мифах — видимо, в этом нашла отзвук быстрота движения всего раннегреческого общества в его развитии додорийского периода.

Религиозные представления древнейших греков известны по памятникам материальной культуры, для завершающих веков изучаемого периода огромное значение имеют данные эпоса и ахейские надписи. Картина, которую рисуют эти источники, чрезвычайно сложна и многокрасочна. Это говорит о богатстве духовного мира тогдашних обитателей Греции, так как известно, что религия отвечает чувствам древнейшего человека и прямо воздействует на его эмоциональную жизнь. Многообразные и развитые религиозные воззрения вызвали к жизни детально разработанную богослужебную практику, о которой свидетельствуют памятники XX—XII вв.

Сложный характер греческой религии II тысячелетия во многом был обязан тем кардинальным изменениям, которые происходили и в сфере познания, и в общественной структуре. Особенно важен был перелом в социальной жизни, приведший к сложению классового общества, иными словами — к качественно новому социальному организму, носителю изучаемых религиозных воззрений¹. Вместе с тем вследствие присущего религиозной идеологии консерватизма она продолжала сохранять многие представления, унаследованные еще от общинно-племенных верований.

Многослойность раннегреческой религии проявляется весьма отчетливо. Назовем прежде всего пережитки древнейших тотемистических воззрений, которых во II тысячелетии осталось совсем немного. На ряде памятников Крита и материковой Греции встречается изображение людей, совершающих сакральные обряды и одетых в звериные шкуры². Видимо, здесь сохранялся древний тотемистический обряд, когда человек, ощущая себя связанным с тем или иным видом животного, одевался в его шкуру. Несомненно, отзвуками далеких преданий о происхождении от животного предка-тотема являются мифы о рождении тех или иных существ от териоморфного отца и женщины. Но характерно отношение общества изучаемого времени к таким порождениям, как Минотавр: критский царь укрывает его в покоях огромного дворца-лабиринта, и все же Тесей убил это чудовище³. Все же реминисценция тотемистических воззрений сохранялась в виде отдельных атрибутов или ритуальных обрядов того или иного раннегреческого культа⁴.

¹ О религиях общинно-родового строя и классовых обществ см. С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 11—17.

² Самым интересным свидетельством является фреска на стенах дворца в Пилосе, открытая в 1962—1963 гг. На ней изображены процессии женщин с цветами в руках и отдельно — процессия мужчин, одетых в звериные шкуры.

³ Эпос содержит лишь беглое упоминание об этом мифе (Od., XI, 321—325), причем Минос награжден здесь неслестным эпитетом «злоумышляющий» (δολόφρων). Правда, не все существа такого рода отличались отрицательным характером: кентавр Хирон (II, XI, 832) считался δειδωτάτος.

⁴ Даже в первом тысячелетии в греческой религии встречаются следы тотемистических воззрений. Например, в Аттике на празднике Артемиды Бравронской,

Усложнение религиозного мировоззрения и выработка представлений об олицетворенных и обожествленных силах природы сопровождалось обожествлением не только природных явлений, но и природных творений — представителей растительного и животного мира. В этот поток, вероятно, влились и древнейшие тотемистические культуры, которые постепенно утратили свое особое генеалогическое значение. Давний культ растений⁵ в жизни земледельческого населения Греции играл большую роль в изучаемый период. Многочисленные изображения священных растений и деревьев и ритуальных обрядов, совершавшихся ахейцами возле них, свидетельствуют, сколь сильны были религиозные воззрения, связанные с дендрологией в додорийской Греции⁶. Почитались не только культурные растения, от которых зависела жизнь земледельца. Древнейшее, еще пеласгических времен, святилище в Додоне сложилось вокруг могучего дуба, в котором обитал Зевс (Od., XIX, 296—297). И вообще дуб считался принадлежащим этому верховному богу греков, если он рос даже в чужой земле (например под Троей. — II, VI, 60). Также и платан имел священное значение⁷. Особо отметим пальму — согласно сведениям «Одиссеи» (VI, 162), это дерево было посвящено Аполлону. Но, судя по многочисленным изображениям на резных камнях⁸, почитание пальмы связывалось и с другими божествами, некоторые из которых остаются пока неизвестными.

В круг верований греков эпохи бронзы входило почитание некоторых животных. Имеющиеся свидетельства позволяют заключить, что зоолатрия не занимала сколько-нибудь важного места в общей системе религии изучаемого времени. Священные животные уже тогда считались атрибутами богов, следовательно, играли подчиненную роль в религиозных представлениях. Характерны резные камни с изображением женского или мужского божества в центре, по обеим сторонам фигуры располагали в геральдической схеме двух животных — львов (чаще всего), козлов, иногда птиц. Описанные сцены представляют Владычицу зверей (Πότνια Θερῶν) или Владыку зверей (Πότνιος Θηρῶν), которых сопровождают подчиненные им животные⁹.

Тесная связь львов с Владычицей зверей (примечательно, что и в классической религии эллинов львица считалась посвященной Артемиде) способствовала возникновению представлений о том, что лев обладает апотропеической силой. Ярким свидетельством этих

медвежьей богини, девочек от 5 до 10 лет одевали медведями (*Demosth. De corop.*, p. 260). Но этот обряд занимал столь малое место, что он остался лишь в качестве детского праздника.

⁵ О значении культа растений в верованиях индоевропейских племен весьма обстоятельно писал Е. Кагаров («Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции». СПб., 1913, стр. 92—99).

⁶ *M. P. Nilsson. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion 2.* Lund, 1950, p. 262—288.

⁷ II, II, 305; *Е. Кагаров. Указ. соч.*, стр. 118.

⁸ *M. P. Nilsson. Op. cit.*, p. 284—286.

⁹ *Ibid.*, p. 352—360.

воззрений является знаменитый надвратный рельеф Львиных ворот в Микенах: две львицы стоят, опершись передними лапами на базу священной колонны, возвышающейся в середине между ними (высечен около 1250 г. до н. э.). Очевидно, львицы должны были играть роль божественных хранителей входа в царскую резиденцию¹⁰.

Почитание крупных домашних животных — быка и лошади — отразилось и в лексике (например, в «Илиаде» бог Аид именуется *κλυτόπωλος*), и в памятниках изобразительного искусства; оба упомянутых вида животных были тесно связаны с культами главных богов — Посейдона, а позднее Зевса.

Изображения птиц в ритуальных сценах свидетельствуют, что во II тысячелетии сохранились представления о священном значении некоторых их видов. В эпосе часты упоминания орла и коршуна в качестве священных птиц.

Прогрессирующее ослабление древних зоолатрических представлений на протяжении II тысячелетия подтверждается не только тем, что почитание животных превращается в почитание посвященных какому-либо богу зверей или что животное становится атрибутом бога. Отход от почитания божества-животного сказывается и в том, что превращение Зевса или других богов в животных и птиц имело весьма ограниченную во времени продолжительность. Но особенно показательно появление представлений о существах смешанной формы, сочетавших в своем облике человеческое и животное начала. Распространенность подобных изображений на памятниках мелкой пластики показывает, сколь развито было почитание таких созданий. Интересно наблюдение М. П. Нильссона, рассматривавшего изображения демонических существ с чертами животных и человека: по его мнению, эти существа занимали подчиненное положение в религии критян и других ранних греческих племен, они не были самостоятельными объектами культа¹¹. Можно вспомнить козлоногих сатиров в эллинской мифологии классического периода, также относившихся к низшему разряду божественных существ.

Появление упомянутых персонажей в ряду божественных образов древнейшей греческой религии свидетельствует о том, что антропоморфические представления уже господствовали в мировоззрении, решительно отодвинув териоморфные верования отдельных эпох. В этом сказывается огромный шаг вперед, сделанный греческим обществом эпохи бронзы.

Господство антропоморфизма в религиозных верованиях греков II тысячелетия указывает на большой динамизм в области духовной культуры. Здесь видно огромное отличие от миропонимания древних

¹⁰ Истолкование рельефа Львиных ворот привлекло внимание многих выдающихся исследователей прошлого — Цунты, Эванса, Уэйса, Нильссона. Недавно Г. Милонас попытался по-иному объяснить упомянутую сцену: по его мнению, рельеф имеет узкогеральдическое значение, львы являлись символом правившей в Микенах династии Пелопидов (*G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age. p. 173—175*).

¹¹ *M. P. Nilsson. Op. cit., 368—381.*

египтян, консервативное религиозное мышление которых упорно держалось териоморфизма.

Весьма важен вопрос о роли некоторых животных в хтонических представлениях ранних греков. В настоящее время есть много данных о почитании змей как на Крите¹², так и в других местах раннегреческого мира¹³. Большое место, которое змея занимала в качестве божественного атрибута в эллинской религии I тысячелетия, позволяет думать, что в додорийский период эти воззрения были столь же распространены, если даже не больше.

Как известно, почитание змей распространено почти у всех народов. В религиозных представлениях индоевропейских племен змеи занимали видное место. Весьма красноречивы данные языкознания: наименование змеи сохранило общий корень во многих языках: санскритское *ahi*, *ahīna*, греческое *ἄλις*, *ἑλιδνα*, славянское анжь-уж, латинское *anguis*, литовское *angis*, древненемецкое *upke*¹⁴. В мифологических представлениях индоевропейских племен огненная змея олицетворяла молнию, кометы, катящиеся звезды. Отсюда, как указывает А. Афанасьев, произошло расширение понятия о небесной змее, ее имя стали сочетать не только с молнией, но и вообще с громовой тучей. Поэтому в большинстве эпических сказаний змей выступает представителем громоносных облаков и характер его получает демонический оттенок¹⁵.

Древнейшие греческие и соседние с ними родственные индоевропейские племена, обитавшие на Балканском полуострове, находились в таких природных условиях, которые способствовали развитию давних мифологических представлений о змеях. Пустынные горные местности Греции и поныне изобилуют ужами и змеями, причем первые достигают внушительных размеров.

Неолитический земледелец Балкан почитал в образе змей могучие силы природы, и эти понятия сохранились и в период бронзы. Раньше многочисленные указания греческой мифологической традиции I тысячелетия до н. э. позволяли делать преимущественно ретроспективные заключения, теперь источники расширили возможности проникновения в мифологические предания II тысячелетия. Что особенно важно: мифы ахейского периода содержат более непосредственные, более свежие религиозные воззрения, так как создавшее их общество еще не пережило той тяжелой эпохи, которая была связана с завоеваниями дорян. Поэтому находка изображений змей-хранительниц в святилище микенского дворца дает основания для многих предположений.

¹² *Evans. P. of M.*, I, 495—509. Но мы не можем согласиться с Эвансом в том, что офиолатрия появилась на Крите под влиянием Египта.

¹³ Например, на перстнях из Микен (*A. J. Wace. Chamber tombs. . .*, p. 59, 200, Pl. XXVIII, 31, 32).

¹⁴ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, II. М., 1868, стр. 512.

¹⁵ Там же, стр. 511.

Прежде всего, важен облик благих охранительных существ, который придан этим змеям. Он основан на представлениях о змее как хранителе дома. На это значение змей в культах II тысячелетия уже давно обратил внимание Нильссон¹⁶. Очевидно, микенская династия XIV—XIII вв. считала змей своими особыми покровителями. Возможно, что здесь нужно протянуть нить между Афиной, покровительницей ахейян во время похода под Трою, и змеей как атрибутом богини в I тысячелетии до н. э. Ведь, как сообщает Геродот (VIII, 41), на акрополе Афин, в храме Афины Полнады, жила священная змея еще в его время.

Микенские змей-хранительницы позволяют предположить, что в высших кругах ахейского общества складывались некоторые особенные религиозные представления.

Между тем в народной памяти сохранились легенды о змеях, отражавшие очень ранние воззрения на природу, видимо, возникшие еще тогда, когда человек был совершенно подавлен страшными проявлениями тектонических сил земли. Эти предания глубоко укоренились в сознании земледельческого населения Греции, хранившего первобытные сказания о чудовищных гадах. Среди многих старинных мифологических образов, унаследованных греками от ранних времен, следует назвать Ехидну — полунимфу, полузмею, упоминаемую в «Феогонии» Гесиода (295—305). Это страшилище, обитающее в подземных расщелинах глубоко под скалами и пожирающее сырое мясо. Будучи бессмертным, это существо олицетворяет демонические силы земли, однако не благие, а направленные во зло человеку¹⁷. Образ Ехидны находится в полном соответствии с представлениями о ее супруге, свирепом Тифее, который в ахейском эпосе олицетворяет подземный огонь, вызывающий землетрясения и извержения вулканов (II, II, 781—785):

γαῖα δ' ὑπεστενάχισε Διὶ ὥς τερπικηραῖνον
 χορμένῳ, τε τ' ἀμφὶ Τυφῳϊ γαῖαν ἱμάσση
 εἰν Ἀρίμοις, ὅθι φασὶ Τυφῳέος ἔμμεναι εὐνάς.
 ὥς ἄρα τῶν ὑπὸ ποσσὶ μέγα στεναχίζετο γαῖα
 ἐρχομένων μάλα δ' ὤκα διέπρησεν πεδίον.

Супружество Тифея с Ехидной совершенно закономерно — оба эти существа олицетворяют грозные вулканические силы, принося-

¹⁶ M. P. Nilsson. Op. cit., p. 324—329.

¹⁷ Наименование ἡ Ἐχιδνα не встречается в языке Гомера, однако указанные выше общие индоевропейские корни этого слова не оставляют сомнений в большой древности данного мифологического образа. В связи с этим отметим еще раз слабость позиций тех, кто пытается искать истоки греческой мифологии в малоконкретном комплексе «восточных религий». Например, Г. Розе полагает, что «смешанное существо Ехидна» наводит на мысль о крылатых человекоголовых быках и прочих образах ассино-вавилонского искусства и эпоса (H. Rose. Griechische Mythologie. München, 1955, S. 29). Исходя из такого единичного признака, как смешение в одном образе черт разных существ, которое присуще первобытным религиям всех народов, можно сделать лишь весьма поверхностные выводы.

щие столько бед обитателям Средиземноморья. Примечательно, что Тифей имеет точное местожительство — *εἰν Ἀρίμοις* — видимо, особо сейсмический район, куда, согласно Гесиоду, боги заточили под землю и Ехидну¹⁸. Сохранение названия Арим в беотийской традиции начала I тысячелетия до н. э. (иными словами, в эолийском массиве греческого народа) показывает достаточно ясно, как много места занимали предания о страшных змеях в религиозных воззрениях ранних эллинов.

В этой связи небесполезно вспомнить облик Тифея, каким рисовался он многим поколениям предков Гесиода¹⁹. Как и Ехидна, Тифей принадлежит к разряду чудовищ. Он отличается огромной силой, на плечах его высились сто змеиных голов с черными языками и огнедышащими очами. Это создание могло приносить ужасное зло, и потому, по верованиям греков, был неизбежен бой между Тифеем и Зевсом. Упоминания о борьбе Зевса с Тифеем²⁰ в эпосе весьма кратки и незначительны. Можно сказать, что отношение эпоса к божественным змеям соответствует представлениям о них в микенском дворце XIII в.

Обращаясь к изображениям божеств на памятниках II тысячелетия и к образам богов в эпосе, следует отметить большое сходство воззрений, легших в основу обеих групп источников. Кратко можно сказать, что греки додорийского времени полагали, что существует множество божественных сил, имеющих вполне человеческий облик. Эти существа обладали, по представлениям того времени, властью над природой и над людьми, однако могущество их было не безгранично. Подобно стихиям и людям, боги борются между со-

¹⁸ Локализация Арим является камнем преткновения. Еще 100 лет назад ее склонны были искать во Фригии, Сирии или Киликии (*E. Buchholz. Homerische Kosmographie und Geographie. Leipzig, 1871, S. 357*). Ныне, когда столь расширились знания о древней географии, Аримы с уверенностью идентифицируют с Сицилией, где находится огнедышащая Этна (*A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. A Companion to Homer. London, 1962, p. 309*). Последнее предположение кажется нам более правдоподобным — образ земли, полыхающей огнем и стонущей под ударами грома, мог возникнуть лишь там, где действует чрезвычайно мощный вулкан. Г. Розе допускает возможность того, что Аримы — вулканический остров Инарима, недалеко от Неаполя (*H. Rose. Op. cit., S. 55*), однако трудно предположить, что вулкан Инаримы мог затмить могучую Этну. Видимо, чисто формальное сходство географических названий навело упомянутого исследователя на такую мысль.

¹⁹ Время творчества Гесиода определяют весьма различно: от рубежа IX—VIII и до рубежа VIII—VII вв. Если взять среднюю дату, приходящуюся примерно на 750 г., то оказывается, что со времен Троянской войны в этом эолийском роде до Гесиода сменилось лишь 13—14 поколений. Весьма интересно, что устная традиция семьи Гесиода сохранила религиозные предания очень ранней поры. Дикость и первобытность древнейших богов, изображенных в «Феогонии», резко контрастирует с теми сложными и почти полностью антропоморфными образами жителей Олимпа, которые рисует героический эпос ахейян. Очевидно, во второй половине II тысячелетия у ахейян в мифологической традиции существовали сильно отличавшиеся варианты.

²⁰ Видимо, к Зевсу перешел подвиг более древнего небесного божества, бога-громовика, поражавшего змей молнией. Ведь известно, что в эллинской мифологии I тысячелетия Зевсу были приписаны деяния более ранних богов.

бою, их обуревают такие же страсти, как и людей. Жизнь человека зависела от того, сколь успешно он добивался расположения богов соблюдением религиозных обрядов и выполнением всех тех общественных норм, которые были освящены религией.

Среди обрядов важнейшими были действия, имевшие целью приобрести расположение и отвратить гнев богов, что достигалось принесением жертв.

Жертвоприношения составляли существенную часть в сакральных обрядах ранних греков. Как известно, этот обычай восходит к очень ранним фазам религиозных представлений, когда человек пытался задобрить дарами высшие божества (жертва по принципу *do ut des*) или когда род или племя сообща приносили в жертву определенное животное, часть которого шла божеству, а остальное съедали совершавшие обряд. Совместное принятие пищи, судя по обычаям, сохранившимся у дорян, имело большое значение в жизни протогреческого племенного массива, так как оно устанавливало особые тесные связи между сотрапезниками. Вкушение же мяса священного животного не только сближало людей, но и устанавливало священные связи между жертвователями и божеством²¹. Приносивший угодные богам жертвы²² мог, по верованиям ахейн, настойчиво требовать от бога помощи в трудную пору: жрец Аполлона Хрис, моля своего патрона об отмщении за дочь, напоминает, как он приносил богу в жертву быков и коз (II., I, 37—42). Представление о том, что благосклонность богов можно обеспечить с помощью подарков²³, очень четко сформулировано Гесиодом (по словам Платона — *De republ.* III, p. 390 R: *δῶρα θεοῖς πείθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας*).

Ритуал жертвоприношений в раннегреческом обществе отличался большой сложностью. Он начинался с того, что приносивший жертвы умывал руки водою (II., VI, 266—267) и одевался в чистые одежды (*Od.*, IV, 759—760). Вообще, требование личной и общественной чистоты при исполнении религиозных обрядов было тогда обязательным условием. Так, все войско ахейн совершало обряд личного очищения и очищения лагеря от разного мусора по приказанию Агамемнона, и только после этого приступили к жертвам Аполлону (II., I, 313—317). Для очищений применяли не только воду, но и серу²⁴.

Доступные ныне источники позволяют заключить, что в изучаемый период греки совершали жертвы разных видов.

²¹ Материальная жертва, вероятно, играла в древнейших религиях гораздо большую роль, чем молитвы без жертвоприношений.

²² Антропоморфизм древнегреческих божеств определил перечень того, что можно было приносить в жертву: зерно, фрукты, мясо, вино, масло и другие съедобные, по мнению самих греков, предметы.

²³ Так же непосредственно обращается к Афине с молитвой троянская царица Гекуба и обещает ей пожертвовать 12 коров-однолеток, если богиня дарует победу над Диомедом (II., VI, 305—310).

²⁴ Ахилл протер серой кубок и омыл его затем водою (II., XVI, 215—231). Для очищения домов их окуривали серой — так поступил Одиссей после избиения женихов в своем доме.

Особенно распространены были возлияния вином, реже медом с водой или молоком ²⁵. Раскопки выявили большое число ритуальных сосудов ²⁶, форма которых особенно удобна для возлияний. Это одноручный кувшин с почти сферическим туловом на низком или среднем поддоне. Его высокая шейка завершается косо срезанным устьем, над краями сосуда высоко поднимается изящно изогнутая ручка. Частое употребление этого вида утвари привело к тому, что изображение его вошло в число идеограмм раннегреческого письма — знак № 205. Такие сосуды постоянно изображались в сценах ритуальных приношений ²⁷, которые сохранились на многих памятниках как из критских центров ²⁸, так и из материковых ²⁹. Помимо названной формы для культовых действий применяли различные сложные сосуды. Особенно хорошо известны керны — композиция из нескольких сосудов, расположенных на одной ножке, — видимо, для возлияния использовалась не одна жидкость. Иногда несколько сосудов укрепляли по окружности кольцевого узкого сосуда ³⁰. Чрезвычайно красноречив открытый сосуд из могилы № 5 в Перати (Аттика, XII в.): на краях его укреплены 2 открытые чашечки и 4 терракотовые фигурки, очевидно, изображавшие богиню ³¹.

Жертвоприношения включали не только вино и прочие жидкости, но и кровь, которая собиралась в больших открытых сосудах на ножках или без них ³². По большей части эти сосуды делали из различных пород камня, а подчас из глины.

Другой род жертв — воскурения, которые считались весьма угодными богам (см., например, 11, IX, 499—500). При воскурении сжигали специальные пахучие вещества ³³ или, чаще, мясо и жир жертвенных животных (II., VIII, 545—551).

²⁵ Возлияния совершались согласно твердому распорядку: в Кноссе было найдено 11 табличек серии Fp, которые позволили заключить, что каждый месяц деревни по очереди поставляли амфоры с оливковым маслом для культовых обрядов: в других документах оприходованы сосуды с медом и вином (*Ventris—Chadwick. Documents*, p. 303—312).

²⁶ В быту знати сосуды для возлияний делали не только из глины, но и из серебра — в Микенах в XVI в. в царское погребение IV круга А была поставлена серебряная ойнохоя (*G. Schliemann. Mykenae. . .*, S. 280, Abb. 353).

²⁷ Судя по эпосу (II., VII, 480—481), возлияния вином Зевсу совершались на пирах из обиходной посуды — перед тем как пить из кубка проливали немного вина.

²⁸ *Evans. P. of M., IV, p. 445—467.*

²⁹ Например, на перстне из фолоса Вафио (*Evans. P. of M., IV, p. 453, fig. 378*); на стеклянных плакетках из Микен (*A. J. B. Wace. Mycenae. . .*, fig. 67); на золотом перстне из Тиринфа (*Sp. Marinatos und M. Hirmer. Kreta und das Mykenische Hellas, Abb. 207*).

³⁰ Обломок такой ритуальной вазы из Микен хранится в Афинском Национальном музее (инв. № 5427).

³¹ О раскопках Яковидиса в Перати см. „*Πρακτικά*“, 1953, σ. 88—102.1

³² *M. P. Nilsson. Op. cit., p. 122—130.*

³³ Существовала специальная утварь. На золотом перстне из Тиринфа представлена открытая курильница, стоявшая на небольшой колонке-подставке (*G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age, p. 151, fig. 123, № 16*).

Самым распространенным видом жертвоприношений было заклание животных. Кровавые жертвы преобладают в ритуальных обрядах, описанных в ахейском эпосе, весьма часто представлены они на памятниках искусства — на фресках и резных камнях. Обряд заклания быка или телицы начинался с того, что животное обсыпали ячменем или солью (II., I, 458; Od., III, 445—446) и срезали с него клочок шерсти, который участвовавшие в церемонии тут же, разделив между собою, бросали в огонь (II., III, 273). Ячменные зерна также бросали в огонь. Заклание животного обычно совершали на жертвенном столе, как свидетельствуют многочисленные изображения ³⁴. Там отделяли части, полагающиеся божеству, и клали их на огонь на жертвеннике ³⁵. После сожжения жертвенных частей остальное мясо резали на куски и жарили: теперь наступал черед людей (подробное описание жертвенного пира сохранилось в «Илиаде» — I, 465—470).

Принесение в жертву крупного животного или даже нескольких было под силу только значительному сообществу или могущественному правителю. В «Одиссее» рассказано о том, как пилосский народ на морском берегу совершал жертвы черными быками ³⁶: было отделено 9 сидевших особо групп пилосцев, в каждую входило по 500 пилосских мужей, и перед каждым подразделением стояло по 9 быков (Od., III, 5—8). Сообщаемые поэтом цифры нельзя принимать за абсолютно точные, но несомненно одно: заклание быка производилось довольно многочисленной группой пилосцев. Ахейские документы XIII в. показывают, что организация крупных жертвоприношений велась заблаговременно и что животных доставляли и народ, и должностные лица. Примечательно, что в записях преобладают бараны, крупный рогатый скот упомянут редко и в небольшом числе. Так, в пилосской табличке Un 718 зарегистрировано поступление 1 быка, 4 баранов, различного провианта (зерно, мука ³⁷,

³⁴ Весьма детально представлен такой стол на стеатитовой печати, хранящейся в музее Кандии (Крит): довольно низкий стол на четырех прочных ножках с пространной верхней доской, на которую положена безжизненная бычья туша (M. P. Nilsson. Op. cit., p. 229—230, fig. 113). На саркофаге из Агия-Триады процесс заклания передан более реалистично: лежащий на жертвенном столе бык крепко обвязан веревками, из смертельной раны на шее хлещет кровь и стекает в сосуд, стоящий рядом со столом (Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Taf. XXVIII). Убийство приносимого в жертву животного совершалось или топором, или ножом. Так, на агатовом перстне из одного микенского склепа (раскопки Х. Цунты в 1880-х годах) художник представил высокого мужчину, одетого в длинное облегающее платье с длинным ножом в руке, стоящего возле низкого жертвенного стола с четырьмя массивными ножками. На столе лежит кабанья туша, видимо, предназначенная для разделывания (Evans. P. of M., IV, p. 572—573, fig. 550).

³⁵ В походных условиях под Тройей жертвы сжигали прямо на поленьях костра (II., I, 462).

³⁶ Заклание черных животных для богов моря (здесь — Посейдону) и богов подземного мира оставалось незабываемой традицией и в ритуальных обрядах классической Греции.

³⁷ Упомянутый в стк. 10 термин *mereuro* И. Кирасси удачно толкует как «молотое», иными словами — мука (I. Chirassi. Poseidaon-Enesidaon nel pantheon miceneo, — *Atti e memorie*, III, p. 953).

вино, мед, сыр?), а также двух овечьих шкур³⁸. Эти припасы, видимо, должны были быть употреблены на пиршестве в честь Посейдона, устраиваемом в местности Сарапедии³⁹.

Жертвоприношения мелким скотом (ягненок, поросенок) и птицей носили менее торжественный характер и совершались в каждом доме у домашнего алтаря. Судя по расположению алтаря в Пилосском дворце и в Кноссе (тут открыто 4 основания алтарей), жертвенники ставили обычно перед домом во дворе, но были также и переносные алтари. М. П. Нильссон, подробно изучивший изображения этого атрибута религиозных древностей на памятниках II тысячелетия, отметил разнообразие форм, размеров и назначения названных конструкций, которое нашло продолжение и в сакральных древностях классической Греции⁴⁰. Следует отметить, что критяне создали более совершенные и изысканные формы жертвенников и в более раннее время⁴¹, тогда как алтари материкового населения еще долго сохраняли массивность и основательность в ущерб внешней форме.

Следует упомянуть еще и о дарении богам плодов и овощей. Эти незамысловатые жертвы приносили особенно часто селяне в благодарность за хороший урожай. Но приношения плодов входили и в ритуалы торжественных жертвоприношений, как позволяет заключить корзинка с фруктами, изображенная над алтарем на фреске саркофага из Агия-Триады⁴².

Наконец, остановимся на вопросе о человеческих жертвах. Сведения о них встречаются и в древнейших мифах (легенда о жертвоприношении Ифигении) и в сообщении эпоса о похоронах Патрок-

³⁸ В документе Un 718 еще много неясного, как отмечали Вентрис и Чадвик (Documents, p. 282—284). После разбора текста Палмером (*L. R. Palmer. The Interpretations of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963, p. 111—112*) были предложены новые отдельные уточнения. Так Г. Надь предлагает первые три строчки (*sarapeda posedaoni dosomo; owidetai dosomo i toso ekeraz dose GRANUM 4 INUM 3 TAURUS 13*) переводить следующим образом: «Пожертвование Сарапедии Посейдону; и она просмотрела [проверила] взнос; Ехелавон вносит зерна — 4 [единицы], вина — 3 [единицы], быка — 1» и т. д. (*C. Nagy. On dialectal anomalies in Pylian Texts.— «Atti e memorie», II, p. 663—679, особенно 676—677*).

³⁹ Истолкование роли упомянутых в табличке Un 718 должностных лиц еще далеко от твердо установленного. Например, Ф. Адрадос пытался упомянутого в 10-й стк. равакета (лавагета) противопоставить ахейскому царю в качестве особого военачальника (*F. Adrados, Wanaka u rawaketa.— «Atti e memorie», II, p. 559—573*). Однако весь контекст изучаемого документа показывает, что равакета мог быть должностным лицом небольшого ранга, так как полномочия его были ограничены пределами столь небольшой местности, как Сарапедия. (Судя по общему количеству мяса, зерна, вина, сыра и меда, в жертвоприношении участвовало не очень много лиц.)

⁴⁰ *M. P. Nilsson. Op. cit., p. 117—154.*

⁴¹ Приведем в качестве примера керамический алтарь — блюдо из I дворца в Фесте: во внутренней комнате среднеминойского дворцового святилища открыто вделанное в пол помещения большое прямоугольное блюдо (0,55 × 0,45 м) с широким горизонтально отогнутым краем (украшен штампованными фигурками быков и двойной спиралью) и большим круглым углублением почти в центре дна — (L. Pernier, L. Banti. *Il Palazzo Minoico di Festos, I, p. 230—232, fig. 106—108*).

⁴² *Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Taf. XXVIII.*

ла (II., XXII, 175—176). Но резкое осуждение поэтом Ахилла, убившего 12 пленных троянцев на костре своего друга, говорит о том, сколь чужд был этот обычай ранним грекам. Малочисленность находок человеческих костей в могильниках II тысячелетия (Милонас приводит только три случая ⁴³) убеждает в том, что заклание людей было чуждо религиозным обычаям додорийской Греции.

Как видим, в практике жертвоприношений у ранних греков весьма много общего с установлениями и аналогичными обрядами Греции классического времени ⁴⁴.

Судя по эпосу, молитва, то есть личное обращение человека к божеству с просьбами или с благодарностью, была самым распространенным видом религиозных обрядов. Выше мы упоминали о том, что, обращаясь к богам, герои эпоса считали нужным напомнить о своих заслугах перед тем или иным божеством. Обращения к богам сопровождалась выразительной жестикуляцией. На многих памятниках представлены мужские или женские фигуры, протягивающие руки к божеству или к его атрибутам ⁴⁵.

Среди одного вида терракотовых статуэток, особенно распространенных в греческих землях в XVI—XII вв., есть много фигурок, руки которых протянуты вверх или вперед в молитвенной позе. Другой жест адорации хорошо засвидетельствован изображениями с Крита — вызывающий к божеству прикладывает правую руку ко лбу ⁴⁶.

Гораздо лучше известны различные шествия, процессии, танцы — изображения этих действий запечатлены на фресках ⁴⁷, резных камнях ⁴⁸, на сосудах. Они происходили на открытых местах, в пределах внутренних дворов обширных царских дворцов ⁴⁹ и, вероятно, на улицах и площадях деревень и городов. Разнообразие видов общественных сакральных церемоний свидетельствует о том, что в ранней Греции, как позднее в классической Элладе, уделялось большое внимание религиозным актам, которые должны были обеспечить покровительство богов. В изучаемое время формы богопочитания были не столь пышными и продолжительными ⁵⁰, но зна-

⁴³ G. Mylonas. Mycenae and the Mycenaean Age, p. 116—117.

⁴⁴ Весьма полное и вместе с тем сжатое изложение жертвенных ритуалов классической Эллады см. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. II. СПб., 1899, стр. 80—93.

⁴⁵ Например две женщины перед алтарем на золотом перстне из Микен (Sp. Marinatos und M. Hirmer. Op. cit., Abb. 206).

⁴⁶ Бронзовые фигурки в упомянутой позе см. S. Hood. The Home of the Heroes. London, 1967, p. 98, fig. 89, 90.

⁴⁷ Многофигурные композиции процессий на стенах Кносского и Пилосского дворцов см. Evans. P. of M., II, p. 719—734.

⁴⁸ Отанцах см. выше, стр. 134—135. Ритуальное значение танцев в Греции II тысячелетия подробно освещено Нильссоном (op. cit., p. 275, 283, 343, 352).

⁴⁹ Особенно показательны ступенчатые террасы Феста.

⁵⁰ Некоторые полисы заслуживали даже порицания за частые празднования. Так, Страбон, говоря о роскоши Тарента, сообщает, что здесь в году было больше праздничных, чем будничных, дней (Strabo, VI, 3.3).

чение их в духовной жизни каждого коллектива (племя, род или царство, город, деревня) было ничуть не меньшим.

Говоря о ритуальных обрядах, следует упомянуть и спортивные соревнования, которые входили в состав празднеств. Так, при погребении Патрокла были устроены состязания в беге колесниц, в кулачном бою, стрельбе из лука, в борьбе одетых в доспехи и вооруженных копьями воинов, метании железного круга (II, XXIII). Особенностью общественной жизни критян были акробатические игры с быками⁵¹. Их изображения весьма многочисленны. Они показывают, сколько умения, силы и ловкости требовалось от гимнастов в этих опасных упражнениях. Подобные качества греки расценивали, как дар, полученный от богов⁵², поэтому демонстрация «божественных» способностей атлетов имела несомненно и сакральное значение. Ведь боги не только содействовали героям во время состязаний (как, например, Афина поддерживала Одиссея.— Od., VIII, 193—198), они даже сами вступали в агон со смертными людьми⁵³. Поэтому можно полагать с большой долей уверенности, что физические упражнения и игры входили в число богослужебных церемоний ранних греков, от которых обычай этот перешел и в религиозную жизнь полисной Греции⁵⁴.

Сущность греческой религии составляет политеистическое⁵⁵ обоготворение сил природы. Почитание таких божеств сосредоточивалось первоначально в местах, где, как полагали ранние греки, обитали боги⁵⁶. Такими жилищами богов могли быть самые разнообразные части ландшафта — рощи, отдельные деревья⁵⁷, скалы, горы, реки, пещеры. В почитавшихся священными местах издавна совершали обряды в честь богов. Для исполнения священных церемоний там ставили жертвенники и алтари. Интересна сцена такого богопочитания, изображенная на щитке перстня из недавно открытого фолоса в Мирсинохоре (окрестность Пилоса): на сколоченном из дерева прямоугольном алтаре стоят сакральные рога,

⁵¹ Подробно см. *Evans. P. of M.*, II, p. 202—232, fig. 139—164.

⁵² Царь Алкиной говорит о доблестях, которые феаки получили от Зевса и которые передаются из поколения в поколение (Od., VIII, 244—245).

⁵³ Интересен упоминаемый в «Одиссее» миф об одном из «мужей давних лет» Еврите, который вызвал на состязание в стрельбе из лука самого Аполлона, за что и поплатился жизнью (Od., VIII, 224—228).

⁵⁴ Нам представляется неверным мнение М. Нильссона о том, что минойские игры с быками не носили священного характера, а были лишь a very popular secular sport (op. cit., p. 374).

⁵⁵ О политеизме религии минойско-микенского времени см. *M. P. Nilsson. Op. cit.*, p. 70—76.

⁵⁶ Древний миф о превращении бога Посейдона в поток Энипей для брака с прекрасной Тиро (Od., XI, 235—258) ярко отражает эти воззрения. Большую роль еще играли пеласгические традиции. Например, в Додоне служители оракула Зевса Пеласгического должны были спать прямо на земле (II, XVI, 234—235) — видимо, так поддерживалась их прямая связь с божеством.

⁵⁷ Роль деревьев в религиозных воззрениях Греции II тысячелетия подробно рассмотрена А. Эвансом («Mycenaean Tree and Pillar Cult» — JHS, XXI, 1901, p. 99—196) и М. Нильссоном (op. cit., p. 262—288). О значении растительных культов в древнейших религиях см. *Е. Кагаров. Указ. соч.*, стр. 92—192.

между которыми воткнуты две ветви маслины. На алтарь возлагает лилию женщина, одетая в парадную широкую юбку. Грудь ее полностью открыта, на голове убор с двумя рогами⁵⁸. Однако часто культовые действия совершались прямо под деревом⁵⁹, причем эти обряды выполнялись в XVI—XV вв. лицами из высших слоев общества.

Прочность традиции почитания божеств в созданных самой природой местах, которую обнаруживает эллинская религия классического времени⁶⁰, позволяет предполагать, что во II тысячелетии такой обряд богопочитания был господствующим. Сюда примыкает и почитание священных пещер и гротов, особо распространенное на Крите⁶¹. В общем религия Греции додорийского времени отличается тем, что она не была связана с монументальными культовыми сооружениями. Это — естественное следствие обожествления всей природы. Действительно, великая богиня Земли простиралась повсюду и, по воззрениям раннего грека, жила повсюду. Также и Посейдон обитал в безбрежных водах морей.

Но со временем представления о некоторых богах видоизменились, возникла мысль о том, что отдельные боги могут обитать в построенных человеком жилищах. Так родились святилища. Сначала это были очень скромные по размерам и по виду помещения, обычно составлявшие часть дома или дворца. Весьма ценна мысль Нильссона, что в подобных домашних святилищах почитали иных божеств, чем те боги, культ которых был связан с священными местностями⁶². Несомненно, что почитавшиеся под крышей дома божества были особенно близки человеку, они имели прямое отношение к его жизни, относясь к нему враждебно или благожелательно. Яркие изображения таких второстепенных божественных существ, сохранившиеся в святилище на микенском акрополе (раскопки 1968—1969 гг.), служат прямым подтверждением мнения шведского ученого.

Святилища II тысячелетия известны во многих местах как на островах, так и на материке⁶³. Обычно это небольшие помещения

⁵⁸ ILN, 27 April 1957, p. 691; *Sp. Marinatos und M. Hirmer*. Op. cit., Abb. 208. Иногда, судя по перстню из Вафио (JHS, XXI, 1901, p. 176, fig. 52), ветви дерева ставили в большие сосуды.

⁵⁹ Напомним сцену на большом золотом перстне из Микен, найденном в 1877 г. Дросиносом: под большим деревом сидит богиня, держащая в руке три головки мака. Перед нею стоят три женские фигуры, одна из которых держит несколько лилий, за деревом стоит еще одна женщина (*Sp. Marinatos und M. Hirmer*. Op. cit., Abb. 207). Видимо, здесь совершаются обряды, связанные с культом плодородия и растительности.

⁶⁰ И в классическое время в Додоне Зевс обитал в священном дубе (*Her.*, II, 55).

⁶¹ *M. P. Nilsson*. Op. cit., p. 53—76.

⁶² *Ibid.*, p. 77.

⁶³ Все известные до 1950 г. материалы подробно рассмотрены Нильссоном (op. cit., p. 77—116), который описывает критские святилища в Кноссе, Гурнии, Фесте, Агия-Триаде, Гази, Карфи, Кумасе, Трулле, Псейре, Ниру-Хани, Хамаизи, Малми, Тилиссе и Палайкастро, на материке — святилище в Асине и в Бербати.

как во дворцах (кносское святилище Главного дворца состояло из двух небольших комнаток ⁶⁴; в Фесте в Среднеминойский-II период во дворце 4 маленькие комнаты имели сакральные функции, причем самое большое помещение достигало лишь $3,65 \times 2,60$ м ⁶⁵; в Пилосе дворцовое святилище, находившееся в боковом северо-восточном корпусе, представляло собой открытое помещение 93 площадью около 10 кв. м), так и в частных домах (в доме, примыкавшем с северо-запада к кносскому дворцу, это была небольшая комнатка, как пишет Эванс ⁶⁶; иногда, как показали остатки дома в Бербати, домашнему культу отводился лишь один из углов комнаты, где стоял алтарь с различными сакральными предметами). Правда, в дворцовом комплексе Асины комната с ритуальными находками имела площадь 7×5 м, что позволило исследователям предположить, что здесь уже возникало храмовое помещение ⁶⁷.

Скромный облик сакральных помещений свидетельствует не только о сохранении старинных простых форм культа богов, он отражает и доступность раннегреческих божеств для их почитателей. Иными словами, боги, помогавшие человеку или наказывавшие его за нечестивые поступки, оставались близкими существами. Эта особенность раннегреческого религиозного мировоззрения в полной мере проявилась в эпосе, она отражена и в памятниках искусства III тысячелетия. Грек эпохи бронзы знал о губительных и разрушительных действиях своих богов, но почитание их не было связано с мыслью о его собственной приниженности и угнетенности, как это имело место в древнейших религиях Египта и Месопотамии, где сложившиеся на земле системы деспотизма служили «моделью» для конструирования связей между божествами и людьми ⁶⁸.

Общедоступность религиозных обрядов, сохранявшаяся в раннегреческом обществе, являлась причиной того, что это общество не знало особо привилегированной группы служителей культа. Совершавшиеся в упомянутых скромных святилищах ритуальные действия выполнялись главой семьи или его домочадцами (например, моление Гекубы), они требовали специальных профессиональных

⁶⁴ Как отмечает А. Эванс, данное место в Кносе было издавна связано с культом. Найденные рядом с этими комнатами «храмовые хранилища» (большие прямоугольные ящики из тонких хорошо отесанных каменных плит с внутренним объемом $1,76 \times 1,37 \times 1,50$ и $1,90 \times 1,43 \times 1,52$ м, втушенные в пол и наглухо закрытые) содержали инвентарь среднеминойского-III периода (около 1800—1580 гг. — по датировке: Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 196). Здесь были найдены знаменитые фаянсовые фигурки богинь со змеями и много других сакральных предметов — каменные топоры, «рога посвящения», сосуды и т. д. (Evans, P. of M., I, p. 463—523).

⁶⁵ M. P. Nilsson. Op. cit., p. 94—96, fig. 21.

⁶⁶ Evans. P. of M., IV, p. 138—160.

⁶⁷ Frödin—Persson. Asine, p. 308.

⁶⁸ Система взаимоотношений между жителями Олимпа и главой их, Зевсом, отраженная в эпосе, носит явный отпечаток связей между обитателями ахейских дворцов, как уже давно заметили исследователи. Однако олимпийцы эпоса еще сохраняют довольно большую самостоятельность по отношению к «владыке богов».

знаний. Поэтому жречество в додорийской Греции было малочисленно и, судя по упоминаниям о жрецах в эпосе, не играло особенной роли (таково положение Калханта в ахейском войске под Троей).

Даже в экономической жизни сказывалась слабость ахейского жречества. Так, в пиломском документе EP 704 содержится запись о держании земли жрицей (ijereja) Эритой, причем сообщаемые ею сведения опровергаются общиной⁶⁹. Этот спор о земле, равно как и другие записи в пиломских земельных табличках, проливает свет на образ жизни «служителей богов», как именуются они в ахейских табличках, — видимо, они должны были заниматься земледелием в качестве основного средства к жизни.

Следует отметить иную тенденцию — в ахейских царствах XV—XIII вв. династы стремились упрочить традицию, говорящую об их весьма тесных связях с богами. Для этого были созданы генеалогические мифы, возводившие анактов в ранг потомков Зевса и других богов. Некоторые царские роды претендовали на особый дар предвидения — так, герой древнего эпоса Мелампод, сын Амифаона и внук Эола, был знаменитым прорицателем в Пилосе⁷⁰, равно как и дочь Приама Кассандра. Не только мантика⁷¹, но и ряд других религиозных церемоний стали особой привилегией анактов, результатом чего было сохранение в Афинах сакральной должности архонта-басилея и в I тысячелетии до н. э.

Отмеченная сторона деятельности ахейских династов показывает, как искусно стремились они использовать религиозность раннегреческого общества⁷².

Внутреннее убранство раннегреческих святилищ также отличается скромностью. Употреблявшиеся в них для почитания богов предметы обычно невелики и сделаны из простых материалов (глина, камень, дерево). Вдоль стен устраивали лавки из камня и глины, которые покрывали штукатуркой. На них ставили терракотовые фигурки богинь, сосуды, изображения священных предметов (рогов, топоров). Здесь нет особо роскошных изделий. Исключение составляют слоновокостные статуэтки с микенского акрополя, о которых подробно мы говорили выше. Создается впечатление, что ранние греки представляли быт богов очень простым и не нуждавшимся в особом украшении.

Наряду с домовыми святилищами в XV—XIII вв. возникали и отдельно стоящие сакральные здания, которые можно назвать хра-

---

⁶⁹ Ventris — Chadwick. Documents, p. 252—253.

⁷⁰ Рассказ о Мелампе и его потомках, также обладавших даром прорицания (Od., XV, 225—257). В Акарнании еще в V в. предсказатель Мегистий почитался как отдаленный потомок Мелампода (Her., VII, 219, 221, 228).

⁷¹ В эпосе упоминаются различные виды гаданий: по полету орла (Il. VIII, 247; XII, 200), по шелесту листьев дондонского дуба (Od., XIV, 328 sq.). Однако, например, Гектор пренебрегает гаданием по птицам (Il., XII, 237).

⁷² Говоря об отношении героев эпоса к богам, следует отметить даже мягкий юмор (ср. мифы об отношениях Зевса и Геры), который отсутствует в других древних религиях.

мами. Они известны пока в немногих местах — в Элевсине ⁷³, на острове Кеосе, а совсем недавно храмовое сооружение открыто в Микенах.

Американский ученый Дж. Кэскей исследовал крупный центр Итыячелетия на острове Кеосе ⁷⁴. Здесь с 1960 г. в урочище Агия-Ирини открыт город, первый расцвет которого приходится на XVI—XV вв. В конце XV в. землетрясение разрушило здания, но жизнь возобновилась довольно скоро, и в XIII в. вновь наблюдается подъем. Храмовое здание было возведено здесь впервые еще в эпоху Средней бронзы — от этого времени сохранилась небольшая комната XII, к которой позднее были пристроены другие помещения (XI, XIII, IV, VII). После землетрясения храм был восстановлен, и это святилище (длиною до 17 м) существовало непрерывно вплоть до эллинистической эпохи.

Характерной чертой кеосского храма является применение мрамора, например порог в комнате IV. Как и в других святилищах того времени, в помещении XI была устроена каменная платформа (высотой в 0,39—0,70 м), на которой стояли терракотовые изображения божества, числом не менее 24. Статуи высотой в 0,50—0,70 м, одна в натуральную величину, представляли стоящую женскую фигуру с обнаженной грудью и колоколообразной юбкой. Обнаженное тело было покрыто белой краской, кофточка желтая, ожерелье красное. Для прочности фигуры имели внутри крестообразный деревянный каркас. Весьма примечательно выражение лица этих богинь — большие глаза и слегка улыбающийся рот оставляют впечатление благожелательности ⁷⁵. Видимо, богиня считалась покровительницей цветущего города.

Среди обломков терракот была найдена часть тела дельфина, что указывает на какие-то связи этого храма с морскими богами.

Монументальные терракотовые статуи из храма в Агия-Ирини отражают рост самосознания населения этого города. Образ могущественной богини отвечал представлениям городской общины о своей силе, поклонение такой покровительнице до некоторой степени выражало самопочитание коллектива жителей.

С иным обликом божеств познакомили раскопки святилища на микенском акрополе. Здесь работами В. Тэйлора в 1968—1969 гг. был раскрыт обособленный храмовый комплекс ⁷⁶, в различных помещениях которого найдены слоновокостные и терракотовые сак-

⁷³ G. Mylonas. Eleusis..., p. 33—49. Самая ранняя храмовая постройка — Мегарон В — датируется XV в. до н. э.

⁷⁴ Работы Дж. Кэскей опубликованы: ILM, 19 May 1962; The Goddess of Ceos. — «Archaeology», 1962, v. 15, p. 223—226, fig. 1—10; Excavations in Keos, 1960—1961. — «Hesperia», XXXI, 1962, p. 263—283; Investigations in Keos, 1963. — «Hesperia», XXXIII, 1964, p. 314—335; Excavations in Keos, 1964—1965. — «Hesperia», XXXV, 1966, p. 363—376; см. также: AJA, 68, 1964, p. 293—294.

⁷⁵ Особенно примечательно лицо статуи K3613 — «Hesperia», XXXIII, 1964, Pl. 57.

⁷⁶ W. Taylour. Mycenae, 1968. — «Antiquity», XLIII, 1969, p. 91—97; *idem*. New Light on Mycenaean Religion. — «Antiquity», v. XLIV, 1970, p. 270—280.

ральные изображения. Примечательно, что юный бог, представленный скульптурой из слоновой кости, имеет привлекательный облик, так же как многочисленные терракотовые змеи, искусно обожженные и тщательно расписанные. Совсем иное выражение большинства терракотовых статуэток. Их злые, отталкивающие лица заставляют сразу вспомнить отношение эпоса к многим богам, приносящим вред ахейцам. Правда, микенский храм относится к XIII в. до н. э., когда ахейское общество уже пережило большие трудности. Видимо, в это время в обществе укрепилось неверие в доброту богов, и микеняне считали необходимым особо чтить божества, которые способны причинить им зло. Судя по облику, микенские терракоты представляли преимущественно богинь и богов второстепенных или, по меньшей мере, локального характера.

Раннегреческий пантеон известен до сих пор весьма недостаточно. И в классической Элладе наряду с главными богами, жителями Олимпа, существовало множество местных богов, а также демонов и обожествленных героев. Аналогичная картина наблюдается и в религии II тысячелетия.

Позднеахейские документы из Кносса, Пилоса и других мест содержат записи с упоминанием Посейдона, Зевса, Геры, Гермеса, Афины, Артемиды и Аполлона (в форме *Paiawon*), а также богини Владычицы (позднее это *Πατνια*, эпитет, прилагавшийся к Деметре и Коре). Вопрос об упоминании в табличках бога войны Арея пока еще спорен⁷⁷, но следует думать, что древние мифы, сохранные в эпосе, достаточно надежно свидетельствуют о его давнем почитании.

Обширный политеистический пантеон ранних греков складывался на протяжении многих столетий, причем характер тех или иных богов мог претерпевать некоторые изменения⁷⁸. Но в основном система религиозных воззрений ранних греков характеризовалась теми же принципами, которые нашли дальнейшее развитие в эллинской религии последорийского времени⁷⁹. Благодаря непрерывности развития греческая мифология содержит предания такого характера (например, о Кроносе, пожиравшем собственных детей), которые отражают далекие времена дикости⁸⁰. Вместе с тем длительность непрерывного развития верований позволила грекам создать весьма разнообразную систему религиозного миропонимания. И здесь роль духовного творчества II тысячелетия поистине огромна.

⁷⁷ O. Carruba. Athena ed Ares preellenici. — «Atti e memorie», II, p. 932—944.

⁷⁸ Напомним, что Нильссон считал неверным сближать политеизм ранних греков с монотеистическими религиями народов Ближнего Востока (op. cit., p. 389—396).

⁷⁹ Мысль о преемственности религий Греции II и I тысячелетий, с таким мастерством обоснованная М. П. Нильссоном, получает все новые подтверждения в источниках. Попытка О. Банти (AJA, 54, 1954, p. 307—310) оспорить это положение, оторвав Крит от материка и отнеся к микенскому времени лишь зарождение классических мифов, оказалась полностью неудачной.

⁸⁰ Весьма важно исследование, устанавливающее общность греческой мифологической традиции с хеттскими и иранскими мифами (A. Lesky. Zum hethitischen und griechischen Mathos. — «Eranos», LII, 1954, S. 8—17).

ИСКУССТВО

В культурной деятельности ранних греков искусство занимало видное место, при этом их художественное творчество отличалось исключительной самобытностью.

Как известно, искусство связано с окружающей человека природой, с судьбами народа, с его экономической, политической и правовой жизнью. Теснейшим образом оно соприкасается с повседневными мыслями и поступками людей. Оно отражает действительность изучаемой эпохи и вместе с тем является чрезвычайно активной формой общественного сознания. Вбирая в себя и творчески преобразуя достижения духовной жизни, искусство создает новые формы понимания действительности: художник, проникновенно вглядывающийся в окружающий его мир предметов и идей, творит особую, эстетическую реальность, которую он строит согласно своему миропониманию и своим представлениям о прекрасном. Иными словами, созидательная деятельность художественно одаренного мастера является не просто копией действительности, но результатом его эмоционального и рационального осмысления окружающего мира — как материального, так и духовного¹.

Художественное творчество ранних греков сначала теснейшим образом было связано с производством. Развитие технических знаний расширяло материальные возможности мастеров, а вместе с тем сами художники оказывали глубокое влияние на развитие материального производства. Проблема связей искусства и ремесла была особенно важна на ранних ступенях, когда искусство стало формально отделяться от простого ремесла, а предмет искусства обособился от массового рядового изделия. Этот процесс привел к созданию художественных отраслей производства.

---

¹ Вопрос о сущности и значении искусства впервые был детально рассмотрен в русской дореволюционной историографии Б. В. Фармаковским в курсе лекций «Греческое архаическое искусство» (литографированное издание. СПб., 1909). Многие определения его сохраняют свое значение и для нынешнего времени. Например: «...не может быть никакого «объективного» искусства. Где нет выражения индивидуального, личного духа, там нет и искусства» (стр. 9). Или: «Искусство начинается только тогда, когда явление природы подвергнется переработке чувствами человека, когда оно будет оценено, по-своему понято и оригинально передано человеком» (стр. 11).

Эстетическая деятельность населения Греции имеет корни, уходящие в отдаленные эпохи неолита. Весьма важны свидетельства о непрерывном развитии традиций V и IV тысячелетий в пластике островной Греции в III тысячелетии². Последняя представлена многочисленными мраморными фигурами, преимущественно женскими, размеры которых колеблются от 5 см до 1,5 м. Детальный анализ этих памятников показал, что изготовлявшие их кикладские и критские мастера эпохи бронзы творчески разрабатывали художественные формы, прототипы которых были созданы еще раньше в среднебалканских землях³.

Не только скульптура, но и художественные ремесла получили широкое развитие в III тысячелетии. Назовем в качестве примера фигурную вазу в виде ежа с чашей или изящные произведения островных ювелиров (например, серебряная диадема из Халандриани на острове Сиросе).

Многочисленные источники свидетельствуют, что со второй половины III тысячелетия искусство заняло большое место в духовной жизни раннегреческого общества. Следует отметить, что мастера располагали богатейшим арсеналом изобразительных приемов, посредством которых искусство воздействовало на каждого индивидуума, формируя тем самым его эстетические воззрения. Вместе с тем искусство служило мощным средством объединения обширного массива племен, населявших Грецию во II тысячелетии. Оно создавало общность эстетического мировоззрения складывавшейся греческой народности, что имело огромное значение для процесса этнической консолидации. Искусство изучаемого общества отличается необычайной свежестью и жизнерадостностью, оригинальностью приемов⁴. Оптимизм, свобода художественного творчества и глу-

² Раскопки на острове Салиагосе открыли поселение, датируемое около 4000 г., в котором обнаружено большое количество примитивных фигурок, сделанных из галек (*I. D. Evans, C. Renfrew. Excavations at Saliagos near Antiparos. London, 1968.* Авторы указывают на тенденции, расцветшие позднее в Раннекикладской культуре).

³ К. Ринфрю в специальном исследовании особо подчеркивает роль произведений пластики с болгарской территории в эпоху перехода от неолита к бронзе в Греции (*C. Renfrew. The Development and Chronology of the Early Cycladic Figurines. — AJA, 73, 1969, p. 1—32.* Мысль его убедительно подтверждена находкой мраморной фигурки в неолитическом поселении Казанлык, датируемой серединой V тысячелетия (*Р. Катинчаров. Неолитна мраморна фигурка от гр. Казанлык. — «Археология», год. XI, 1969, кн. 2, стр. 51—55.* Однако находки 1967 г. на Дунае (монументальные скульптуры из Лепенски Вир) показывают, как нам кажется, что необходимо иметь в виду художественное творчество и северобалканского племенного массива. Упомянутые новые источники не только снимают вопрос об «анатолийском влиянии» на художественную жизнь Киклад, но указывают на общие балканские прототипы, видимо, принесенные и в Малую Азию, и на острова. Приятно отметить, что Р. Хиггинс, охотно повторяющий ходячую формулу об «азиатских влияниях на Грецию», отказался от нее, рассматривая вопрос о происхождении кикладской скульптуры (*R. Higgins. Minoan and Mycenaean Art. London, 1967, p. 58.* Правда, в подписи к кикладской фигуре на рис. 63 автор, видимо, по рассеянности, оставил слова: «азиатские влияния».

⁴ Б. В. Фармаковский. Культуры Критская, Эгейская и Микенская. СПб., 1908, стр. 31.

бокое проникновение в окружающую действительность резко отличали ранних греков от их соседей на Ближнем Юге и Ближнем Востоке. В этом нашел отражение тот факт, что мироощущение и направленность духовной жизни греков эпохи бронзы сильно отличались от мировоззрения жителей древневосточных деспотий⁵.

В развитии искусства период от XXII до XII в. знаменуется большими изменениями. Новые направления, темы, сюжеты входили в художественную жизнь ранних греков по мере углубления социальной дифференциации в обществе. Артистическая интуиция творцов искусства помогала им ярко отобразить происходившие события и передать мысли, волновавшие общество.

Многочисленные источники, добытые раскопками более чем за 100 последних лет⁶, позволяют составить впечатление о многообразии художественного творчества ранних греков. Почти все виды искусства широко представлены в памятниках архитектуры, скульптуры, мелкой пластики, в росписях и рисунках, в глиптике, в произведениях ювелирного мастерства и различных художественных ремесел. Правда, сохранность дошедших произведений весьма неодинакова: монументальные архитектурные комплексы дворцов известны лишь по остаткам нижних этажей, тогда так многие изделия камнерезов или художников-керамистов не утратили ни ни одной своей черты за истекшие четыре или три тысячелетия. Такие памятники до сих пор сохраняют способность производить глубокое художественное впечатление на зрителя. Однако географическое распределение массы упомянутых источников весьма неравномерно⁷, так что эстетическая деятельность населения тех или иных областей остается еще неосвещенной. Значительным препятствием служит недостаточность письменных источников ахейского времени. Сухие перечни вещей, поступавших или хранившихся в кладовых ахейских династов, не содержат сведений о художественных качествах предметов. Правда, тщательная регистрация позволяет выделить в инвентарных записях изделия мастеров-художников⁸, но это лишь описи.

Более подробные описания предметов искусства сохранились в гомеровском эпосе. Но трудно судить о точности представлений поэтов, воспевавших художественные памятники на основе устной традиции. Некоторые поздние интерполяции — например рассказ

⁵ Недавно югославский исследователь Бранко Гавела очень убедительно раскрыл свободомыслие критских художников, их внимание к рядовому человеку и обратил внимание на отсутствие изображений носителей царской власти на Крите (*Бранко Гавела. Старобалканские основы у критско-уметности*). — «Зборник Светозара Pajojeđića». Београд, 1969, стр. 31—34).

⁶ В 1866 г. на острове Фере французом Фуке впервые были открыты бытовые древности II тысячелетия до н. э.

⁷ Например, только в последние годы началось открытие микенских древностей в Северо-Западной Греции.

⁸ Таковы, например, колесницы, украшенные инкрустациями из слоновой кости (кносские документы Sd 0401, Sd 0403), или столики, стулья и табуреты, перечисленные в пилосских документах серии Та.

о статуе богини Афины в Трое (II., VI, 92, 304)—также сужают возможности использования сведений эпоса. Малочисленность письменных источников увеличивает трудности понимания художественных произведений изучаемого времени. Незнание сюжетов часто препятствует раскрытию семантики многих памятников. Но если даже содержание произведения искусства достаточно понятно современному исследователю, то отсутствие сведений о его создателе и о его потребителе остается неодолимым камнем преткновения. Указанное обстоятельство, хотя и не носит всеобщего характера, однако обнаруживается неоднократно. К тому же отсутствие прямых письменных сведений заставляет при анализе творений художников II тысячелетия полагаться на впечатление современных исследователей. Тем самым роль субъективного элемента возрастает.

За тысячелетний период развития искусство ранней Греции⁹ прошло огромный путь. Родились новые художественные идеи и традиции. Параллельно совершенствовалось мастерство; причем это было не простое накопление приемов и навыков, а выработка умения с помощью определенных материальных средств создать художественный образ¹⁰.

Уровень мастерства, достигнутый в Греции III тысячелетия, был уже достаточно высоким, как показывают многие изделия художественных ремесел того времени. Однако во II тысячелетии творческие методы художников отличаются особенным совершенством. В качестве примера можно назвать печать с изображением «царя» (около 1900—1700 гг. из Кносса¹¹) или бронзовый клинок, происходящий из Ласити, на Крите. Датированный XIX или XVIII в., этот парадный кинжал украшен врезным орнаментом. На одной стороне представлены два бодающихся быка, на другой — охотник поражает копьем дикого кабана¹². В обеих сценах мастерски передано движение — это та особенность раннегреческого искусства, которая осталась совершенно недоступна даже самым зрелым египетским мастерам.

Такое же умение передать динамический порыв отличает и фигуру юноши-акробата, оттиснутую на золотой накладке круглого наконечника большого бронзового меча (длина 0,72 м) из раннего

⁹ Напомним, что, согласно искусствоведческой традиции, искусство островной Греции в III тысячелетии называют кикладским, искусство Крита III—II тысячелетий — минойским, художественная деятельность материковых греков в XVII—XVI вв. обозначается как микенское искусство. Таким образом, традиционная терминология ярко отражает путь исследования огромного явления, именного раннегреческого искусства.

¹⁰ Значение мастерства в художественном творчестве весьма убедительно изложено в статье: Г. А. Недошивин. К вопросу о специфике содержания и формы в искусстве. — Сб. «Материалы по теории и истории искусства». М., 1956, стр. 3—25.

¹¹ S. Hood. The Home of the Heroes. London, 1967, p. 42, ill. 24.

¹² Попавший в коллекцию Р. Б. Сигера кинжал был передан им в Метрополитен-музей (G. M. A. Richter. The Department of Greek and Roman Art: Triumphs and Tribulations. — «Metropolitan Museum Journal», 3, 1970, p. 73—95 fig. 35; R. Higgins. Op. cit., p. 43. ill. 36, 37.

дворца Маллии (около XX—XVIII вв. до н.э.). Уже в этом изображении полностью проявилось то исключительное отношение к человеку, которое было присуще греческому искусству. Только художники Греции поняли впервые в мировой истории, что тело человека достойно быть предметом художественного творчества (мастера классической Греции избрали его главным объектом своих творческих исканий). Многие выдающиеся произведения II тысячелетия свидетельствуют, что раннегреческие мастера хорошо понимали красоту нагого или одетого человека, понимали, что тело нужно изображать таким, каково оно есть. Особенно точны их представления об эстетическом впечатлении, которое производит сильное тело во время движения — фигуры воинов на знаменитых клинках из Микен служат иллюстрацией разработанности этих понятий. Такой подход к человеку свидетельствует о большой гуманности, пронизывавшей творчество раннегреческих мастеров. Эту гуманность в полной мере передал нам ахейский эпос, но памятники искусства указывают на время ее зарождения¹³.

Несомненно, внимание раннегреческих художников к человеку развилось под влиянием идей, бытовавших в тогдашнем обществе. Здесь, как нам кажется, находит свое отражение то достаточно весомое положение, которое занимал свободный человек в обществе Греции II тысячелетия.

Следует отметить еще одну особенность изучаемого художественного творчества — оно всегда отличалось большой целеустремленностью. Творения мастеров или имели орнаментальное назначение, или носили сакральный характер, или отвечали требованиям других видов искусства (таковы связи живописи и архитектуры или рисунка и керамического дела).

Рассматривая художественное творчество II тысячелетия, необходимо иметь в виду ту конкретную среду, в которой жили и работали артистически одаренные мастера. Как мы видели выше, в общественном сознании того времени действовали различного рода факторы, причем они порождали часто противоречивые тенденции.

Процесс этнической консолидации населения страны¹⁴ сопровождался развитием раннегреческих традиций в разных областях культуры.

---

¹³ Найденная в Лерне мраморная фигурка женщины может быть названа одним из первых звеньев в цепи

¹⁴ Напомним, что представители различных течений в лингвистике сходятся на том, что в областях континентальной Греции древнегреческие диалекты и греческий эпос засвидетельствованы уже в конце III тысячелетия. Сошлемся на работы Б. В. Горнунга. В своей рецензии на кн.: *VI. Georgiev. La toponimie ancienne de la Peninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne*. Sofia, 1961 — Б. В. Горнунг считает бесспорным появление греков на юге Балканского полуострова в III тысячелетии («Вопросы языкознания», 1962, № 1, стр. 127). Недавние работы С. Дэвиса по выяснению языка, которому служило слоговое письмо А, дают новые подтверждения приведенным взглядам (*S. Davis. The Minoan pictographic (hieroglyphic) and linear A scripts deciphered.* — «*Atti e memorie*», II, p. 395—400).

Искусство стояло перед необходимостью ответить и на эти тенденции к обособлению греческой этнической общности от соседних, пусть даже близкородственных, племен. Поэтому оно должно было широко использовать мысли и формы, выработанные протогреческим племенным массивом еще в предшествующую эпоху. Особенно ясно это сказалось в области художественного творчества, связанного с ритуальными древностями

Формирование этнической общности шло более медленно¹⁵, чем все более нараставшая на протяжении II тысячелетия социальная дифференциация общества. Она вела к разграничению интересов различных слоев общества. Появление рассказа о столкновении Ферсита¹⁶ и Агамемнона даже в эпической традиции свидетельствует, что в конце изучаемого периода отчуждение различных социальных групп приводило к глубокому духовному разрыву, как ярко показано в II. II, 212—271. Обособление каждой социальной группы, вырабатывавшей свои особые понятия и представления, нашло яркое отражение в художественной жизни. Разница экономического потенциала и социального положения потребителей художественных изделий выступает в эстетической деятельности ранних греков весьма четко.

В искусстве деревни можно заметить черты устойчивой традиционности¹⁷. Деревенский мастер творил, имея под руками доволь-

---

¹⁵ Длительность этногенетических процессов достаточно полно раскрыта в статьях, посвященных дискуссии о понятии «нация», которая ведется на страницах журнала «Вопросы истории» с 1966 г. Для нашей работы очень важной представляется мысль С. Т. Калтахяна о том, что общность психического склада людей имела место еще при родо-племенном строе (С. Т. Калтахян. О сущности нации как исторической общности людей. — «Философские науки», 1964, № 5, стр. 29). Выработка этой общности послужила одним из факторов, способствовавших процессу этногенеза.

¹⁶ Характерно, что образ Ферсита получил различное освещение в отдельных вариантах традиции. Так, в версии, сохраненной Квинтом Смирнским (I, 770—781), родословная Ферсита восходила к калидонским царям, причем эта линия связана с генеалогией Диомеда (II, XIV, 109—117). Не касаясь вопроса о достоверности источника Квинта (весьма высоко его оценивает Г. Розе: *H. I. Rose. Griechische Mythologie. München, 1955, S. 244*), — заметим, что превращение представителя этолийской знати [и Вебстер склонен полагать, что Ферсит взят Гомером из этолийского эпоса (*T. D. L. Webster. From Myscnae... London, 1960, p. 251*)] в самого худшего среди ахейских воинов в стане под Троей не могло быть случайным. Завоевавшая в XI—X вв. всеобщее признание, эта поэтическая версия, видимо, достаточно правдоподобно отражала воспоминания о социальных разногласиях в ахейском обществе XIII в. Заметим, что мы не находим достаточно веских подтверждений категорическому заявлению К. Рейнхарда будто Ферсит — «выдумка поэта» (*K. Reinhardt. Die Ilias und ihr Dichter. Göttingen, 1961, S. 100*).

¹⁷ Следует упомянуть еще одно обстоятельство, воздействовавшее на культуру изучаемого времени. Значительный интеллектуальный подъем греческого общества в эпоху Поздней бронзы имел следствием совершенствование интеллекта, которое сказывалось в расширении не только рациональной сферы человеческого мышления, но и эмоциональной сферы. И этим требованиям должно было отвечать искусство. То обстоятельство, что многие созданные во II тысячелетии духовные ценности сохранили свое значение и для нас, свидетельствует об удаче творческих поисков раннегреческих мастеров. Вместе с тем следовало бы поставить вопрос о роли личности художника. Судя по легендам о Дедале, во второй поло-

но ограниченный перечень недорогих материалов, и это обстоятельство сдерживало художественные дерзания. Немаловажным фактором была столь сильная в деревенском быту идея общинного единства, которая должна была воздействовать на сознание художников, равно как и более консервативные формы религиозных воззрений сельчан. Действительно, в ахейских селах даже в XIV—XIII вв. заметна значительная однотипность форм художественных изделий. Это относится не только к обиходной посуде, но и к произведениям мелкофигурной пластики. Например, в позднеэлладском поселении Зигуриес в склепах XXXIII и XXXV найдены 14 терракотовых фигурок «месяцевидного» типа¹⁸ настолько единообразных, что только легкие отличия в росписи и размеры позволяют отличить их одну от другой. В домах этой деревни стояли фигурки нескольких иных типов, но также мало разнящиеся между собою. Погребальный инвентарь деревенских захоронений состоял из скромно орнаментированных полосами или простых сосудов и стеатитовых пряслиц; иногда клали бусы из полудрагоценных пород камня¹⁹. Следует заметить, что сельчане привозили из города более тонкие изделия художественных ремесел, например расписную посуду или печати, но число таких находок невелико²⁰.

Ярко выраженная экономическая дифференциация населения городов нашла выражение в исключительно многообразном художественном творчестве горожан. Оно отвечало духовным запросам различных слоев. В крупных центрах, где быстрее сказывались коренные изменения общественного бытия, творческая деятельность артистов получила особое направление. Правящие круги требовали создания специальных художественных форм, которые доходчиво выражали бы величие династии и утверждали бы его неизмеримое превосходство над народом. Цари и высшая знать предоставляли мастерам дорогие и эффектные материалы, местные и привозные, использование которых открывало огромные возможности для творческой фантазии. Столь же важным условием была возможность свободного применения требуемого количества труда — как квалифицированного, так и неквалифицированного. Отмеченные обстоятельства обусловили гигантский расцвет художественного творчества в столицах раннеклассовых государств островной и материковой Греции в XXII—XII вв. Дворцы крупных и мелких

вине II тысячелетия инициатива особо одаренного мастера считалась весьма важной, если даже он решительно восставал против традиции.

¹⁸ *Blegen. Zygouries*, p. 203—205. Лишь небольшая терракотовая модель лежа (высота 3 см., длина 10,4 см., ширина 6,8 см.) вносит разнообразие в инвентарь склепа XXXV).

¹⁹ В Зигуриесе бусы были из стеатита, только одна бусина из сердолика была найдена в раскопанной части деревни.

²⁰ Две стеатитовые печати из Зигуриеса (*Blegen. Zygouries*, p. 207—208, fig. 197, № 3; 198, № 4) представляют вырезанные в технике инталии фигуры горной козы. Работа резчика отличается здесь большой небрежностью — видимо, эти изделия относились к числу дешевых поделок, хотя и следовали общим вкусам эпохи.

династий являлись крупными потребителями труда многочисленных одаренных мастеров.

В первую очередь следует назвать самый монументальный вид раннегреческого искусства — архитектуру. Пути развития дворцового зодчества на Крите и в остальных частях страны несколько различны. Начавшие строить первые дворцы еще около 2200 г., цари и строители Кносса, Маллии и Феста²¹ не имели достаточно разработанного плана царских хором. В течение нескольких столетий дворцовые ансамбли достраивались, перестраивались и восстанавливались после разрушительных землетрясений. Критские зодчие за это время внесли огромный вклад в архитектурное искусство, сочетая огромный свод точных знаний с мастерским использованием всех изобразительных средств. Критское дворцовое строительство свидетельствует об особом умении зодчих применять художественные приемы таким образом, что идея могущества владельца здания не подавляла человека, но находила выражение в гармоничных жизнеутверждающих формах. Примечательно, что обширные дворы и широкие лестницы критских дворцов были рассчитаны на удобное пребывание и передвижение больших масс народа.

Развитие представлений о силе царской власти в материковой Греции в начале II тысячелетия несколько отставало от Крита. Но когда правящие круги континентальных царств ощутили потребность в монументальном оформлении своего превосходства над подданными, раннегреческие архитекторы были уже вооружены опытом своих критских предшественников. Поэтому начиная приблизительно с 1600 г. (время появления первых монументальных царских гробниц, фолосов) и по 1200 г. в стране разворачивается широкое дворцовое строительство, в котором отразилась стройная система архитектурных воззрений. Как показывают комплексы поздних дворцов в Пилосе, Микенах, Тиринфе и в ряде других мест, ахейская архитектура использовала самые совершенные средства для создания монументального царского жилища, сохраняя при этом древнейшие принципы жилой архитектуры (например, центральный зал мегарон, известный в жилище греческого земледельца еще в IV тысячелетии).

Дворцовые комплексы Крита и других островов и материковой Греции в течение тысячи лет привлекали представителей различных художественных профессий. Результатом было создание огромного количества художественных ценностей, начиная от разработки теоретического понятия ордерной архитектуры и кончая миниатюрными ювелирными изделиями. Живописцы расписывали стены дворцов великолепными фресками. Скульпторы ваяли из мрамора, известняка и глины монументальные изображения. Костерезы, оружейники, ювелиры создавали непревзойденные до сих пор произведения искусства. Кожевники и искусные ткачихи творили узоры на коже и тканях для украшения одежд царей и знати.

²¹ Д. Ж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 113—119. Дворец в Като-Закро, открытый недавно, вероятно, также был заложен около этого времени.

Свет от этих ярких очагов искусства падал на расположенные у стен дворцов кварталы ахейских городов. Здесь в больших и маленьких домах жили творцы памятников раннегреческого искусства и потребители их произведений. Экономический потенциал горожан не позволял им достичь дворцовой роскоши²², но они столь же активно стремились удовлетворить свои эстетические запросы. Поэтому в ахейских городах можно встретить произведения художественных ремесел, дерзающие сравниться по тонкости замысла и изысканности форм с древностями из царского обихода.

* * *

Выдающиеся археологические открытия 1972—1975 гг. в Болгарии впервые внесли ясность в историю балканской металлообработки, подтвердив справедливость теории ее автохтонного происхождения (Н. В. Рындина, 1971). Раскопки богатого халколитического могильника Варны (3500—3000) показали, что носители культуры Варна—Караново VI—Гумельница знали развитое металлургическое производство. Разнообразные изделия из меди и золота свидетельствуют о значительной специализации мастеров. Обилие массивных медных орудий и тяжелых золотых украшений в Варненском могильнике отражает уровень производства более высокий, чем даже в Египте того времени. Достижения огромного массива племен, носителей культуры Варна—Караново VI—Гумельница, позволяют теперь лучше понять историю населения в южных землях Балканского полуострова. В IV тысячелетии обитатели Македонии также развили высокую халколитическую культуру, как показывают недавние находки в Дикили Таш и в Ситаграх, причем в последних были найдены и знаки протописьменности²³.

Таким образом, открытия последних лет обнаружили высокую земледельческую культуру, обладавшую передовой по тем временам металлургией, на Балканах, в непосредственной близости от территории Пеласгии, будущей Эллады. Это обстоятельство должно было иметь некоторое значение для развития населения сравнительно бедных материковых и островных земель балканского юга. Нет сомнений в том, что если протопеласги подвергались каким-либо влияниям извне, то это были балкано-карпатские культурные течения, а не воздействия отдаленных Египта или стран Переднего Востока.

²² Кража царских ценностей, засвидетельствованная в Тиринфе, указывает на стремление к роскоши.

²³ Публикация открытий в Варне начата И. С. Ивановым в журнале «Археология» (София) с 1976 г. Работы в Дикили Таш в 1960-х годах вел Ж. Дешейе (J. Deshayes. *Dikili Tash et les problèmes du Néolithique et du Bronze Ancien en Macédoine*.—RA, 1970, p. 161—162). Ситагры исследовал К. Ренфрю (C. Renfrew. *Sitagroi, radiocarbon and the prehistory of south east Europe*.—«Antiquity», XLV, 1971, p. 275—282; *idem*. *The Emergence...*, *passim*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались проследить развитие основных сторон раннегреческой культуры. Даже краткий очерк показывает, сколь обширны были достижения во II тысячелетии до н. э. и сколь значительный прогресс имел тогда место в греческих землях.

Высокоразвитая греческая цивилизация эпохи бронзы привлекает наше внимание не только богатством идей и форм, она важна и тем, что передала в наследство полисной Греции. Ушедшее далеко вперед в экономическом и социальном отношении греческое общество I тысячелетия сохранило целый ряд навыков земледелия, ремесленного производства, строительной техники и кораблестроения, выработанных предшествующими поколениями, людьми бронзового века. Зачатки научных знаний, возникшие во II тысячелетии, в более благоприятных условиях полисной Эллады переросли в отдельные отрасли науки (математику, механику, медицину, географию). Эпос и связанные с ним этические и мифологические представления явились мощным фактором в развитии греческой культуры XI—VIII вв. В области искусства полисная Греция унаследовала от ахеев не только технические навыки, но и ряд художественных форм (например мегаронный план храма). Политическая жизнь I тысячелетия во многом была обязана тому, что община эпохи раннеклассовых отношений смогла сохранить некоторые позиции рядового общинника, отстоять его сравнительно независимое положение в условиях роста власти ахейских династов. Эти обстоятельства облегчили складывание полисов в столетия, последовавшие за дорийским завоеванием.

Таким образом, значение раннегреческой культуры не ограничено лишь рамками II тысячелетия до н. э. — многие ее традиции сохранились и в культуре классической Греции.

ХРОНОЛОГИЯ

В Греции эпоха неолита охватывает период около 7000—3000 гг. до н. э., эпоха меди и бронзы длилась приблизительно с 3000 до 1200 гг. до н. э. Век меди и бронзы принято делить на три ступени, имеющие разные названия для материковой и островной Греции и отдельно для острова Крита.

В материковой Греции это Элладский период, который делится на:

Раннеэлладский = РЭ — около 3000—2100/1900 гг. до н. э.

Среднеэлладский = СЭ — около 2100/1900—1580 гг. до н. э.

Позднеэлладский = ПЭ — около 1580—1200 гг. до н. э.

В островной Греции (исключая Крит) эпоха меди и бронзы именуется Кикладским периодом, также распадающимся на Ранний, Средний и Поздний (РК, СК и ПК).

На Крите соответствующий период назван Минойским:

Раннеминойский = РМ — около 3000—2200 гг. до н. э.

Среднеминойский = СМ — около 2200—1700 гг. до н. э.

Позднеминойский = ПМ — около 1700—1150 гг. до н. э.

В свою очередь РЭ, СЭ, ПЭ, РК, СК, ПК, РМ, СМ, ПМ делятся на три фазы: РЭI, РЭII, РЭIII; РКI, РКII, РКIII и т. д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 СА — Советская археология
 'Αρχ. 'Εφ. — 'Αρχαιολογική 'Εφημερίς. Παροδικὸν τῆς
 ἐν 'Αθῆναις 'Αρχαιολογικῆς 'Εταιρείας
 „'Εργον“ — Τὸ 'Εργον τῆς 'Αρχαιολογικῆς 'Εταιρείας
 Μυλωνᾶς — Γ. Ε. Μυλωνᾶς. Ἡ Νεολιθικὴ 'Εποχὴ ἐν Ἑλλάδι.
 'Αθῆναι, 1928
 „Πρακτικά“ — Πρακτικὰ τῆς ἐν 'Αθῆναις 'Αρχαιολογικῆς
 'Εταιρείας
 AJA — American Journal of Archaeology
 «Athenische
 Mitteilungen» — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts.
 Athenische Abteilung
 «Atti e memorie» — Atti e memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia, I—III. Roma, 1968
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 Blegen.
 The Mycenaean Age.
 The Trojan War — C. W. Blegen. The Mycenaean Age. The Trojan War,
 The Dorian Invasion and Other Problems. Lectures in
 Memory of L. S. Taft, 1961—1965. Princeton, 1967, p. 1—41
 Blegen. Zygouries — C. W. Blegen. Zygouries, a prehistoric Settlement in the
 Valley of Cleonae. Cambr., Mass., 1928
 BSA — Annual of the British School of Archaeology at Athens
 Caskey. The Early
 Helladic Period — J. D. Caskey. The Early Helladic Period in the Argol-
 lid.—«Hesperia», XXIX, 1960, p. 285—303
 Caskey.
 Investigations
 in Keos, I—II — J. D. Caskey. Investigations in Keos, I.—«Hesperia», XL,
 1971, p. 359—396; II.—«Hesperia», XLI, 1972, p. 357—401
 CAH — The Cambridge Ancient History, 2nd ed.
 Evans, P. of M. — A. Evans. The Palace of Minos at Knossos, I—IV. Lon-
 don, 1924—1935
 FA — Fasti Archaeologici

Frödin—Persson.

- Asine — *O. Frödin and A. Persson. Asine, Results of the Swedish Excavations, 1922—1930. Stockholm, 1938*
- ILN — *Illustrated London News*
- JDAI — *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*
- JHS — *Journal of Hellenic Studies*
- «Kadmos» — «Kadmos. Zeitschrift für vor- und frühgriechische Epigraphie». Berlin
- KT, II — *The Knossos Tablets. A transliteration by E. L. Bennett, J. Chadwick and M. Ventris, 2nd ed. London, 1959*
- MT, II — *E. L. Bennett. The Mycenae Tablets II. Transact. of the Amer. Philosophic. Society, v. 48, № 1, 1958*
- MT, III — *J. Chadwick. The Mycenae Tablets III. Trans. of the Amer. Philosoph. Society, v. 53, 1963. Philadelphia*
- «Minos» — «Minos. Revista de Filologia Egea». Salamanca
- Mylonas. AM* — *G. E. Mylonas. Ancient Mycenae: the capital City of Agamemnon. London, 1957*
- Nestor — *Nestor. Editor E. L. Bennett. Wisconsin*
- Prehistory
and Protohistory — *History of the Hellenic World. Prehistory and Protohistory. Athens—London, 1974*
- Pylos, I—III — *The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia: I. C. Blegen and M. Rawson. The Buildings and their Contents. Princeton, 1966, II. M. Lang. The Frescoes. Princeton, 1968 III. C. W. Blegen, M. Rawson, W. Taylour, W. P. Donovan. Acropolis and Lower Town, Tholoi and Grave Circle, Chamber Tombs, Discoveries outside the Citadel. Princeton, 1973*
- PT, II — *The Pylos Tablets. Texts of the Inscriptions found, 1939—1954. Ed. E. L. Bennett. Princeton, 1955*
- RA — *Revue Archéologique*
- REG — *Revue des études grecs*
- C. Renfrew.*
- Emergence... — *C. Renfrew. The Emergence of Civilisation. The Cyclades and the Aegean in the Third Millenium B. C. London, 1972*
- Scripta Minoa I — *A. J. Evans. Scripta Minoa, v. I: the Hieroglyphic and Primitive Linear Classes. Oxford, 1909.*
- Scripta Minoa II — *A. J. Evans — J. L. Myres. Scripta, v. II: the Archives of Knossos. Oxford, 1952.*
- Ventris—Chadwick.*
- Documents — *M. Ventris and J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek². Cambridge, 1973*
- Wace—Blegen.*
- Pottery — *A. J. B. Wace and G. W. Blegen. Pottery as Evidence for Trade and Colonisation in the Aegaen Bronze Age.—«Klio», Bd. XXXII. Berlin, 1939, S. 131—147.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ависса 80
 Агиа-Ирини 84, 99, 104—106, 155
 Агиа-Марина 78
 Агиа-Папулия 16
 Агиа-Траада 63—134, 148, 149, 152
 Агиос-Андреас 108
 Агиос-Космас 10, 22, 64, 65, 84, 98, 102, 115, 132
 Азмак 98
 Акарнания 154
 Алаша-Гюйюк 83
 Алики Глифадос 87
 Алфей, р. 10, 79
 Амиклы 24, 71, 72, 89
 Амира 94
 Амнис 125
 Аморгос, о. 9
 Анафи, о. 79
 Англия 93
 Антипарос, о. 79
 Анфедон 63
 Арапи 101
 Арафен 80, 130 (см. Аскетарион)
 Аргисса 101
 Арголида 14, 38, 42, 69, 102, 105
 Аргос 29, 42, 43, 68, 69, 103, 107, 131
 Аримы 145
 Аркадия 10, 29, 30
 Аркалохори 117
 Асина 21, 82, 83, 86, 87, 97, 100, 128, 130—132, 152, 153
 Аскетарион 80, 102, 128
 Аспид 103
 Аттика 29, 30, 64, 65, 80, 88, 102, 103, 134, 140, 147
 Афида 13
 Афины 34, 58, 62, 83, 86, 99, 100, 144, 154
 Ахайя 29, 107

 Балканский полуостров 6, 7, 15, 28, 36, 39—41, 53, 61, 76—78, 84, 98, 109, 113, 114, 125, 143, 161, 165
 Беотия 29, 35, 38, 63
 Бербаты 85, 107, 132, 152, 153
 Болгария 7, 98, 113, 165
 Браврон 103

 Варна 7, 165
 Василики 10, 102
 Ватика, долина 110
 Ватикский залив 110
 Вафио 24, 71, 83, 89, 107, 135, 152 (см. Амиклы)
 Вафиопетри 65
 Велестина 101
 Верхние Гипсиды 94
 Вингспред 119—122
 Волимидия 95
 Воло 96
 Врачанский округ 113
 Вула 88
 Вулиагмени, оз. 101

 Гази 152
 Гейдельберг 132
 Герейон 13, 82, 84
 Герей 10, 79
 Гермон 82
 Гла 100
 Гония 64
 Градешница 113, 114, 119
 Гремнос 38
 Гумельница 165
 Гурния 10, 106, 152

 Даскалейон 101
 Дегес (?) 125
 Делос, о. 33, 91, 94, 101
 Дельфы 77
 Дендра 82, 83, 132 (см. Полла Дендра)
 Дикили Таш 165
 Димини 6, 14, 65, 83, 101
 Добруджа 125
 Додеканезский архипелаг 126
 Додона 30, 82, 85, 95, 141, 151, 152
 Дорион 38, 92, 103
 Драхмани 14
 Дриопида (Дорида) 30
 Дунай, р. 158

 Евтресис 79, 131
 Египет 40, 44, 45, 48, 53, 55, 61, 114, 115, 125, 143, 153, 165

 Зафер-Папура 83

Зигуриес 38, 63, 98, 114, 115, 129—
131, 163

Иклайна 129

Иллирия 40

Имброс, о. 32

Инарима 145

Иолк 25, 100, 107, 126

Ионические острова 12

Ираклион 124

Иран 80

Итака, о. 62, 112

Италия 33, 81, 100, 126

Итея 79

Кавказ 80

Казанлык 158

Каковатос 65, 82, 83, 93, 99

Калидон 71

Кандия 38, 148

Кан Хасан 78

Караново 7, 98, 114, 165

Кария 92

Карфи 152

Кастри 101, 105

Като-Закро 9, 91, 96, 106, 164

Кеос, о. 72, 78, 79, 84, 99, 104, 116, 155

Керкира (Схерия), о. 22, 82

Керос, о. 101

Кефала 78

Кефаловрисы 15, 95

Кидония 94, 125

Кикладские острова 6, 8, 9, 33, 44,
79, 101, 102, 104, 111, 158

Киликия 145

Кимолос, о. 79

Кинурия 102

Кинфос 101

Кипр, о. 63, 86, 118

Кирра 16, 19, 92, 96, 100

Кифера, о. 33, 107, 110, 111, 125,

Кифос 79

Кносс 9, 42, 62, 64—68, 70, 78, 82,

88, 90—92, 94, 96, 99, 106, 116,

118, 120, 122, 125, 129, 135, 137,

147, 149, 152, 153, 156, 160, 164

Колхида 126

Кораку 38, 39, 64, 92, 111, 112, 130

Коринф 13, 14, 19, 41, 74, 84

Коринфия 38, 101

Корфутъ Арониу 114

Крит, о. 9—12, 18, 24, 33, 34, 44, 56,

61, 62, 65, 73, 78, 80, 83, 85, 89,

91, 94, 97—99, 102, 106, 107, 113—

118, 125, 128, 132—135, 140, 143,

148, 150, 152, 156, 159, 160, 164,

167

Кукунара 22, 129

Кумаса 152

Кэшиорела 125

Лакония 94, 102, 109, 111

Ласити 160

Левкада, о. 12, 22

Левканди 97, 102

Лемнос, о. 7, 8, 32, 33, 102, 104

Лепенский Вир 158

Лерна 10, 12, 13, 37—39, 72, 75, 84,
95, 98, 102, 103, 105, 114, 115, 129,
161

Лесбос, о. 8, 32, 79, 88

Лианоклади 75

Лигаридия 108

Лидия 92

Ликия 117

Ликт 125

Мавро-Спелион 83

Магула-Висвике 101

Майданпек 7

Македония 36, 40, 62, 113, 165

Малая Азия 7, 28, 29, 33, 34, 36, 40,
45, 78, 83, 108, 158

Малея, полуостров 110

Маллия 9, 10, 96, 106, 116, 161, 164

Малми 152

Мальти 82, 85, 90 (см. Дорион)

Маника 102

Марафон 69

Мега Монастирион 69

Мегиддо 92

Меджидна 125

Мелос, о. 79, 80, 102, 115, 116

Мениди 134

Меония 92, 151

Месопотамия 53, 55, 114, 153

Мессения 16, 21, 22, 72, 95, 107, 110,
112, 125

Мессенский залив 103

Мидея 83, 100

Микены 13—15, 20, 24, 45, 53, 62—64,
68, 69, 71, 72, 77, 82, 83, 87, 88,
90—95, 97, 99, 103, 107, 108,
112, 116, 118, 124, 125, 127, 129—
132, 134, 142, 143, 147, 150, 152,
155, 161, 164

Микonos, о. 79

Милет 96, 108

Мирсинохори 92

Миртос 102

Мохлос, о. 91

Муриатада 100

Навплия 69, 125

Наксос, о. 79, 101, 108, 114

Неа-Никомедия 84

Неаполь 145

Нидри, долина 12, 22

Нил, р. 44

Ниру-Хани 152

Нихория 21, 103, 107, 108

Одзаки 6, 101

Олимп, гора 153

Онунгаф (Ослиная челюсть), полу-
остров 110

Опунт 137

Орхомен 24, 38, 64, 107

Павлопетри, о. 110—112

Палайкастро 94, 106, 133, 152

Палайохорафа 22, 108

Панорм 101

Паройкия (Фрурион) 104

Парос, о. 8, 80, 104

Пеласгик 29

Пеласгиотида 32

Пеласгия 30, 34, 35, 39, 102, 165

Пеллена 94

Пелопоннес 10, 18, 29, 30, 32, 35,
39, 42, 74, 94, 103, 107, 125

Перати 147

Перистерия 93

Петрулона 79

Пилос 15, 22, 24, 25, 53, 64—68, 70,
72, 77, 82, 88, 91—93, 95, 96, 99,
107, 108, 118, 119, 121, 122, 124,
129, 131, 137, 140, 151, 153, 154,
156, 164

Пинд, горы 36

Полиохни 7, 8, 80, 101, 102, 104

Полла Дендра 22, 72 (см. Дендра)

Псейра 152

Псоролити 82

Рафина 10, 80, 102, 128

Рахмани 65

Ризомило 103

Родос, о. 94, 125, 126

Румыния 93, 114, 125

Саламин, о. 63

Салиагос, о. 6, 158

Самофракия, о. 32

Сарапедия 140

Сербия 8

Серифос, о. 79

Сескло 6, 13, 14, 78, 101, 113

Синоро 38

Сирия 45, 61, 145

Сирос, о. 8, 9, 79, 80, 101, 105, 110,
158

Ситагры 113, 165

Сифнос, о. 108

Сицилия, о. 93, 126, 145

Словакия 78

Спарта 58

Спата 91

Стено 22

Суфли 101

Схерия см. Керкира

Тарент 150

Тейхос Димайон 107

Тель-Амарна 44, 45

Тибет 47

Тилисса 152

Тириинф 24, 69, 96, 97, 99, 100, 107,
115, 129, 147, 164, 165

Трикка 127

Трис Лангадас 112

Трифилія 22, 29, 100

Троада 8, 80

Троя 7, 8, 33, 34, 43, 47, 71, 102, 126,
136, 141, 144, 148, 154, 160, 162

Трулла 152

Тэртэрия 114

Угарит 44, 45, 125

Уэссекс 93

Фера, о. 79, 107, 116, 133, 159

Ферми 8, 79, 101

Фессалия 6, 14, 30, 32, 35, 38, 39,
50, 65, 69, 76, 78, 96, 101, 107, 113,
126, 137

Фест 9, 94, 96, 97, 106, 115—118, 125,
149, 150, 152, 153, 164

Фивы 72, 79, 82, 92, 96, 97, 100, 107,
118

Филакопи 80, 102, 104, 115, 131

Филия 107

Фиреатидская равнина 102

Фокида 78, 79

Фракия 36, 40

Фригия 145

Фурия 110

Халандриани 8, 9, 79, 80, 101, 158

Хамаизи 152

Хеттское царство 45

Цани 113

Чатал-Гюйюк 78

Чехословакия 100

Эвбея, о. 10, 97, 102

Эгина, о. 10, 102, 103, 108

Элафонисос, о. 110

Элатейя 78

Элевсин 13, 100, 155

Эленика 110

Эпипей, р. 151

Эпидавр 38

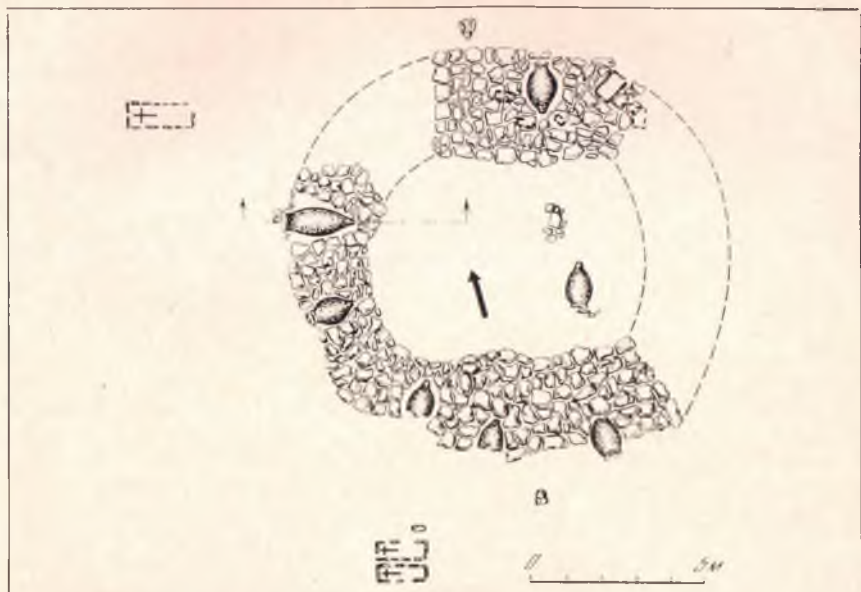
Эпир 30, 85

Этна, гора 145

Этолия 71, 136

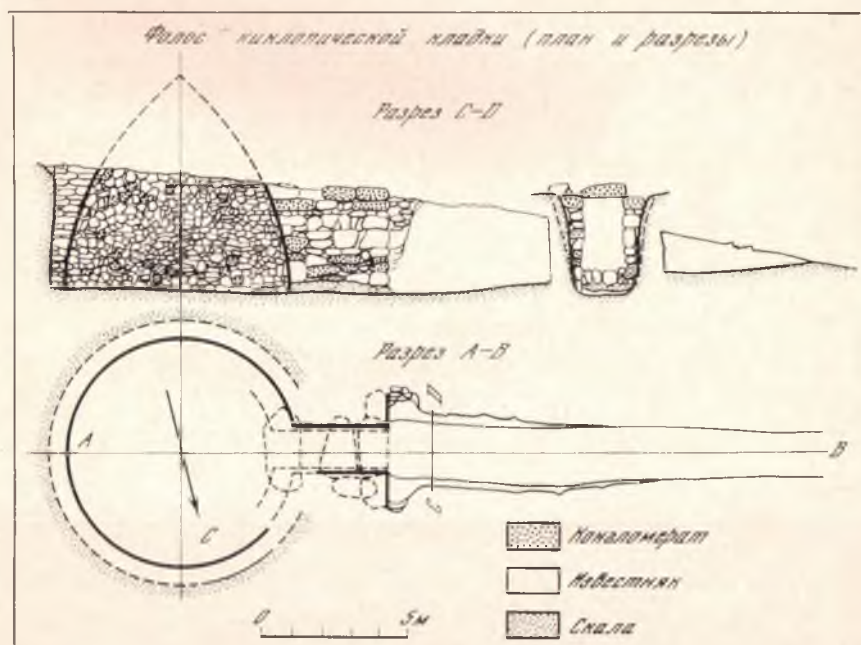
Эфиопия 5

Югославия 7, 114

Мессения. План кургана Агиос-Иоаннос (XIX—XVIII вв.).

Микены. План Киклопического фолоса (1510—1460 гг.).

Микены. Круг А, могила IV. Кубок из электрона с инкрустацией золотом и эмалью (XVI в.).

Амиклы. Золотой кубок I из фолоса Вафио (около 1500 г.).

Трифилия. Триовис из фолоса Каковатоса (около 1500 г.).

Аттика. Крышка слоновокостной пиксиды из склепа Спаты (XIV в.).

Пилос. Дворец. Ванна (около 1240 г.)

Микены. Мостик на пригородной дороге (XIII в.).

Микены. Вход в Большой фолос (XIII в.).

Пилос. Дворец. Лестница на второй этаж (XIII в.).

Тирикф. Укрепленный коридор восточных ворот крепости (XIII в.).

Микены. Серпы. Бронза (XIII в.).

Микены. Топор. Бронза (около 1200 г.).

Микены. Рукоятки ножей (около 1200 г.).

Микены. Дворцовое святилище. Головы змей. Глина (XIII в.).

Микены. Дворцовое святилище.
Культовые фигурки. Глина
(XIII в.).

Микены. Дворцовое святилище.
Культовые фигурки. Глина
(XIII в.).

Микены. Дворцовое святилище.
Культовые фигурки. Глина
(XIII в.).

*Микены. Дворцовое святилище. Голова юноши.
Слоновая кость (XIII в.).*

Профиль микенского воина (конец XIII в.), деталь росписи Кратера Воинов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава I

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОПОЛИСНОЙ ГРЕЦИИ

5

Глава II

ОТ ПЕЛАСГИИ К ЭЛЛАДЕ (ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ)

26

Глава III

РОЛЬ ВНЕШНИХ КОНТАКТОВ В ДОПОЛИСНОЙ ГРЕЦИИ

44

Глава IV

ЗНАНИЯ: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ, ТЕХНИЧЕСКИЕ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ; ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

60

Глава V

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУК: СЧЕТ, ПИСЬМО, ГЕОГРАФИЯ, МЕДИЦИНА

113

Глава VI

БЫТ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

128

Глава VII

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

139

Глава VIII

ИСКУССТВО

157

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

166

ХРОНОЛОГИЯ

167

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

168

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

170

Татьяна Васильевна Блаватская
ГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НОВОЙ ЭРЫ
И ЕГО КУЛЬТУРА

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Художник *М. В. Буткевич*
Художественный редактор *Ю. П. Трапачев*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 15/XII 1975 г.
Подписано к печати 21/V 1976 г.
Формат 60×90 .1/16 Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 11,75 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 6150. Т- 09037. Тип. зак. 65
Цена 94 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП. Москва, К-62. Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Строка	Напечатано	Должно быть
27	5 сн. 440—456	385—395
30	2 сн. Гермеса	Гефеста
44	6 сн. 140	104
45	9 сн. 116	136
33	2 сн. возникнуть	оформиться
39	4 сн. подходу и	подходу к
41	18 св. 60	693
146	24 сн. R	E
147	22 сн. деревни	в деревни
149	24 сн. 111—112	215—216
153	12 св. дворцовом комплексе	обширном комплексе G
153	18 сн. требовали	не требовали
165	12 св. Н. В. Рындина, 1971	Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971

94 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»